Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 11

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Натиг РАСУЛЗАДЕ. **Телефон. Осьминог.** *Рассказы* 10
Вагиф СУЛТАНЛЫ. **Возвращение в никуда…** *Рассказ* 32
Малик ДУРСУНОВ. **Трижды судимый.** *Повесть* 39
Константин ТАРАЕВ. *Рассказы* 84

ПОЭЗИЯ

Азер ЭФЕНДИ. *Стихи* 8
Кямран ДЖАФАРЛЫ. *Стихи* 27
Теллерт УАЙТ. *Стихи* 35
Заур МЕХТИЕВ. *Стихи* 127

ПУБЛИЦИСТИКА

Елизавета КАСУМОВА. **Прощайте, Ридан Веисага!** 3
Низами ТАГИСОЙ. **Инсинуации вокруг происхождения и принадлежности Низами Гянджеви к азербайджанской литературе** 15
Лирика Лейлы Алиевой в стране Суоми 36
Иса ГАБИББЕЙЛИ. **Интеллектуальная поэзия депутата Самеда Сеидова или поэтическое изложение политики** 75
Марат ШАФИЕВ. **Краткая история русскоязычной бакинской поэзии** 92
Аида ФЕЙЗУЛЛАЕВА. **Тайны гения** 101
Ляман БАГИРОВА. **Литературные портреты** 109
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. **Законопослушание** 131

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**
https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474
https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,***
Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 25.10. 2021 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

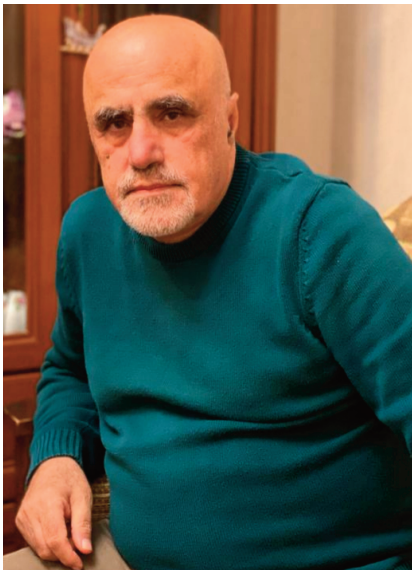
Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2021 г.

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

ПРОЩАЙТЕ, РИДАН ВЕИСАГА!

Светлой памяти Надира Агасиева



Надир Агасиев, зав. отделом прозы журнала «Литературный Азербайджан», талантливый, тонкий прозаик, выпускник Литинститута имени Горького, член Союза писателей Азербайджана, проработавший в журнале больше 40 лет и перелопативший за это время горы написанного – как истинно литературного, ценного, так и словесного мусора, прекрасный переводчик, ушел из жизни… Покинул этот мир и тех, кто знал его и любил. Или – не любил. Один мой хороший знакомый говорил: «Я с подозрением отношусь к людям, которых все любят: если они хороши для всех, значит, они, по меньшей мере, неискренни». Надир Агасиев был прям и искренен даже тогда, когда пытался как-то завуалировать свое истинное мнение или отношение – это ему плохо удавалось.

Он ушел в последний день лета – 31 августа. И наступила осень… уже без него…

Как могло случиться, что крепкий, спортивный, здоровый мужчина – кроме бывшего у него диабета в достаточно легкой форме, который он успешно «разгонял» движением, ходьбой, проходя ежедневно, согласно показаниям подаренного ему сыном шагомера, по 14000 (!) шагов, – внезапно скончался? Прививку от заполонившего планету зла – ковид-19 – он сделал одним из первых… И все же этим самым ковидом и заболел, причем, вопреки оптимистичным заявлениям медиков о том, что вакцинированным этот вирус не страшен, заболел в тяжелой форме, попал в больницу, где врачи не смогли его спасти...

…Скончался, ушел из жизни, покинул этот мир – как много названий у смерти – для того, наверное, чтобы не называть имени ее самой... и как странно, нелепо говорить их применительно к этому человеку…

Для всех нас то, что с ним случилось, было шоком, громом среди ясного неба… до сих пор не могу до конца поверить, что приду в редакцию, привычно гляну в сторону его стола – а там его нет... И – уже не будет. Никогда…

Мы с ним были дружны, как могут быть дружны коллеги, не один год проработавшие вместе, а главное – как люди, во многом схожие во взглядах, оценках, в мировоззрении, хорошо знающие и понимающие друг друга, и при этом не теряющие друг к другу интереса. Нам всегда было, что обсудить, о чем поговорить… Для меня это было очень ценно в нем – с ним можно было поговорить. Не поболтать, а – ПОГОВОРИТЬ…

Пожалуй, он был мне ближе всех в редакции – я всегда ощущала его доброе отношение ко мне и относилась к нему так же…

Тем больнее и горше было для меня то, что незадолго до его ухода я невольно, ненароком, совсем того не желая, обидела его… В жизни иногда случается, что каким-то непонятным, роковым образом события вдруг разворачиваются так, как ты не ждал, не думал, не желал… будто сам дьявол подшучивает над нами… Я обидела его, тут же поняла это, кинулась извиняться, он сделал вид, что ничего не произошло, но… произошло... Его легко было обидеть, он был очень тонко чувствующим человеком, и, понимая, зная это, я всегда старалась быть с ним особенно бережной … и вдруг – все так повернулось…

В связи с пандемией сотрудники редакции работают онлайн, то есть из дома. Мы с ним созванивались, переписывались по вотсап… но после того случая все прекратилось… Мне очень не хватало общения с ним…

Через какое-то время я узнала, что он заболел. Как мне сказали, заболел легко. Я была уверена, что он скоро выздоровеет. Тем более, что он прошел вакцинацию. Но потом я узнала, что он в больнице… Я каждый день ждала новостей о нем – конечно же, хороших. Но… мне сказали, что ему тяжело дышать, ему дают кислород…

И вдруг – я получила от него сообщение на вотсап! Я была счастлива – значит, ему лучше! И – он простил невольно нанесенную мной обиду!..

Оказалось, что это – поздравление с днем рождения, который был у меня в тот день! Я была потрясена его великодушием – в больнице, в таком состоянии он не только не забыл об этой дате, но и сделал мне дорогой подарок – перешагнул через свою обиду!.. Но… видно было, что ему плохо – буквы прыгали, какие-то были пропущены… последнее предложение было: «Говорить и писать могу с трудом» … и в самом конце, как мне тогда показалось, шутливое – «Отпускаю всем грехи»… потом я поняла, что это могло иметь более трагический – прощальный – смысл. Через несколько дней его перевели в реанимационное отделение и ввели в медицинскую кому… потянулись дни ожидания и надежды… Прошло 10 дней, и мне сказали, что он уже в обычной палате, что ковид, вроде бы, отступил… тем неожиданнее и горше стало узнать через несколько дней, что его не стало… Я не могла понять – почему?! Как это могло случиться?! Ведь – 14000 шагов ежедневно, кому это по силам? Ему – было по силам… и – вакцинация… Не могу понять этого до сих пор… и – не могу поверить. Не могу свыкнуться с мыслью, что его больше нет…

***

…Мне не хватает его, общения с ним. И я перечитываю написанные им строчки… это ведь – тоже общение… Читаю роман «Отражения», последнее и главное его детище. Наверное, единственное его столь масштабное произведение.

Почему он написал так немного? Ответ на этот вопрос, как и на многие другие, можно найти в этом его романе.

«Сюжеты вливались в меня с бешеной скоростью, скажем, где-то 60 мегабит за раз… А мне не писалось, только придумывалось. Рассказы во мне могли замешиваться на чем угодно, от пыли за окном, ветра в море, от слова услышанного, от части речи, части тела»…

Он действительно придумывал – или вспоминал – множество сюжетов, всегда интересных, необычных, нередко делился ими, даже предлагал «подарить»: «Напишите об этом вы, а то я буду долго собираться»… Но – это были ЕГО сюжеты, они были всегда необычны, иногда немного фантазийны, в них были детали, которые мог заметить только он… Он умел увидеть какие-то события, на первый взгляд обычные, в совершенно неожиданном ракурсе… И это делало его сюжеты особенно интересными. Он был немного фантазером – предлагал порой какие-то вещи, которые были мало выполнимы… нет, они были вполне логичны, но… иногда он будто не замечал – не хотел замечать! – существующих реалий… жил в каком-то своем, особом мире, который он сам себе намечтал…

Он не любил и старался избегать серости, глупости, обыденности… особенно в литературе... потому и писал так подолгу, стараясь не допускать штампов в сюжетах и в их изложении… обозревал огромное поле витающих в его фантазии образов, чтобы подобрать подходящий, и начинал писать… Иногда читал готовые куски мне, я всегда искренне хвалила, но он говорил: «Нет, надо вот это переделать, мне не очень нравится… а потом все это надо еще выстроить и уложить в единое целое»…

«Писал я эти рассказы в уме, как консервировал, складывал в ячейки памяти. Время от времени я выходил к ним в огромное, висящее надо мной поле… И окидывал взглядом поле свое… Подбрасывал в рассказы новые словечки и видел, как вновь начинали бурлить еще не описанные мною события».

И дальше:

«Сюжеты кружились в его голове, как разноцветные стеклышки в калейдоскопе, их было множество, некоторые он мне пересказывал, все были интересные и жалко было пожертвовать каким-то из них, но и невозможно было уложить их в одно повествование, приходилось все же выбирать и потом выстраивать все как-то в единое, общее произведение, оставляя остальные на потом…»

В первом отрывке он пишет от первого лица, во втором – от третьего. Кто такой «Я» и кто такой «ОН» – ведь, казалось бы, речь идет об одном и том же человеке, писателе? Все так и есть. Дело в том, что в романе – два героя: Веисага – ОН, и Автор – Я. И каждый – отражение, продолжение другого. Если прочитать имя героя «Отражений» – Веисага – наоборот, то получится фамилия Автора – Агасиев.

«Отражения» – это первая часть романа. Следуют еще две другие части: «Отражения в преломленном ракурсе» и «Отражения в нереальном». Роман построен на ассоциациях автора, связанных с реальными событиями из его жизни. Чтобы донести это до читателя, в самом начале романа он приводит слова столь любимого им Андрея Битова: «Хорошо придумывать то, что было, и невозможно сочинить то, чего не было...» В этой, казалось бы, парадоксальной фразе заложен, по-моему, глубокий смысл, понятный настоящему Писателю...

Итак, Веисага – фамилия героя, являющегося отражением автора, образованная от его фамилии – Агасиев. Схожим образом появилось и имя второго героя – Ридан.

«Риданом я называл себя в море, когда долгими днями оставался в бушующей стихии, предоставленный самому себе, развлекал себя беседами, словно рассказы писал».

«Хорошо придумывать то, что было»… Надир Агасиев довольно долго проработал в море, на нефтяной установке, совмещая это с работой в редакции. Во-первых, он очень любил море, а во-вторых, нужно было содержать семью, чего наши журнальные зарплаты, к сожалению, не позволяют.

«"Ридан" – это мое имя, Надир наоборот. И катер с похожим названием – "РЕДАН" – был у нас в управлении. Скоростной. Начальство на нем в море выходило. Но, бывало, и мы возвращались на "РЕДАН"е с вахты. Глядя, как "РЕДАН" красиво шел по волнам, я гордился, он был моим. Мы созвучны: РИДАН и РЕДАН. Да он почти моим именем назван!»…

И дальше:

«Ридан был моей собственной изнанкой, значит, был ближе к моей душе».

То есть Ридан – это взгляд на себя изнутри, образ этот – попытка заглянуть себе в душу…

А что там, в душе? Там – дорогие, бережно хранимые люди.

…Мама, которой давно уже нет, и затерялись где-то даже три метра отснятой им когда-то пленки, на которой она идет – уходит от него – по переулку…

…Отец и связанные с ним воспоминания... Вот он отвозит на своей новенькой «Волге» маленького Надира в глазную лечебницу, а вот везет его с мамой и братьями на летний отдых в селение Дашча, что в Габале…

…Тетя Аделя… Как-то она сделала ему бесценный подарок – привезла из Алжира, где она жила несколько лет со своими мужем и сыном, кассетный магнитофон и кассету с записями чешского композитора Дворжака – чудо, мало кому доступное в те времена…

…Дядя Махмуд… От него он впервые услышал об этом композиторе, Дворжаке… Дядя Махмуд страдал астмой, что не смогло заставить его бросить курить… Он умер от приступа этой болезни в поезде Москва-Баку, в котором возвращался домой…

Это те, кто ушел, но продолжали жить в его сердце, в его памяти.

Но главное место в его душе занимали живые – самые дорогие ему люди.

…«Жена, супруга» – это для окружающих, «манжелка» – это по-чешски – когда они отдыхали в чешских Подебрадах, он иногда шутливо называл ее так… а для нее – Меди, Медина… И всегда – с любовью и немного с гордостью…

Все в редакции знали, когда у нее день рожденья. Накануне он советовался с нами: «Что, если купить ей какое-нибудь украшение от Сваровски? Как думаете, ей понравится?»… Мы знали, что она любит орхидеи… и вообще цветы. Он ей их нередко покупал – просто так, без повода… ну и, конечно, по поводу…

Мне это очень нравилось в нем. Не люблю мужчин, которые говорят о своих женах пренебрежительно…

В «Отражениях» меня покорила одна его фраза: *«Жена моя внутри меня не возражала»*... Понимаете? Она всегда была с ним – если не рядом, то внутри, в душе, и он сверял свои поступки и намерения с ее мнением, которое он всегда мог предугадать…

Ну и, конечно же, в душе его – внутри него – всегда жили его дети, сын и дочь, и его внуки… Совсем недавно он стал дедом в пятый раз, у него, наконец, родилась внучка – в дополнение к четырем внукам… говорят, когда его увозили в больницу, внуки плакали…

Его очень волновала тема войны – нашей, Карабахской.

У него в «Отражениях» есть такая сцена. Ридан обращается к другу его детства, когда-то – немому мальчику, которого все звали Соколиком, – теперь уже повзрослевшему и выучившемуся говорить:

…«Соколик, слушаю тебя. Что ты мне хотел сказать?

– Война будет! – выдохнул Сокол утробой.

...– Какая война, Сокол? Когда?

Соколик яростно молчал: "Не знаю!"

До войны оставалось еще более двух лет!

– Кто будет воевать?!

– Армения и Азербайджан, – напором вырвалось из нутра юноши.

– Соколик, ты что?!

Сокол стоял, опустив голову, будто был виноват.

– Нет, Соколик, войны не может быть, понимаешь, не может. Мы ведь живем в едином государстве. Будь спокоен, не будет никакой войны. Не допустят!

Кто летом 1986 года мог поверить, что Армения затеет войну с Азербайджаном? И я не мог поверить»...

И дальше:

«"Война будет!" Какая война, у меня только родился сын, чуть более сорока дней назад. Война казалась абсурдом, еще через два года родится дочь, и война все еще будет казаться невозможна».

«– Сокол, какая война, – снова говорил я Соколику, вернувшись в солнечный день 1986. – Ты ошибаешься, кто тебе сказал? Война невозможна!»…

Но она оказалась возможна. Возможным оказалось все – и изгнание со своих исконных земель миллиона наших соотечественников, и обстрел и захват мирных городов и деревень, и – апогей армянского фашизма – Ходжалы… И потом – почти 30 лет оккупации наших земель…

Мы часто говорили с ним об этом. И верили, что когда-нибудь справедливость восторжествует. Но с каждым годом надежда на это казалась все менее реалистичной... И когда в сентябре 2020 года начались военные действия, и наша армия начала пядь за пядью отвоевывать наши земли, мы, находясь в карантине, почти каждый день созванивались, а чаще – списывались друг с другом по вотсапу и делились своими радостями и переживаниями. Так хотелось, чтобы Азербайджан в этой войне победил. С гордостью говорили о самоотверженности наших солдат, их высокой военной подготовке, о силе их духа… Верили, что они сделают все для победы...

А потом было победное шествие нашей армии, возвращение одного района за другим и, наконец, – взятие Шуши! И слова главы нашего государства, Ильгама Алиева, возвестившего: «Гарабах – бизимдир» – «Карабах – наш!» И – гордость и счастье, которые эти слова вызвали в сердце каждого из нас…

Надиру Агасиеву тоже довелось испытать эти чувства. Он УСПЕЛ узнать о нашей победе. И о том, что освобожденные территории очищают от мин, что разрушенные города восстанавливаются, что в Физули построен аэропорт – один из самых комфортабельных и современных в мире!..

…Думаю, он был счастливым человеком – у него была замечательная семья, друзья, у него был свой мир, было «свое творческое поле», где он «взращивал» множество сюжетов, из которых, – к огромному сожалению, – он успел дать литературную жизнь очень немногим…

Он был счастлив в этой жизни, и потому, наверное, боялся уйти, не хотел эту жизнь потерять.

Его волновала, беспокоила тема смерти. Вспоминая, как умер его дядя Махмуд, он писал:

«Говорили, кашлял долго. Отвлек бы кто из попутчиков, заговорил бы… о музыке, о Дворжаке, об автомобилях», – вспоминает Ридан.

И дальше, уже от Автора:

«После скоропостижной смерти матери Ридан искренне полагал, что скоропостижную смерть можно заболтать, если заранее почувствовать ее. "Я бы всем своим скоропостижно скончавшимся близким безудержно задавал вопросы, – сказал себе Ридан. – Заставил бы думать о насущном, настроил бы организм на жизнь. Главное – знать, что говорить, и уметь заинтересовать"...»

«В море, находясь в одиночестве, когда не с кем было поговорить, Ридан все задавал себе вопросы, и теперь думал – спасал себя.

"Замкнутость на себе ведет к скоропостижной смерти!" – вывел Ридан свой постулат, оглядывая море».

«Я буду жить 400 лет», – говорил он нам. Говорил так убежденно, что я, несмотря на всю невероятность подобного заявления, почти верила ему… Мысли о жизни и смерти занимали его, как и каждого из нас. С возрастом эти мысли занимают нас все больше... Как-то он посетовал: «Почему кто-то живет долго, а кто-то уходит рано? Вот бы знать, сколько проживешь!» «Вы – 400 лет», – напомнила я ему. Он грустно улыбнулся в ответ: «Хотелось бы…»

Мне бы тоже хотелось, чтобы он жил как можно дольше – мне кажется, это было бы справедливо… Мне кажется, что хорошие люди должны жить долго. К сожалению, смерть не разбирает, какими качествами души наделена ее жертва. Она просто забирает ее, и мы, смертные, ничего не можем с этим поделать…

И все же… Ридан Веисага – Надир Агасиев – прожил замечательную жизнь. Он был счастлив в семейной жизни. Его любили все, кто знал его близко, кому довелось увидеть его изнутри – увидеть его честность и порядочность, искренность и прямоту, его бережность к любимым людям. Он успел вырастить достойных детей, увидеть пятерых внуков, написать свою главную книгу. И увидеть земли Карабаха свободными от оккупантов… И все это, хоть и в очень малой степени, дает нам хоть какое то утешение в постигшей нас большой печали в связи с его уходом.

Да упокоит Господь его светлую душу!

Allah rəhmət eləsin!

АЗЕР ЭФЕНДИ

Мы с Надиром на кладбище навещали Мансура Векилова в день его рождения. Уходя, Надир оглянулся на памятник и сказал: «Какой Человечище был!.. Знаешь, Азер, уже много людей ушло и тех, с которыми я работал на Нефтяных Камнях. Интересные т-такие ребята были (когда чувства переполняли его, он слегка заикался): сильные, с-смелые, с характером (пауза)… как-то несправедливо – уходят, и ничего не остаётся… я решил… у меня много материала… я решил (бросил искоса взгляд на меня) п-писать роман… Я уже и название придумал… не смейся, это из Пушкина – «Ветер по̀ морю гуляет»… Как тебе? (опять взглянул на меня)».
Здорово, Надир! Очень нравится!

I

Ветер по̀ морю гуляет –
Синие глаза...
Ветер по̀ морю гуляет,
А в глазах слеза.

Ветер ищет, ветер свищет,
Вышки теребя,
Ветер свищет, ветер рыщет,
Ищет не тебя ль?

Вы когда-то на платформах
Нефтяных Камней
Побратались – две оторвы
Ярких синих дней!

С эстакады вниз сигали –
Что твой альбатрос! –
Волны хлёстко рассекали –
Брызг кипящий хвост
Воздымался к небу, к солнцу –
Жизни кутерьма!
Ночью звезды крупной сольцей
Месяц рассыпал!

Ты садился у окошка,
В тьму макал перо
И учился понемножку
Ставить на ребро
Слово чётко, как червонец
Звонкий, золотой!
Слово плавить, из бессониц
Покрывать золой!

Ветер помнит, ветер знает
Всё наперечёт.
Ветер пò морю гуляет,
Он тебя найдёт...

II

Все уходят люди-человеки –
Лихоманка подметает всех!
Исчезают города и реки,
На земле, видать, не счесть прорех.

И сломать не трудно, что угодно:
Пирамиду в порошок стереть...
Атлантида, говорят, в подводный
Опустилась мир, чтоб умереть.

Говорю, и сам себе не верю,
Что вот тàк вот всё обречено!
Не хочу уткнуться лбом в потерю,
Если в нашу жизнь ВСЁ ВКЛЮЧЕНО!

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

Р А С С К А З Ы

Телефон

Купил новый телефон, потому что потерял старый, к которому, между прочим, очень привык и, моя бы воля, ни за что бы не променял ни на какую супер накрученную модель. И вообще мне все эти телефоны, ну их… И с ними некомфортно (звонки – сплошная нервотрепка, звонят обычно те, кто от тебя чего-то хочет), и без них не обойдешься. Ничего не поделаешь, жизнь не повернешь вспять, в мою молодость, когда все мы прекрасно себя чувствовали без телефонов, компьютеров, интернета, ладно… Остановимся на этом, пока меня не посчитали ретроградом, тянущим назад. Стал восстанавливать утерянные контакты, по крупицам, по крупицам, по звонкам, по звонкам. Изучал, осваивал и приноравливался к капризно-избалованному характеру нового приятеля, осторожнее! Нельзя тронуть, нельзя дотронуться, случайно не то тронешь, заденешь, тише, тише; носил его бережно в кармане, перекладывал в нагрудный, поближе к сердцу, чтобы не обиделся, время от времени аккуратно полировал его защищенный пленкой экран о свои брюки, дышал на него, боялся дышать на него, чтобы был со мной в хороших отношениях и принимал только приятные, доброжелательные, с выгодой для меня звонки и отвергал ненужные и неинтересные предложения. И мне казалось – задобрил. И трель его, что я выбрал, вроде бы, понравилась и ему тоже, потому что – может, мне почудилось – он так нежно выдавал её, так усердно разливался соловьем, особенно по ночам, когда я спал, а он бодрствовал, не устав трезвонить целый день.

– Что тебе надо, час ночи? – спрашивал я спросонок. – Порядочные люди не звонят в такое время.

– Возьми, возьми, тебя ожидает сюрприз, – отвечал он, посылая волны флюидов в мое сознание.

Я выключал его, но и выключенный, как в затасканных фильмах-хоррор, он через несколько минут, словно очнувшись после обморока, повторял звонок.

Утром я сказал ему:

– Если не перестанешь безобразничать, я продам тебя за самую низкую цену.

Он обиженно промолчал, в голове у меня ничего не послышалось, как обычно бывало во время разговора с ним. Уходя, я не взял его с собой, пусть знает, как свою рысь показывать…Вечером, возвращаясь с работы, я еще на лестничной площадке услышал его истерические вопли, ничего общего не имевшие с прежней мелодичной трелью. Я поспешно открыл дверь, и звонок тут же прекратился, будто телефон хотел сыграть со мной в детскую игру «найди меня», я кинулся к письменному столу, на котором, уходя, оставил его. Но телефон был на полу. Я поднял его, открыл почту, вошел в vatsapp и прочитал сообщение: «приходили воры, унесли телевизор, компьютер и четырнадцать манатов, я им ничего не сказал».

Я с уважением посмотрел на телефон.

Пользовался я им крайне ограниченно, ни в какие игры я не играл, потому что давно вышел из того возраста, когда тратишь свое время на проверку своих умственных, аналитических способностей, мои возможности давно были мне известны, и теперь мои годы не оставляли мне никакой надежды, что что-то в этом плане изменится к лучшему. Долго болтать по телефону я и в юные годы не мог, мне претила

телефонная болтовня, только короткие деловые переговоры. Снимать фото или видео, гуляя по улицам, изображая из себя ротозея-туриста, для меня не было никакой необходимости, так как я издавна привык все запоминать внутренней памятью, которую, в отличие от фото, ограниченного тупыми, косными рамками реальности, можно было дополнять и развивать своей фантазией. Таким образом, оставалось очень мало функций, что могли бы быть мной задействованы, просто в других не было необходимости, и дома укоряли меня за то, что я по своей неосведомленности купил такой дорогой телефон, когда вполне мог бы обойтись гораздо более дешевой моделью… Телефон слышал эти разговоры, слышал, как я посылал к черту все телефоны на свете, и затаил обиду…

Потом стали происходить странные вещи: вдруг куда-то бесследно исчезали важные для меня звонки, и только через время, когда момент и хороший шанс уже нельзя было вернуть, человек дозванивался, наконец, и недоумевал, почему я не отвечал и не перезванивал. Я не знал, что ответить. Сообщения по vatsapp доходили в искаженном виде, какие-то непонятные иероглифы, нужные мне три основных шрифта пропали, а на их место встали китайский, древнегреческий и арабская вязь, и сколько я ни бился, чтобы вернуть шрифты, дабы можно было посылать сообщения, через время снова возникали неизвестные буквы и иероглифы.

– Я разобью тебе морду, телефон! – вопил я в ярости, постепенно утратив почти все деловые контакты с нужными людьми.

– На себя полюбуйся, морда, – отвечал он спокойно с оправданной иронией.

– Растоптать бы тебя, сволочь! – кипя от злости, ворчал я.

– Только попробуй, – грозил он, откровенно хихикая. – Вспомни, сколько ты денег зря потратил… Я на твоем месте не стал бы так расшвыривать семейный бюджет.

Телефон, совершенно обнаглев, откалывал все новые издевательства. Теперь по ночам включался будильник, и в три ночи, четыре утра громко, воодушевленно, голосом карлика-педераста возвещал начало нового дня, который принесет радость, а может, даже и счастье, если сойду с ума, поскольку общеизвестно, что постоянное ощущение счастья – удел идиотов.

Шли дни, и наше противостояние, в котором каждый раз я безнадежно проигрывал, все более усугублялось. Я перестал спать в напряженном ожидании звонка будильника, который, как ни старался, не мог отключить, в ожидании идиотских звонков непонятных незнакомцев, которые то и дело спрашивали среди ночи то аптеку, то прачечную, то сауну, где обслуживают молоденькие массажистки. Телефон заставил меня скрупулезно, досконально изучить все его функции, нужные и ненужные, но все равно я не мог пользоваться им, как своим старым телефоном, нужные не приносили никакой пользы, а ненужные просто бесили, как этот проклятый будильник и звонки не попадавших, куда надо, людей, будто мы вернулись в середину прошлого века. Я настолько сроднился и изучил новый, с крутым норовом телефон, что чувствовал себя единым существом с ним, но вместе с тем, будто какой-то неведомый враг засел у меня внутри, как неизлечимая болезнь, которая заставляет больного думать только о ней, как огромные деньги, что управляют своим хозяином, так же и я постепенно, сроднившись, оказался в руках этого зловещего, беспощадного монстра, такого симпатичного и исполнительного с виду.

И однажды среди ночи я в полусне, в напряженном ожидании очередного телефонного вопля, вдруг услышал тихий внушительный голос внутри себя, необсуждаемый приказ. Я поднялся с постели и был как сомнамбула, как зомби, безвольным, как робот, которым можно было управлять… я взял телефон, как было велено, и вышел на балкон своей квартиры на шестнадцатом этаже.

– Прыгай! – приказал телефон.

И вот я прыгнул…

Осьминог

В последнее время у шестидесяти трехлетнего N. не на шутку расшатались нервы, а также разыгралось и без того буйное воображение, которое и днем и ночью не давало ему покоя. N. страдал застарелой неврастенией и еще многими болячками, на что старался не обращать внимания, что ему с трудом, но удавалось, время от времени…

Сам не понимаю, зачем я взял такой пошлый, игривый тон с самого начала.

Одним словом, N. решил обратиться к врачу, точнее – к врачам, и серьезно заняться всеми своими болячками, в числе которых были и проблемы с позвоночником. Нажил от долгого сидения, такая работа. Нельзя сказать, что он не любил врачей, он не любил к ним обращаться. Ему, можно сказать, даже нравились врачи, особенно если противоположного пола и в теле.

Он побывал у невропатолога (женщина, миловидная, лет сорока, метр пятьдесят пять, шестьдесят пять килограммов) и остался доволен первым впечатлением.

– Побольше бывайте на свежем воздухе, – после долгих расспросов и манипуляций с телодвижениями, резюмировала она. – Занимайтесь спортом, вот плавание очень хорошо успокаивает нервы… и попейте, вот я прописала, – сказала она, протягивая N. листок. – А чем вы занимаетесь? У вас сидячая работа? Кто вы по профессии?

Из трех вопросов, почему-то оставленных врачом напоследок и заданных торопливо, будто она старалась побыстрее избавиться от N., он выбрал последний, самый сложный. Ему было неловко признаться, что он писатель, а не бизнесмен, не свадебный певец, не ректор, не депутат, не дипломат, даже не врач-гинеколог. И он промямлил нечто невразумительное, впрочем, женщина, которая в теле, и не ждала ответа, а ждала уже следующего пациента.

Да, увы, увы, наш приятель N. был всего лишь писатель, наделенный буйным воображением, пишущий рассказы, романы, сценарии, которые не принесли ему славы и денег, а принесли неврастению и другие болячки, и кроме того два года заключения, что произошло почти накануне развала огромной страны, с цензурой которой N. как писатель воевал, как говорится, с младых ногтей.

Будучи молодым писателем, он писал очень смело, указывая на болезни общества, в котором пребывал, и в результате угодил…что и требовалось доказать.

Судья районного суда, зачитывая приговор, очень эмоционально, что было довольно странно для объективного и уравновешенного голоса справедливости, изрекла: «За жалкий, вредоносный и поганый пасквиль, очерняющий нашу социалистическую действительность!».

N. получил четыре года, но через два, перед развалом социалистической действительности, попал под амнистию.

И вышел на свободу.

Был N. характера крайне неуживчивого, в результате чего постоянно находился в антагонистических отношениях с сокамерниками и часто вступал в драки и неоднократно бывал бит и перебит. Так что, N. покидал тюрьму с разукрашенным фасадом.

Тот же самый неуживчивый тяжелый характер послужил причиной тому, что N. и теперь, несмотря на свой солидный возраст, оставался один. Один-одинешенек.

Были приходящие и уходящие. Были приходящие и быстро уходящие. Но, в конечном счете, N. пребывал один в своей маленькой квартирке с ванной комнатой, кухней и компьютером.

После приятного невропатолога N. побывал у не очень приятного ортопеда (мужчина, плохо побритый, запах изо рта) пожаловался ему на позвоночную грыжу, показал снимки МРТ и с удовольствием услышал, что совет ортопеда и симпатичного невропатолога совпадают.

N. не любил усложнять жизнь, в тот же день пошел и купил месячный абонемент в бассейн недалеко от дома.

N. стал посещать бассейн, сначала неохотно, будто эти посещения отрывали его от бог весть каких важных дел, но потом постепенно втянулся, плавать ему понравилось, плавать он умел с юности и потому не нуждался в тренере, и скоро плавание в бассейне стало одним из маленьких удовольствий его текущей (вяло текущей) жизни.

Он удвоил посещения, заплатив соответственно двойную цену, и теперь почти каждое утро, очень рано (зимой только начинало светать) посещал бассейн, пока не набежали другие посетители. Он получал истинное удовольствие от плавания и своего одиночества в огромном бассейне, плавал на спине, брассом, кролем, примитивными саженками, нырял с тумбы в зеленую прозрачную чистую воду, короче – жизнь показала ему свою еще одну, на этот раз положительную, грань.

Но нельзя избавиться от воображения, особенно, если оно у вас буйное, бурное, почти сумасшедшее, нет, нельзя… Оно или есть или его нет, и как же жаль людей, лишенных его, ведь воображение, фантазия нашего ума – и есть реальная жизнь, реальная действительность, особенно для творческих людей.

А N. был, несомненно, творческим человеком и любил, холил, лелеял и пестовал свое воображение, хоть оно порой и мешало жить и пребывать в реальности, отчего замечал он на себе странные взгляды окружающих.

И вот однажды, когда N. в упоении плавал один-одинешенек в бассейне, ему вдруг почудилось, будто что-то задело его за ногу, и даже почувствовал он небольшое жжение от прикосновения чего-то, он нырнул, протер очки для плавания, раскрыл глаза под водой и… увидел…

Огромный, красный осьминог, распустив под водой свои конечности с присосками, выпучив мертвые мутные глаза, следил за подплывающим к нему N.

Охваченный ужасом, N. что было сил устремился к краю бассейна, выскочил из воды и стал пристально вглядываться в спокойную чистую поверхность, таящую... Таящую?.. Нет… Вроде ничего…

Он мельком бросил взгляд на электронные светящиеся на стене часы: первые посетители должны прийти не раньше, чем через сорок минут. Не зная, что предпринять, N. стал вглядываться в воду, и тут огромный красный спрут показал свое тело, всплыв на поверхность и угрожающе раскинув щупальца, задевая, приподнимая и срывая канаты, разделявшие дорожки на бассейне.

N., весь дрожа, торопливо покинул бассейн, не говоря ни слова сторожу, открывшему ему дверь, но пройдя несколько шагов, вернулся и сказал:

– Там… это… Вы посмотрите… кажется, мне что-то показалось… Посмотрите бассейн… там вода…

Сторож глянул на него, ухмыльнулся и произнес загадочно:

– А куда же его девать?..

N. бросил дикий взгляд на сторожа и почти бегом пустился к дому.

Прикосновение монстра к ноге N. и сейчас ощущал живо и дома осмотрел ногу – поближе к лодыжке было небольшое покраснение. N. протер ногу в этом месте спиртом и вошел в ванную, стал наполнять ванну, и тут зазвонил телефон. Пока он говорил по телефону, ванна наполнилась. N. вошел посмотреть и увидел уставившегося на него выпученными глазами из воды маленького спрута.

N. в ужасе, покрывшись холодным потом, бросился прочь, крепко закрыв дверь ванной.

Отдышавшись, он все же приоткрыл дверь и увидел, что монстр, будто разбухая от воды и на глазах становясь все крупнее, меняя спокойную бледность на красный цвет, вываливался из ванны, протягивая к нему, N., свои щупальца.

N. в ужасе захлопнул дверь, уже ощущая навалившуюся изнутри тяжесть, под напором которой дверь прогибалась и становилось трудно её удержать, словно тяжесть с каждой секундой увеличивалась, была все ощутимее, тяжесть, которой нельзя было противостоять одному человеку.

И вот дверь распахнулась, и уже большой, почти не вмещавшийся в маленькую ванную комнату осьминог беспомощно шлепнулся своими мокрыми щупальцами на паркет пола и сердито, налитыми злостью глазами уставился на N., стараясь достать его ногу своими щупальцами.

У N. зашевелились волосы на голове, он перестал дышать, лихорадочно соображая, что нужно делать, как избавиться, и… тут он потерял сознание.

Очнулся N. в своей постели, протер глаза, посмотрел на часы и понял, что сегодня безнадежно опоздал на бассейн, и теперь там целая толпа пловцов и пловчих…

И тут он вспомнил осьминога, монстра, которого видел в бассейне так живо, так ярко, что это никак не могло быть сном. Он потряс головой, будто отгоняя жуткое видение, поднялся и пошел в ванную умыться.

Мертвый маленький – уместился бы на двух растопыренных ладонях – осьминожек лежал на пороге ванной комнаты, глаза его были прикрыты и всем своим видом он будто укорял N. за то, что он не позаботился о нем, бросил умирать одного, одного в этом чужом для них обоих мире.

НИЗАМИ ТАГИСОЙ

Инсинуации вокруг происхождения и принадлежности Низами Гянджеви к азербайджанской литературе

Когда речь заходит о Низами Гянджеви, некоторые высказывают мнение о том, что он не является представителем азербайджанской литературы. Это, конечно, удивляет многих маститых низамиведов.

Так, например, некоторые представители лезгинской литературы полагают, что Низами принадлежит не азербайджанской, а лезгинской литературе. Итак, обо всём по порядку. Лезгинский поэт и прозаик, автор книги «История лезгин» (*так он себя представляет* – **Н.Т.**), уроженец Гусарского района Азербайджана Забит Ризванов в начале 90-х годов особо активизировал свою деятельность как новоявленный специалист по творчеству Низами Гянджеви. В «Лезгинском историческом портале» была представлена его статья, посвящённая происхождению Низами Гянджеви. Посчитав, что многочисленные средневековые тезкире (записи), различного рода антологии, составленные после смерти Низами Гянджеви, не осветили полностью все детали его биографии, З.Ризванов, стремясь к выяснению национальной принадлежности Низами, пришел к мнению, что, оказывается, по сей день не удалось выработать маломальски достоверную версию по этому вопросу. Относительно места рождения Низами Гянджеви З.Ризванов пишет следующее: «Одни утверждают, что поэт родился в иранском городе Кум, другие говорят, что его родина – средневековый ширванский город Кум (ныне в Гахском районе Азерб ССР). Третьи отвергают эти версии и выдвигают свои – **мол** (*выделено нами* – **Н.Т.**), Низами не родился в городе Гянджа». Цитируя строки Низами: «Хотя я, как жемчужина, потерян в Гяндже. Родина моя – горной области город Кум», автор заявляет, что «если поэт родился в иранском Куме, то он поэт персидский». Странное заключение?! Хочется напомнить, что в настоящее время в Иране живёт более 35 миллионов азербайджанцев. И эти люди называют себя азербайджанцами, или тюрками.

Ныне многие литературоведы отвергают обе версии и считают, что приведённые выше стихи вставлены в поэму поэта после его смерти.

В то же время в «Искендернаме» Низами читаем:

Все, что сделал в Гяндже я, не знающий лжи,
Воры шлют в Бухару. Их товар из Гянджи.

...Коль не крикнет хозяин про дерзкие кражи –
Сбережёт ли свой склад он от собственной стражи?

Но довольно! Напрасны и крик мой, и вздох.
Время всё разберёт – кто хорош, а кто плох.

Думается, что самый верный ответ оппонентам даёт первое приведённое нами двустишие из поэмы «Искендернаме». К тому же Е.Бертельс в своей книге относительно данного вопроса указывает, что о Гяндже писали не только как о прекраснейшем городе Закавказья, но и всего Переднего Востока. К началу XIII века сила города умножилась настолько, что монголы, подойдя к Гяндже, не решились напасть на прекрасно защищённый город и удовольствовались откупом деньгами и шелковыми тканями…

Таким образом, можно с полной уверенностью говорить о ведущей роли Гянджи XII в. в культурной жизни Азербайджана. Понятно, что она стала родиной поэта, имеющего право на одно из почётных мест в истории мировой литературы – гениального Низами.

Другой лезгинский «низамивед» Арбен Кардаш пишет, что в эпоху Низами в Гяндже не было тюрков.

На этот счёт А.Крымский отмечает следующее: *«На равнинах новозавоеванной Малой Азии, равно как в Южном Азербайджане, нашлись привольные пастбища для желавшей кочевать орды!.. Этим было положено начало… земскому отуречиванию этих краев».*

Далее А.Крымский добавляет, что имеются более ранние сведения насчёт отуречивания области Аррана XII в. с городом Гянджа, где жил Низами.

Тогда как многие низамиведы (*в их числе следует называть в первую очередь самих иранских литературоведов* – **Н.Т.**) давно установили настоящее место рождения поэта и его принадлежность к тюркам, а именно – к азербайджанским тюркам, З.Ризванов, не имея соответствующего представления о данном вопросе, продолжает «углубляться в тему» и отмечает, что мать Низами происходила из знаменитого курдского рода. В поддержку развития «своей мысли» З.Ризванов пишет: «Если мать поэта происходит из влиятельного рода, значит и замуж её должны были отдать за знатного человека». З.Ризванов считает, что ещё очень «важное открытие».

Однако не надо при этом забывать, что дед поэта Муайяд Зеки тоже был состоятельным знатным человеком. Муайяд Зеки и женил своего сына Юсифа (отца Низами) на сестре знатного курда Хаджи-Омара из Гянджи.

Приводя полное имя Низами, А.Е.Крымский называет его «шейх Низамаддин Абу Мохаммад Ильяс ибн Юсуф ибн Заки ибн Муаййад Гянджави» (*у него именно Гянджави* – **Н.Т.**) и указывает, что Низами – лучший романтический (точнее, суфийско-романтический) азербайджанский поэт, непрекращающийся источник подражаний для последующей персидской романтики, в высшей степени любимый первообраз и для представителей тюркоязычных литератур, гениальный поэт мирового значения.

Прямо в начале своей монографии А.Крымский говорит и о грубых искажениях исторических данных, что, по его мнению, продолжалось чуть ли не три столетия спустя после смерти Низами. Это глава в три страницы, которую среднеазиатец из Самарканда Даулатшах (XV в.) отвёл Низами в своём антологическом компилятивном своде поэтических биографий «Тазкират аш-шуара» («Памятная записка о стихотворцах», соч. 1487 год). Несмотря на некоторую поверхностность статьи Даулатшаха, в то же время А.Крымский считает, что там имеются ценные указания о принадлежности Низами к братству «ахи» – трудовому цеховому ордену.

Здесь же А.Крымский подчеркивает: *«Поразительно, что ни один западноевропейский исследователь не придал значения этому первостепенной важности факту, дающему ключ к пониманию общественных настроений поэта»*.

Относительно правописания псевдонима Низами следует отметить, что в рукописи тахаллусы арабских и персидских поэтов Низами, Мутанабби и т.п. всюду даются как Низамий, Мутанаббий, т.е. в соответствии с их этимологией и произношением по-арабски. На это специально обратил внимание А.Крымский. Он, отказываясь от арабского окончания «ий», принимал во внимание то, что тахаллусы в русской научной литературе утвердились в форме Низами, Мутанабби.

Лезгинский «учёный» З.Ризванов, к которому впоследствии примкнул и А.Кардаш, настоятельно отмечают, что Низами – не из азербайджанского города Гянджа. Он из иранского города Кум, или средневекового ширванского города Кум – ныне Гахский район Азербайджанской ССР (*статья З.Ризванова датируется 1992 г.* – **Н.Т.**), или из селения Кипчак (Капцах) в Магерамкентском районе Дагестана.

Для уточнения этих вопросов было бы интересно обратиться к мыслям академика Гамида Араслы: *«После появления «Хосрова и Ширин» о славе Низами стало известно во всех шахских дворцах. В то же время после представления этого сочинения дворцу Джахан Пехливан умер. Вскоре после того, как Кызыл Арслан взял власть Атабеков в свои руки вместо брата, для того, чтобы Кызыл Арслану увидеть поэта, он тронулся в путь в Гянджу. Они встретились в 30 километрах от Гянджи. Описывая эту встречу, поэт потом добавил её в поэму «Хосров и Ширин»*.

Забит Ризванов и Арбен Кардаш утверждают, что оттого, что Низами писал свои сочинения на фарси, он является персидским поэтом.

Принимая во внимание это обстоятельство, Г.Араслы писал: *«Несмотря на то, что Низами писал свои произведения на персидском языке, он всегда мыслил как азербайджанец, свои образные выражения всегда брал из живого народного языка»*. Для подтверждения своих мыслей Г.Араслы далее пишет: *«Неслучайно, что когда персы ведут речь о стихах Низами и Хагани, они говорят, «buyi-türk miayəd», т.е. здесь «тюрком пахнет»*.

Интересна и такая мысль Г.Араслы: *«Начиная с XII по XX век, сочинения Низами в значительной степени повлияли как на всех азербайджанских поэтов, так и на поэтов Востока – Хосрова Дехлеви, Джами, Хатифи, Навои, Мектеби, Амири, Наими, Хилали, Фейзи, Абди, Ахмеди, Шейхи, Хамди, Джалили и других. Под влиянием гения Низами, они создавали на тему «Хамсе» свои поэмы. Многие из них, начиная свои произведения с имени Низами, его же именем заканчивали их».*

Интересно и следующая мысль Г.Араслы. Великий Байрон «Лейли и Меджнуна» называет «Ромео и Джульеттой» Востока. Однако по мнению Г.Араслы, на самом деле трагедия «Ромео и Джульетта» должна называться «Лейли и Меджнуном» Запада».

З.Ризванов не останавливается в своих стараниях, идёт всё дальше и дальше. «Курды вокруг Гянджи, – пишет автор, – несомненно, пришлый элемент. Но ведь кто-то на этих землях жил до курдов! Что же это за люди и на каком языке они говорили?» И здесь З.Ризванов ссылается на академика А.Крымского, который утверждал, что население на обоих берегах реки Куры говорило на своём, старинном, особом языке – арранском. И, оказывается, язык этот принадлежал к восточной группе северо-кавказских языков (*по желанию З.Ризванова – к лезгинскому языку* – **Н.Т.**).

Если Забит Ризванов знаком с книгой А.Крымского, то он должно быть читал там и такие мысли этого крупного историка литературы: *«Надо твёрдо сознать и признать: азербайджанец Низами, конечно, есть родной азербайджанский поэт, которым Азербайджан может по праву гордиться, но он же есть гордость и украшение также иранской литературы, которая ни в коем случае не может исключить его из своих рядов…, несмотря на его «азербайджанизм» и «тюркообразность»*.

Под сомнение берёт Х.Ризванов, как мы выше заметили, и сам город Гянджа.

По этому поводу крупный низамивед Е.Бертельс пишет: *«Город Гянджа, являющийся родиной поэта, был основан при арабах между 845 – 853/4 гг., но название своё получил от Ганзака, столицы Азербайджана до арабского завоевания… В начале XII в. она по-прежнему оставалась столицей Азербайджана».* Продолжая свою мысль, Е.Бертельс далее отмечал: *«О Гяндже Низами в своих произведениях упоминает весьма часто, его «нисба», т.е. прозвище, указывающее на происхождение, всеми лучшими источниками указывается в форме Гянджеви, т.е. Гянджинский»*.

Но Забит Ризванов никак не может воспринимать тюркские корни Низами. И здесь для утверждения своих последующих мыслей «исследователь» обращается к отдельным отрывкам из поэмы «Лейли и Меджнун» и утверждает, что Ширваншах, которому была посвящена поэма «Лейли и Меджнун», считал себя принадлежавшим к среде персидской аристократии. И что двор Ширваншахов непричастен к тюркским нравам. Заметим, что З.Ризванов во всех случаях ведёт себя как не знающий и не понимающий историю, исторические реалии, арабское и персидское завоевание на

Южном Кавказе, оказывающее значительное влияние на историко-этническую и культурно-языковую ситуацию региона. Именно не владея описываемой и анализируемой обстановкой и эпохой, З.Ризванов в конце материала приходит к такому заключению: «Вот почему… Низами Гянджеви не был тюрком по национальности».

В «Антологии азербайджанской поэзии» (М.: Художественная литература, 1939) говорится, что одну из лучших своих поэм, «Лейли и Меджнун», Низами намеревался писать не на фарси, а на азербайджанском языке. В начале поэмы Низами объясняет причину создания «Лейли и Меджнуна». И отмечает, как его желанию помешало появление посланца шаха с письмом, в котором он требовал от поэта создания новой поэмы, поставив условием – писать её только на фарсидском языке.

«О, мой верный раб, – писал шах в своём послании поэту, – о, Низами, волшебник мира слов. Дуновением утреннего ветерка покажи свои чары, своё волшебство слов. Выяви всё, что можешь, в чудесном искусстве речи. Я хотел бы, чтобы ты воспел в словах, как жемчуг, любовь Меджнуна. Если можешь, и ты скажи несколько девственных слов, чистых, как невинность Лейли, чтобы я прочёл и подтвердил их сладость и, кивая головой, указал бы на них, как на корону… Укрась ты невесту юную фарсидскими и арабскими украшениями.

Ты знаешь, я смыслю в речи, я различаю новые бейты от старых, но знай, что если жемчуг, нанизанный тобой на нить с кольца дум, будет носить образы тюркские, это для нас не годится, ибо тюркообразность недостойна нас. Лица, стоящие высоко, достойны высокой речи».

Это послание разрушило все мечты Низами. «Волнение охватило мое сердце и мое сознание». У меня не было сил отвергнуть это слово, и не было у меня также глаз, чтобы найти путь к сокровищнице. Огорчение охватило меня. Не было у меня друга, чтобы поведать о тайне своей – желании рассказать эту повесть».

А вот поэтическое переложение этих мыслей в переводе П.Антокольского во «Вступлении к поэме «Лейли и Меджнун», помещённом в «Антологии азербайджанской поэзии»:

«О друг и брат, ближайший меж людьми!
Словесных дел волшебник Низами!
Проснись, восстань от сладостного сна.
Яви нам чудо. Мощь тебе дана,
Чтобы на арене слова своего
Нам доказать благое мастерство.
Хотим, чтоб в честь меджнуновой любви
Гранил, как жемчуг, ты слова свои,
Чтобы Лейли невинность обретя,
Ты был в реченьях свежим, как дитя.
…Как некий шах в чертоге слов твоих.
Так не жалей рассыпать щедро их.
Арабской ли, фарсидской ли фатой
Украсишь прелесть новобрачной той.
Знай, что с твоим твореньем, Низами,
Знакомились мы прежде. Но пойми,
…Нам не приличен тюркский твой язык,
Наш двор к простецким нравам не привык.
Раз мы знатны и саном высоки,
Высокие да слышим языки!»
Прочёл я… Кровь мне бросилась в лицо.
Так значит, в ухе рабское кольцо!
И не поднять из мрака мне чела,
И на глазах как пелена легла,

И не найти сокровищ золотых...
И замер я, и ослабел, затих...
...Вновь дополнять творенье смысла нет.
И рядом сын любимый Мохаммед,
Что дорог моей жизни, как душа,
В руках ту книгу тюркскую держа,
Как тень моя скользящая, был тих.
Он подошёл и сел у ног моих.
И говорит: «Не раз ты мяч бросал,
«Хосрова и Ширин» недаром написал.
Сердца людей ещё повесели
И напиши «Меджнуна и Лейли»,
Чтоб две поэмы были двойники,
Он – Ширваншах. Вы оба высоки.
Твоё владенье – не Ширван, а мир.
Но он знаток, он знатен, он кумир,
Он требует наряднее прикрас,
Садись, пиши, как ты писал не раз».

(«Антология азербайджанской поэзии». М., 1939, с. 23 – 24).

Как явствует из приведённого отрывка, Низами очень расстроился, оттого что поэму ему надо было писать не на тюркском, а на арабском или фарсидском. Из текста даже становится ясно, что поэма фактически была готова. Об этом свидетельствуют следующие строки: *«И рядом сын любимый Мохаммед,\Что дорог моей жизни, как душа,\ В руках ту книгу тюркскую держа»*.

Неужели всего этого недостаточно для тех, кто считает Низами не тюркским, а персидским или лезгинским поэтом?!

Когда мы знакомимся с поэмой «Искендернаме», видим, что в ней особое место занимают, наряду с другими образами и городами, образ Нушабы и описания городов Гянджи и Барды.

О Гянджe мы уже говорили.

Теперь выскажемся о Нушабе и Барде. Нушаба, как правительница Барды, являясь примером и символом красоты, в то же время и показана весьма отважной женщиной. Барда же описывается поэтом как райский уголок, где имеются богатые луга, живительные травы, бескрайние сады и зеленые поля.

Вот какими богатыми художественными средствами Низами описывает Барду:

Так прекрасна Барда, что январь, как и май,
Для пределов её – расцветающий край.
...Там меж рощ благовонных снует ветерок;
Их Кура огибает, как райский поток.
...Там в богатых лугах и под сенью дубрав –
Круглый год благовонье живительных трав,
...Там дождём золотым нивам зреющим дан
Отблеск золота; блещут они, как шафран.
...Но Барда ниспровергнута. Ветра рука
Унесла из неё и парчу, и шелка.
...Да, коль шах обратит взор свой к этому лону,
Вновь он даст украшения древнему трону.
Этот край прозывался Харумом, потом
Был Бардою учителем назван...

Далее он ведёт речь как о знаменитом «Белом саде» города Барды, который славился своей красотой, и рассказывает о характере Нушабы:

…Воцарилась в стране, что прекраснее рая,
Нушабе: за отрадною чашей вина
Круглый год, веселясь, проводила она.
Непорочной газелью бродя по долинам,
Красотою была она схожа с павлином.
И была она, славой сияя большой,
Что мудрец – благонравьем, что ангел – душой.
…Только жёны вели её царства дела,
И к мужам благосклонной она не была.
…Но приказ Нушабе исполняя любой,
За неё они всюду вступили бы в бой.

Это отрывки из поэмы Низами «Искендернаме». Однако лезгинский «ученый» А.Кардаш считает, что темы, мотивы, сюжеты, образы и герои поэм Низами никакого отношения к Азербайджану не имеют.

Тогда сошлёмся на Гафара Кендли, который, опираясь на соответствующие источники, установил, что поэма «Хосров и Ширин» основана на темах, взятых из исторического прошлого Азербайджана… В этой поэме с большим мастерством описаны отдельные стороны культурной жизни азербайджанского народа – как оседлой, так и кочевой его части.

Сюжет «Хадиси Хосров и Ширин» с древних времён был известен в Азербайджане, и при его создании Низами опирался на единственную рукопись, написанную в годы огнепоклонничества и хранившуюся в Барде. Низами сам указывает на то, что информацию о копии этой рукописи, сохранённой в Барде, передали ему пожилые люди, о которых повествует одна из историй в поэме Низами. И он, воодушевляясь этой рукописью, начал писать поэму.

Глубокое ознакомление с данной поэмой утверждает мысль о том, что нашедшие в произведении географическая среда, топонимика и многое другое однозначно указывают на нерасторжимые связи «Хосрова и Ширин» с Азербайджаном и с азербайджанской историко-культурной средой.

Арбен Кардаш, как «крупный» лезгинский поэт, прозаик, драматург и переводчик, литературовед (так, во всяком случае, представлен он в Википедии), выступивший со статьей «Ещё раз о национальной принадлежности Низами Гянджеви» в печатном органе Международного сообщества писательских союзов (бывшего Союза писателей СССР) – в общеписательской литературной газете в 5-ом и 6-ом номерах – так начинает своё вступление к материалу: «Вопрос о национальной принадлежности Низами Гянджеви (1140 – 1202) возник в конце 30-х годов прошлого века. До этого его было принято считать персидским поэтом, поскольку он писал свои творения на языке фарси. Такого же мнения придерживался и известный ориенталист XIX в. М.Казем-бек, азербайджанец по национальности». Видимо, А.Кардашу неизвестно, что со времён Мирзы Казем-бека прошло более 150 лет. С того времени утекло воды немало, и последующие исследования авторитетных низамиведов доказали, что Низами – представитель азербайджанской литературы.

А.Кардаш считает, что «азербайджанские исследователи воспрянули духом, подхватив из рук самого Сталина эстафету «тюркизации» Низами Гянджеви: «Азербайджанские исследователи местом рождения Низами называют Гянджу, что и позволяет им считать поэта тюрком, основываясь на предполагаемом превалировании тюркского элемента в этом многонациональном городе, хотя присутствие в XII веке тюрков в Гяндже – вопрос пока ещё недоказанный».

Здесь мы далеки от намерения азербайджанизировать Низами – это давным-давно сделано крупными исследователями. Однако вызывает сожаление и тот факт, что А.Кардаш здесь же обращается к академику З.М.Буниятову не как к азербайджанскому учёному, а как к талышскому учёному, что тоже само по себе вызывает недоумение. Далее он приводит мысль, что З.Буниятов отбрасывает происхождение Низами из иранского Кума и считает, что селение Кум существует в Гахском районе.

По А.Кардашу, будто бы и эта версия не устраивала сторонников тюркского происхождения Низами только по той причине, что в этом селении Азербайджана испокон веков жили и живут лезгины и цахуры, являющиеся представителями лезгинской группы языков.

А.Кардаш, «углубляясь» в суть вопроса, напоминает и о том, что «Гянджа» происходит от арабского «Джанза» и означает «казна». А слово «жемчужина» по-персидски звучит как «кум».

Лезгинский «учёный» считает: «Низами – тонкий мастер развёрнутых метафор – наряду с персидским значением этого слова (*т.е. слово «Кум»* – **Н.Т.**), обыгрывал значение и лезгинского слова «Кум» – «утёс», говоря тем самым, что он осколок «утёса», ставший жемчужиной в «море Гянджи».

Наряду с отмеченным, А.Кардаш «Гянджеви» называет приставкой к имени поэта и пишет, что её добавили переписчики и читатели, а не сам Низами». Далее А.Кардаш особо останавливается на том, что Низами в Иране принадлежал к суннитской ветви ислама, о чём не любят упоминать азербайджанские учёные. «Кампанию за безоговорочную принадлежность Низами Ирану в Азербайджане подняли только в 40-е годы прошлого столетия, накануне юбилея поэта, когда он по-царски был «подарен» И.В.Сталиным азербайджанскому народу».

И ещё одно важное «открытие» А.Кардаша: «Суннитская репутация Низами отдаляет его и от принадлежности к тюркскому этносу, так как азербайджанцы также в своём основном большинстве являются шиитами». Дальше, как говорится, ещё больше: «И если в этом народе были и есть последователи суннизма, то это, несомненно, представители коренных народов Кавказа, подвергшиеся насильственной тюркской ассимиляции».

Видимо, А.Кардаш вообще не имеет никакого, даже самого поверхностного представления о том, что в Азербайджане испокон веков отсутствовало правило делить людей по этническому, религиозному, национальному и по другим признакам и подвергать их гонению и преследованию. Азербайджан – уникальный уголок мира, где никогда данный вопрос не ставился на повестку дня. А если происходили какие-то попытки в этом роде, то это было дело рук как раз таких, как Забит Ризванов, Арбен Кардаш и им подобные, склонные разжигать межэтническую и межнациональную рознь.

По мнению А.Кардаша, оказывается, «в своей истории лезгины многократно пытались вернуть Гяндже и некоторым другим городам суннитскую репутацию». И, как пример, он говорит о военных выступлениях южных (гахских, джарских, губинских и др.) лезгин во главе с Хаджи Даудом или Али Султаном в начале XVIII в.

Для того, чтобы отнять Низами у азербайджанского народа и азербайджанской литературы, Арбен Кардаш и ему подобные прилагают максимум усилий, стремясь указать на принадлежность Низами или к персидской поэзии, к Ирану, или же к лезгинской литературе, к лезгинам.

Очевидно эти псевдоученые не знакомы с целой массой литературоведческих работ, появившихся как в Азербайджане и Иране, так и далеко за их пределами, где давно установлен факт принадлежности Низами Гянджеви к Азербайджану и азербайджанской литературе.

Заметим, что ещё в 2011 году, когда «работа» А.Кардаша была напечатана в двух номерах вышеназванной «Общеписательской Литературной газеты», № 5-6) от-

носительно этой статьи появился довольно объективный ответ тогдашнего директора Института литературы им. Низами Гянджеви Национальной Академии Наук Азербайджана покойного академика Бекира Набиева «Похищение Низами, или очередной рецидив «тюркофобии». Говоря об основной «философии» статьи А.Кардаша, Б.Набиев подверг резкой критике попытку А.Кардаша «отредактировать» биографию Низами Гянджеви и подвести легковерного читателя к мысли о его «лезгинском» происхождении.

Здесь же хотим довести до сведения Арбена Кардаша и то, что в эпоху Низами такие понятия, как «этнос», «народ», «нация» вообще не имели такого смысла, какой вкладывают в него в современный период.

В то же время не вызывает сомнений тот факт, что Низами родился и рос именно в социальной среде древнего азербайджанского города Гянджа. Будучи в такой социальной среде, наряду с родным тюркским, он, безусловно, в совершенстве владел арабским и персидским языками. Исходя из этих и других посылок, профессор Берлинского университета имени Гумбольдта Ева Мария Аух приходит к мнению, что «свидетельство о принадлежности Низами к азербайджанской нации в том, что этика, философия произведений поэта, его крылатые фразы стали частью азербайджанской культуры».

Кстати, подобного рода выходки представителей соседних нам народов нас не очень-то смущают.

Так, например, в 2006 году посол Иранской Исламской Республики в Азербайджане Афшар Сулеймани безоговорочно приписал Низами Гянджеви к своей стране – Ирану – и её титульному этносу. Не довольствуясь этим, посол заодно отказал и в праве называть яркого представителя азербайджанской поэзии второй половины XX века Шахрияра азербайджанским поэтом. Однако всем хорошо ясен истинный смысл политических заявлений А.Сулеймани: весь характер его риторики, подтекст подобных высказываний основаны на желании доказать исключительную принадлежность Низами (и Шахрияра) Ирану.

Такие не имеющие под собой сколько-нибудь конкретной основы заявления, которые делаются с целью присвоения культурно-исторического наследия Азербайджана иранскими и армянскими правительствами, официальными лицами и лжеучеными, дело, конечно, нередкое. Теперь к ним усиленно желают примкнуть наши близкие соседи – представители лезгинской культуры.

Не говоря о чём-либо другом, хочется сказать этому Арбену, «крупному знатоку» творчества Низами и его исторической эпохи, что сама фамилия «Кардаш» тоже тюркского, азербайджанского происхождения. Неужели этот «учёный» не думает о том, что его предки – лезгины – на протяжении длительной истории тесно были связаны с Азербайджаном и азербайджанцами. Кардаш относительно принадлежности Низами не к азербайджанской литературе муссирует его суннитскую приверженность. Б.Набиев напоминает ему, что наряду с Абубекром Омаром и Османом, Низами высокоуважительно поминает и имама Али.

Что мешает А.Кардашу считаться с мнением авторитетных учёных, которые без каких-либо сомнений признали Низами азербайджанским поэтом? Неужели А.Кардашу кажется, что он больше других низамиведов, в том числе и Фиридун-бека Кечарли, знает о Низами и поэтому старается неграмотно «отредактировать» его? Удивляясь «открытиям» А.Кардаша, Бекир Набиев всё же считал необходимым довести до сведения этого «крупного поборника лезгинской культуры» мысль о том, что да, Низами однозначно принадлежит к тюркскому этносу.

З. Ризванов и А. Кардаш апеллируют к тому, что мать Низами была курдянкой. В поэме «Лейли и Меджнун» Низами отмечает, что его мать имеет курдское происхождение, а в поэме «Хосров и Ширин» он именует себя тюркским словом «икдиш», то есть «метис», тем самым Низами ставит акцент на своих тюркских корнях.

Так же, как и многие современные литературоведы, Бекир Набиев правильно считает, что Низами – не персидский и иранский поэт, а азербайджанский. Здесь можно сослаться и на Арифа Гаджиева, отмечавшего, что в романтическом мире «Хамсе» имеется поэтический образ тюркской жизни, вернее – поэтические картины тюркского образа жизни. В идейно-художественных контекстах «Хамсе» тюрок, тюрчанка, вообще все тюркское становится ассоциативно-многослойным явлением. Довольно часто «тюрк» ассоциируется с белым цветом.

Исследователь творчества Низами и автор филологического перевода поэмы «Лейли и Меджнун» Рустам Алиев в связи с этим пишет: *«В словаре Низами одно из широко распространённых значений слова тюрк – «белая – белый», «красивая – красивый», «изящная – изящный» и т.д. В подобных значениях это слово употреблялось и до Низами. Однако Низами расширил диапазон этих значений, он стал употреблять их не только для обозначения белизны и красоты людей, но и для выражения абстрактной, субстантивизированной красоты и белизны».*

Казалось бы, приведенные источники и примеры достаточно известны и позволяют бесспорно причислить Низами к азербайджанской культуре и литературе.

В то же время для интересующихся творчеством Низами напомним, что в наши дни одной из работ в этой области является защищённая в Азербайджане в 2017 г. диссертация доктора философии по филологии Мирфиридуна Сейидрустам оглу Риязи, выходца из Ирана.

Хотелось бы остановиться на некоторых моментах из работы этого ученого. Объектом исследования является «Низами Гянджеви в современном иранском литературоведении».

Значимость этого исследования заключается в том, что её автор умеет работать с первоисточниками. Используя в своём исследовании искания целой плеяды иранских литературоведов, таких, как Вахид Дастгарди, Абдулгусейн Заррикуб, Саид Нафиси, Мохаммед Моин, М.Тарбият, Хосейн Элахи Гумшеи, Забихолла Сафа, Шафак Резазаде и многих других, изучавших отдельные вопросы низамиведения, анализируя их критические работы, Мирфиридун Риязи приходит к выводу о том, что, несмотря на то, что Низами писал свои произведения на фарси, однако в манере и стиле письма произведений, языке и стилистике, использованные поэтом фразы, слова и словосочетания, выражения и т.д. однозначно доказывают, что, будучи персоязычным, Низами является поэтом тюркским. При утверждении этой мысли автор ссылается на взгляды иранского учёного Шафака Резазаде, нашедшие место в его монографии «История литературы» («Tarixe ədəbiyyat»), где отмечается следующее: «Низами Гянджеви привнёс в персидский язык, в отличие от других стилей, совершенно новый стиль, что называется азербайджанским стилем».

Как отмечает автор М.Риязи, в современном иранском литературоведении учёными продолжительно отмечается, что, несмотря на то, что язык произведений Низами персидский, однако он сам – тюрок и гянджинец. Эти исследователи, как правило, в своих работах в подавляющем большинстве случаев имя Низами называют как «Низами Гянджеви, т.е. Низами из Гянджи».

Изучая Низами в иранском литературоведении, М.Риязи в то же время замечает, что на протяжении длительного времени учёные Ирана, принимая во внимание то обстоятельство, что поэт писал свои сочинения на фарси, называли его персидским автором. Они говорили о том, что он родился не в Гяндже, а в иранском городе Кум. В работе М.Риязи приковывает к себе внимание и тот факт, что автор достаточно компетентно останавливается и на многих просчётах иранских учёных, которые ошибочно полагали, что Низами – выходец из Кума. В данном случае учёный принимает во внимание весьма солидное мнение Вахида Дастгарди, писавшего: «Такое утверждение в подавляющем большинстве случаев опровергается как иранскими, так и зарубежными низамиведами».

Проведя в этой части скрупулёзные исследования, Мирфиридуну Риязи удалось доказать, что Низами является персоязычным тюркским поэтом. Свои суждения относительно того, что Низами персоязычный тюркский поэт, автор проводит в трёх взаимосвязанных и взаимообусловленных главах своей диссертации, таких, как «Основные направления нового периода в низамиведении» (здесь представлены разделы из истории низамиведения, жизнь и среда Низами Гянджеви в современных иранских исследованиях, высказывания иранских ученых о творчестве Низами Гянджеви), «Проблема Низами в иранских исследованиях» (где разбираются спорные вопросы, связанные с Низами Гянджеви в иранских исследованиях), «Хамсе» в иранских исследованиях», включающая в себе искания иранских учёных относительно поэм «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искендернаме».

Одним из важных моментов в исследовании М.Риязи, посвящённом Низами, является то, что учёный обращает внимание на спорные вопросы относительно жизни и творчества Низами Гянджеви.

Например, иранский историк литературы Забихолла Сафа в своей книге «История иранской литературы», основываясь на поэме «Сокровищница тайн», пишет: «Низами, будучи из Гянджи, будто ещё не дойдя до 40-летнего возраста, думал о старости. Если исходить из этой арифметики, то можно полагать, что дата его рождения – 1135 год (по хиджре 530 г.)». Другой крупный иранский учёный, Вахид Дастгарди, которого мы выше цитировали, дату рождения Низами определяет между 1138 – 1145 гг. (по хиджре 533 – 540 гг.). Абдулгусейн Заррикуб полагает, что Низами родился в 1148 г. (по хиджре 538 г.). Али Акбер Шахиби указывает на то, что Низами мог родиться между 1135 – 1140 годами (по хиджре 535 – 540 гг.). Выше цитируемый Забихолла Сафа относительно смерти Низами отмечает 1203 – 1205 годы (по хиджре 600 – 602 гг.). А Сеид Нафиси, исходя из предисловия к дивану Низами и основываясь на дате, высеченной на могиле поэта, указывает на то, что Низами ушёл из жизни в 1202 году (по хиджре 599 г.).

Как мы отмечали, в исследованиях иранских литературоведов споры относительно родины, имени, даты рождения и смерти, трудности языка, разнообразности и разночтения рукописей и т.д. и т.п. продолжались довольно длительное время.

Так, например, относительно места рождения Низами исследователь Заррикуб пишет: «Низами родился в Арране, в очаге Гянджа, отнесение и принадлежность его к Гохестанскому региону в Куме – это фальсификация тезкиреистов». Почти аналогичную мысль высказывает Мохаммед Моин в книге «Исследование «Семи красавиц».

Нам кажется, что данная работа может считаться одной из наиболее важных, как относительно споров и разногласий о принадлежности Низами к азербайджанской литературе, так и для решения некоторых важных проблем по идейно-художественной сути «Хамсе».

Крупный иранский учёный Мохаммед Моин в своей статье «Кто такой Низами?» пишет: «Среди пяти крупных поэтов, создающих свои произведения на фарси, начиная с X в., с точки зрения уровня, после Фирдоуси, Саади, Мовлеви и Хафиза, Низами занимает высокую позицию».

Как мы заметили выше, немаловажное место в поэтическом языке Низами занимает образ тюрчанки-азербайджанки. Она – символ необычной, божественной красоты, неописуемой прелести, грациозности, стройности и безупречной белизны. В то же время для поэта на первом месте целомудрие тюрчанок, их свободолюбие и преданность родному очагу.

Во вступительной части к поэме «Хосров и Ширин» Низами среди тюрков выделяет особое сословие «торкан-е галам», «тюрки пера», т.е. «пишущие тюрки», что в первую очередь может относиться к самому Низами, создававшему свои бессмертные сочинения.

А в эстетическом плане, как сказано выше, у Низами тюрок – символ нравственной белизны, духовной красоты человека. В «Хамсе» Низами тюрчанка – эстетический идеал женственности. Довольно многоупотребительным является у Низами слово «тюрк»: «жасмин – тюрок», «индус-тюрок», «тюрчанки с арабским станом – прекрасны», «черноокая тюрчанка», «узкоглазая тюрчанка», «нежнотелая тюрчанка», «кукла с глазами тюрчанки», «Тюркназ» (т.е. кокетливая тюрчанка), «тюрчанка-красавица», «Хатайская тюрчанка», «стал Хатайским тюрком», «Китайская тюрчанка из Тараза» и т.д. Ведь у Низами такие области, как Ягма, Хатан, Хутталь, или города Халлух, Тараз, Хата, Кашкар, Чач, Тамгач, Ваш – не вымышленные топонимы, созданные поэтическим воображением романтика, а исторически реальные области и города Тюркского каганата (по современной карте северо-западный Китай, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан). В «Искендернаме» изображается Искендер, прибывший через Тибет на «окраину Китая», т.е. в тюркский (уйгурский) район Китая. Искендер идёт на государя Хотана, а Хотан – столица китайских тюрков.

Низами в поэме «Хосров и Ширин» часто прославляет тюрков.

А в «Искендернаме» повествует не о китайцах, а о китайских тюрках, о тюркском мировоззрении, миропонимании.

И хотя поэма «Искендернаме» Низами посвящена Александру Македонскому, в то же время известно и то, что здесь Искендер далёк от своего реального прототипа, ибо здесь он выступает как восточный герой.

Что касается описания смерти Ширин, то Низами здесь проводит параллель с кончиной своей любимой жены, тюрчанки Афаг, и молит Аллаха уберечь своего сына-тюрка (тюркзаде).

Кроме этого, анализируя национальную принадлежность Ширин, в противовес мнениям некоторых учёных, называющих её «армянской царевной», на основе изысканий иранских литературоведов, убеждаемся, что Ширин никакого отношения к армянам не имеет.

А слово «армен» («ərmən») на азербайджанском означает «я воин», «я богатырь» и также никакого отношения к армянам не имеет.

Можно привести несметное количество подобных примеров, подтверждающих, что в творчестве Низами красной нитью проходит тема любви к тюркским корням, первоистокам, к тюркству.

И все эти примеры явно доказывают тюркско-азербайджанское происхождение Низами.

Низами широко использовал в сочинениях мифические, религиозные, фольклорные источники и исторические события, летописи. Он достаточно хорошо знал хроники прошлого и современную ему жизнь тюрков-огузов и тюрков-кыпчаков.

Читая «Хамсе», приходим к выводу о том, что Низами, безусловно, имел представление и о тюркском каганате, поддерживающем в древнюю эпоху политические, экономические и культурные отношения с Ираном, Византией и Цинской империей.

Несомненно, поэт был хорошо знаком и с непревзойдённым тюркско-азербайджанским эпосом «Китаби-Деде Горгуд».

До Низами об Алп Эр Тонга писали Махмуд Кашгари в своём труде «Диванилугат-ит-тюрк» и Юсуф Баласагунлу в дидактической поэме «Кутадгу билик». Кашгари называл Алп Эр Тонгу Афрасиябом, совершившим много героических походов. Иранцы и таджики Алп Эр Тонгу также называли Афрасиябом. Баласагунлу же отождествлял Алп Эр Тонгу с мифическим правителем Турана, названным в «Авесте» Франграсианом. Образ Афрасияба – Алп Эр Тонги – со временем приобретал черты тюрко-огузского эпического героя.

Прав А.Гаджиев, считавший: *«При всем тюркском пафосе «Хамсе», Низами Гянджеви – больше, чем тюркский поэт. Он – поэт не только СРЕДИННОЙ ЗЕМЛИ, он – поэт и Востока, и Запада, и Юга, и Севера»*.

Б.Набиев пишет, что «высшим нравственным мерилом, кредо его (*т.е. Низами* – **Н.Т.**) было человеколюбие, гуманизм. Именно это его качество предстает перед нами, у него достаточно обширная галерея персонажей, и при всем богатстве этой картины нигде у него нет упоминания о лезгинах, нравится или не нравится это господину Кардашу, задавшемуся неблагодарной целью «вернуть» нашего классика ни о чём не подозревавшему лезгинскому народу, с которым азербайджанцев связывают многовековые узы братства и добрососедства.

В своих «открытиях» о принадлежности и происхождении Низами А.Кардаш (переводимое на азербайджанский язык как «брат», слово «кардаш» здесь приобретает совершенно новый смысл – «карадаш», т.е. «чёрный камень», слово, употребляющееся у тюрков-азербайджанцев только в отрицательном значении) изо всех сил старается сделать так, чтобы отторгнуть Низами от своей исконно тюрко-азербайджанской среды.

Мы не намереваемся углубляться далее в историю тюркского этноса, который А.Кардаш почему-то воспринимает как пришлый. Для соответствующего ознакомления оппонента с историей тюрков отсылаем его из целого моря книг по этой теме только к двум источникам – «История хазар» М.И.Артамонова и «Древние тюрки» Л.Н.Гумилева. Советуем ему посмотреть также в соответствующих словарях и справочниках, что означает топоним «Дагестан», также тюркского происхождения. Ясно видно стремление З.Ризванова и А.Кардаша, как и их единомышленников, армянских сепаратистов, представить весь Кавказ армянскими и лезгинскими землями.

Принимая во внимание такое доселе «невиданное открытие» лезгинских «ученых», Б.Набиев правильно замечает, что «против тюркофобии восстает его (*т.е. Низами* – **Н.Т.**) поэзия, проникнутая симпатией и любовью к тюркству, чего не наблюдалось ни у предшествующих арабских поэтов, ни у великого автора «Шахнаме»… Попытки «перетянуть» гениального художника, мыслителя, гуманиста в пантеон неазербайджанских, нетюркских творцов – не что иное, как очередной пароксизм тюркофобии, метастаз антиазербайджанской идеологии, вызывающий возмущение и горечь у всех, кому дороги духовное достояние человечества, историческая правда и объективность».

Такие «ученые», как Забит Ризванов и Арбен Кардаш, пытающиеся «анализировать» происхождение Низами, однозначно и безоговорочно принадлежащего к тюрко-азербайджанской литературе, и ставящие этот установленный факт под сомнение, их «взгляды и анализы» далеки от элементарной обоснованности. В этом случае наши давние соседи, кажется, собираются вести себя с нами не как соседи, а как враги, льющие воду на чужую, точнее, на армянскую мельницу. Поэтому считаем, что азербайджанские учёные должны резко пресекать подобные попытки, мягко говоря, некомпетентных подходов к имени и личности Низами. Ибо, как сам Низами часто выражается в своих поэмах, он всей своей плотью, телом, мыслями, мировоззрением, мировосприятием принадлежит к тюркам-азербайджанцам. И любые сепаратистские утверждения недругов о непринадлежности Низами к азербайджанской среде не смогут привести к каким-либо заметным успехам.

КЯМРАН ДЖАФАРЛЫ

Перед нашими читателями первая публикация небольшой стихотворной подборки талантливого азербайджанца – Кямрана Джафарлы. В Кямране органично уживаются две ипостаси – как физик, так и лирик. Он математик по образованию, неплохо разбирающийся в компьютере и шахматах. Но вместе с тем, поэт, музыкант и фотограф, обладающий тонкой и чуткой душой. Увлечение музыкой (Кямран играет на клавишных, гитаре, саксофоне. Еще в детстве участвовал на конкурсах в России и Финляндии.) и визуальными искусствами накладывает отпечаток на его стихи. От музыки идет непрерывная ритмическая пульсация в его текстах (а, как мы помним, ритм есть наиболее древняя и сакральная поэтическая составляющая), от фотографии – емкая образность, метафоры и сравнения, объективный коррелят, благодаря которому поэт не рассказывает, а показывает.

Мне выпала честь дружить с Кямраном. И я благодарен нашей редакции и нашим читателям за возможность поделиться несколькими образцами его творчества.

Ниджат Мамедов

***

вверх по склону холма
росяным утром
я поднимаюсь
навстречу последнему солнцу
сквозь влагу трав
и капель на молодых дубах,
умывающих муравьёв,
сквозь недопетые песни
подвыпивших ашугов,
сквозь недописанные строчки
разлюбивших поэтов,
сквозь детские глаза,
затопленные ужасом
бессонных
от взрыва бомб
ночей,
сквозь плиты могил
ушедших предков,
держащихся всё так же стойко,
как при жизни;
иду навстречу
первым лучам
последнего солнца:
ещё немного,
и я стану землёй,
водой,
воздухом,
светом.

Мёртвые не умирают

(после просмотра одноименного фильма Джима Джармуша)

Всеобъемлющим взглядом
мудрого орла
Учитель наблюдает,
негодуя:
всё больше мы в плену
привитых нам
забав и развлечений.

Мертвы мы,
хоть и на ногах,
имея наглость
поглощать
дарованный природой
кислород,
плюя в ответ
в знак благодарности.

А Мастер наставляет
всех, кому ясны
простые и не самые
подсказки,
пуская в бой своих
отборных воинов:
реинкарнацию Пса-Призрака –
божественную диву-самурая –
и трех других бойцов,
привычных более,
но тоже опытом учёных.

Один из них
твердит наверняка,
что знает, чем
всё дело обернётся,
но всё не отступает, не бежит –
так Мастер над событием смеётся.

Известно то, что
срок у нас не долог.
Известно, что
вся жизнь промчится в миг.
Что держит нас в плену,
что может нас убить?
Оно того реально стоит?

Смотри на небо.
Слушай реку.
Коснись своим
явленьем промежуточным

к тому, что вечно было,
вечно будет.
Попробуй слиться с ним.
Живой поток в себе не убивай.
А, впрочем, мёртвые не умирают.

Тают сны

Тают сны
неразборчиво,
безобразно,
предательски.
И на миражах
испаряющихся надежд
взлетает память,
боясь обернуться,
пустив слезу скупую,
уходит в неизвестность,
в бесконечность,
меняя формы,
минуя расстояния,
барьеры,
рисуя небесными цветами
зигзагообразную радугу.

Пыль

В густой кромешной тьме,
завидев призрак света,
бросаешься в погоню, голову сломя,
сквозь пламя мрака,
теряя временами след,
отчаянно, расширив глаз зрачки,
блуждая инстинктивно,
найдя, догнав, свалив с ног беглеца,
схватив, прижав его к груди,
ты чувствуешь до боли чуждый холод,
впивающийся в кости
и леденящий сердце.
Ты оживаешь в комнате без окон.
Вокруг тебя – четыре голые стены,
большие чёрные квадраты.
И весь твой свет и всё, что тебя греет –
горящие три лампы осьминожьей люстры.
И в мёрзлом одиночестве
ты лепишь бюст из пыли многоточий
несбывшихся надежд, невыраженных чувств,
тому, за кем ты гнался,
к кому в конце пришёл.

Горит звезда

Лере...

**Горит звезда
где-то за полярным кругом,
в далёких городах.
Свет, излучаемый другом,
любимой, нелюбимой
или вовсе незнакомой,
прохожим ветром,
сорвавшим крыши,
свалившим столбы
линий электропередач,
зовёт пожаром коротких замыканий,
как замыкается рассудок,
когда полыхающее пламя
огненно-рыжих волос
манит бежать босиком
по обледенелой почве
до самого Северного полюса.
Только боюсь я,
что пока добегу,
ты остынешь или потухнешь.
Звёзды врут.**

****

**синяя, синяя ночь,
синие дороги,
жёлтые фонари.
текут реки
где-то вдалеке
бесшумно, терпеливо,
как будто неподвижно.
глубокие синие реки
заливают дороги
под фонарём жёлтых лун,
взорвавшись изнутри,
сметают всё
и, не щадя себя,
отдают всю до последней капли...
гаснут луны...
из-под поднимающегося занавеса
на прочищенные дороги
падают первые лучи,
поднимаются первые травы,
испаряется первая влага,
восходит солнце –
тают сны.**

Ностальгия

Я лежал и смотрел, как ветер качает виноградные листья.
Я хотел запечатлеть этот момент навсегда,
как один из, а, может, и самый приятный в своей жизни
(я чувствовал, что лучше уже не будет и быть не может),
как момент, когда окружен заботой и
любовью самых родных мне людей.
И это качание листьев, еще зеленых,
оповещало о лете в цикле души,
который потом сменился осенью и зимой, нескончаемой,
снег которой не таял, солнце которой не грело,
мороз которой не щадил.
А то лето, то скоротечное лето, которое время не простило,
не простило за улыбки, что оно принесло,
за радостные детские крики,
за топот шажочков, за сорванные ветки фундука,
за несозревшие малины и алчу,
лето, которое потом будет всплывать в памяти каждый раз,
когда соседи будут варить персиковый компот,
запах которого я буду жадно вдыхать
в надежде пройти с ним сквозь непреодолимый
временной барьер и вновь очутиться там,
возле заботливых рук бабушки,
дарившей нам бескорыстную любовь,
которой мы потом больше никогда не найдем.
Я хотел навсегда запомнить шелест виноградных листьев,
видеть его закрытыми глазами, слушать их разговор с ветром.
Я хотел быть виноградными листьями,
которых балует и дразнит ветер,
которые, в самый разгар лета,
раскрылись широко под солнцем, счастливые оттого,
что им улыбается самая яркая звезда на небе
и что задорный смех беспечных детишек,
неугомонно бегающих под листьями,
наполняет их клетки энергией.
И я хотел быть ветром, что качал виноградные листья,
гладил их и отрывался, устремляясь к другим,
но всегда скучал,
скучал по дому, в окно которого стучал,
где были рады его появлению среди знойного дня
и душной ночи,
где ветер был всегда любим.
И я хотел запомнить тот момент, когда был им.
И я хотел запомнить тот момент, когда я был любим.

ВАГИФ СУЛТАНЛЫ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НИКУДА ...

Рассказ

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

В начале каждого года он клятвенно себе обещал поехать в тот город, и каждый раз, когда наступало запланированное время, по тем или иным причинам откладывал эту поездку. Словно какая-то невидимая сила упорно преграждала ему путь, связывая ноги, лишая возможности реализовать свою мечту. По мере того, как годы сменяли друг друга, ему все больше казалось, что город этот отдаляется от него все дальше и дальше.

Всякий раз, увидев на стене карту, он невольно останавливался, ища глазами заветный город. Мысли его уносили туда, и он долго стоял не в силах оторваться от карты. На самом деле его волновал не сам город, а нечто утерянное в этом городе в далеком прошлом. Порой, когда он не мог найти этот город на карте, его переполнял страх, что он исчезнет, будет стерт с лица земли.

Но на этот раз все должно было быть по-другому. Он был в этом уверен, никакая сила больше не остановит его...

Он покинул этот город ровно сорок лет назад. И это расставание завершило определенный этап его жизни, все кардинально изменилось, судьба сделала крутой вираж и повернула в совершенно другую сторону. Теперь, когда он оглядывался назад, расстояние прошедших лет пугало его.

Он купил билет только в один конец, так как не знал, долго ли там пробудет и когда вернется.

Он сел в поезд, его купе находилось рядом с купе проводника, снял с плеча легкую сумку и положил ее под сиденье. Затем он в полуоткрытую дверь стал разглядывать пассажиров, спешащих занять свои места.

Через некоторое время, когда поезд со свистом отправился в путь, он разложил свою постель и лег на спину. Но заснуть ему так и не удалось; мерный звук колес смешался с его мечтами и мыслями, и вконец измотанный, он встретил утро, так и не сомкнув глаз. Следующие две ночи он тоже провел в путаных мыслях между дремотой и бодрствованием.

Он приехал в город ранним утром, когда жизнь только-только просыпалась. Он вышел последним из вагона – спешить ему было некуда. Повесив сумку на плечо, медленно двинулся по перрону к зданию вокзала. Чтобы попасть в город, ему надо было пройти через это здание.

Здесь, в этом городе, он встретил ее. Не только самые счастливые дни его юности, но и всей его жизни прошли в этом зеленом городе с узкими кривыми улочками,со старыми, потемневшими от времени каменными домами. После это была уже не жизнь, а бесцветные, бездушные дни в поисках утраченного счастья...

На большой площади перед вокзалом стояли такси, ожидая клиентов. Он подошел к машине, стоящей первой на линии. И хоть он знал наизусть адрес, по которому собирался ехать, все же вынул из кармана листок бумаги и еще раз перепроверил все. Однако он вдруг резко передумал брать такси и под недоуменным взглядом таксиста смешался с толпой.

Были выходные, и улицы были многолюдны. Народ спешил по своим делам. Он упорно искал в этом потоке хотя бы одно знакомое лицо, которое бы напоминало его прошлое, но не мог найти, отчего тревога его все возрастала. Будто он попал в чужой город, в другой мир. Все было чужим: взгляды, звуки, цвета, запахи.

Но таинственная сила влекла его к заветному дому.

Уже подойдя к дому, он почувствовал, что ноги его отяжелели и онемели. Он поднял голову и осмотрел здание – стены были облицованы серым, напоминающим искусственный мрамор, камнем, перила балконов, входная дверь отремонтированы. Он остановился на мгновение, чтобы подавить свое волнение и, убедившись в точности адреса и собравшись с силами, начал подниматься по лестнице. С каждым шагом тело его все больше напрягалось, он слышал, как гулко бьется его сердце. На четвертом этаже он остановился перед дверью квартиры – дверью, которая была закрыта за ним ровно сорок лет назад. Но теперь на двери была стеклянная табличка страховой компании.

…Он познакомился с этой девушкой в лифте. Оба одновременно потянулись к кнопке, и теплая улыбка появилась на ее лице, когда их глаза встретились. Эта улыбка, навсегда запечатлевшаяся в его памяти, перевернула всю его жизнь с ног на голову.

После расставания он клял себя за то, что не спросил ее о том, где можно ее найти, и о том, где она живет. Он боялся, что девушка уедет из города, что он никогда ее больше не увидит, что потеряет ее навсегда. Целыми днями он бродил по округе, по кафе, магазинам и учреждениям, надеясь найти ее. Через две недели, вечером, когда он снова встретил ее на улице, сердце его аж ходуном заходило, наблюдая за ней издалека и стараясь не потерять ее из виду, он шел за ней и подошел к ней уже на остановке троллейбуса.

Каждый вечер он приходил и стоял перед библиотекой, где работала девушка, нетерпеливо ожидая, когда она выйдет, и провожал ее домой. На троллейбусе всего пять-шесть минут пути, но они всегда шли пешком. Чтобы продлить время, они шли не по дороге, а спускались к реке и медленно шли, прогуливаясь по узкой тропинке между редкими деревьями. Рядом с ней он выпадал из времени, ему казалось, что мир бесконечен, неисчерпаем и безграничен.

Так проходили дни…

Но однажды ночью ... Откуда в нем появилась эта храбрость – даже сейчас, по прошествии всего этого времени, он понять не мог. Однажды ночью он вышел из дома, подошел к дому девушки, поднялся на четвертый этаж и постучал в дверь. Когда она, сонная в ночной рубашке открыла дверь, то застыла от удивления. Он боялся услышать от нее какие-то резкие слова, и тогда всему конец, но этого не случилось, она сделала шаг назад и пригласила его войти.

В глубине ее глаз было таинственное притяжение, которое потрясло его душу, остановило поток жизни, напомнив, что все на земле – вымысел, кроме любви, и когда он увидел это, он растворился в магии этого притяжения.

Комната была наполнена ароматом лаванды. Этот головокружительный аромат заставил забыть резкий запах, исходящий из труб сульфатного завода. Он не знал, исходил ли запах лаванды от тела девушки, от постельного белья или из глубины осенней ночи.

Он не помнил, о чем они говорили в ту ночь, он не знал, говорили ли они, или, возможно, они говорили языком молчания. Все ему казалось сном. Вся его жизнь, все, что подразумевается под словом «счастье», вместилось и ограничилось этой ночью.

После той ночи изменились все цвета и запахи мира.

Но однажды, получив срочную телеграмму, ему пришлось уехать домой, в родной город.

Словно чувствуя и зная, что он уедет и больше не вернется, она пришла проводить его на вокзал. Он пытался выглядеть хладнокровно, но справиться с волнением не мог. С приходом девушки тяжелый запах сульфата в воздухе исчез, и вокзал наполнил запах лаванды. Стоя на ступеньках вагона, обнимаясь перед расставанием и видя залитое слезами милое лицо, озаряемое некогда теплой улыбкой, он на мгновение решил отказаться от мысли вернуться домой. Но это было всего лишь на какое-то мгновение, он взял себя в руки и, сказав, что скоро вернется, зашел в вагон.

Когда поезд тронулся, девушка безвольно опустилась на скамейку на платформе и закрыла лицо руками. Этот момент разлуки был самой болезненной частью его воспоминаний.

Но он больше не вернулся…

По настоянию родных, он поспешно женился и утешал себя мыслью, что случившееся в том далеком городе было всего лишь юношеским приключением...

* * *

Дрожащими руками он нажал на кнопку звонка. Через какое-то, довольно продолжительное время дверь открыл мужчина средних лет в черных очках и сером костюме. Взяв себя в руки, он сказал, что ищет женщину, которая когда-то жила в этой квартире, назвал ее имя и фамилию. Мужчина снял очки и, грустно покачав головой, сказал, что не знает такого человека, и попытался закрыть дверь, однако он попросил впустить его внутрь. Поначалу мужчина, по тону голоса которого можно было понять, что он и является руководителем этой компании, был озадачен этой просьбой, похожей на мольбу, однако отступил и впустил его. Опасаясь, что мужчина может передумать, он поспешил войти.

Квартира изменилась до неузнаваемости, все было отремонтировано в европейском стиле, комнатные перегородки снесли, теперь это был большой зал. За компьютерными столиками сидели девушки в униформе.

Он прошел через зал и подошел к окну. Отодвинув белый тюль, он посмотрел на город, на реку, окаймляющую город, и на чаек, низко летающих над рекой. Почувствовав, как в душе поднимается горечь, он отошел от окна.

Затем он опустился в кресло и оглядел комнату, надеясь найти какие-нибудь признаки былого, хоть что-то связанное с ним.

Под тяжестью устремленных на него взглядов он понял, что его попытка была напрасной, на мгновение он закрыл глаза в надежде вернуться в те далекие годы. Внезапно осознал, что все преследовавшие его всю жизнь воспоминания: этот потолок, по которому когда-то блуждал его взгляд, этот пол, по которому ходили его ноги, стены, которых касалось его дыхание, аромат лаванды, заставлявший забыть непереносимый сульфатный запах, – всего лишь далекие, невозвратимые видения, и теперь они разрушены, а память совершенно опустошена.

Ошеломленный и потерянный, он вышел из офиса и спустился вниз.

* * *

Двухэтажное здание библиотеки, где когда-то она работала, превратили в банк, а крышу и стены покрыли световыми билбордами.

Кафе через дорогу на углу готического здания, где прошло их первое свидание, было на месте.

...Дрожащими руками он открыл дверь и вошел в полутемный зал, заказал кофе и сел за один из столиков в углу. От прежнего вида зала не осталось и следа;стены были оформлены в другом стиле, все изменилось: от занавесок до расстановки столов. Было рано, и в зале сидели всего несколько посетителей.

Ему стало вдруг так тоскливо, что он не смог допить кофе.

Он вышел и направился к подвесному мосту через реку. Моросило, вдоль берега реки было пустынно. Опершись на железные перила моста, он некоторое время наблюдал за грузовым кораблем, плывущим, разрезая волны, в сторону океана. Затем вернулся той же дорогой и пошел в Офицерский сад.

Пустые скамейки, стоящие вдоль каменного тротуара, который можно было увидеть, только войдя в парк, мокрые деревья, вьющиеся в воздухе желто-золотые листья навевали уныние.

Весь день до темноты он бродил по городу как потерянный.

Так прошел и второй день…

И все последующие дни ...

Целую неделю, от рассвета до заката, он ходил по городу, надеясь найти хоть какие-то приметы былой, знакомой ему жизни, оставленной им много лет назад. Но ему это так и не удалось, время безжалостно уничтожило все признаки прошлого.

Вечером последнего дня своего пребывания в этом городе-призраке он собрал сумку и отправился на вокзал. Подошел к кассе, чтобы купить билет, и остановился в растерянности: понял, что не знает, куда ехать.

Он потерял все ориентиры жизни.

Дублин, Ирландия
12-14 августа 2019

Геллерт Уайт

Пускай влюблённые живут,
В своём безумстве пребывая,
Пускай живут,
Друг друга любят, процветают,
Пускай весь мир идёт наперекос,
Пускай на сердце злой мороз,
В глазах слеза,
На сердце тьма,
Но пусть живут!
Пусть страшно будет им порой,
Пускай кричат:
«Ну где ж покой??»
Пускай им туго, плохо, больно,
Пускай всё в жизни неспокойно,
Но только дар любви узнав,
Поймут, что жизнь ведь многослойна…

Лирика Лейлы Алиевой в стране Суоми

«Открытое окно» – так символично названа книга известной азербайджанской поэтессы Лейлы Алиевой, представившая ее избранную лирику читателям Финляндии. Книгу выпустило издательство «Палладиум кирьят» («Палладиум книги»), специализирующееся на издании мировой поэзии в финских переводах. Издательство не в первый раз знакомит читателей Суоми с нашей литературой. В нем увидела свет уникальная антология азербайджанской женской лирики «Я пойду, чуть-чуть поплачу…» (2019), названная строкой из стихотворения Лейлы Алиевой. Так что связь этих двух изданий налицо. А перед тем в другом известном издательстве Финляндии в переводе на финский была издана антология поэзии Азербайджана «Я жемчуг, в раковине скрытый» (2017).

Все эти книги подготовлены и вышли в свет усилиями известной переводчицы и писательницы Таиры Джафаровой, живущей в Хельсинки. Она в последние годы много работала над малоизученной темой «Азербайджанцы в Финляндии», рассказала о пребывании в Финляндии Мамед Эмина Расулзаде и других соотечественников, сделав ряд публикаций о их судьбах. Литературным событием стала ее увлекательная и содержательная мемуарная книга «Преданья старого Баку и путь в Суоми». А как переводчик и ревнитель азербайджанской литературы Таира Джафарова особенно много сделала для пропаганды родной поэзии в Финляндии. Занимаясь благородной переводческой деятельностью, прилагая значительные организаторские усилия, она считает, что это ее заветный долг перед своими предками, азербайджанскими интеллигентами и просветителями, перед своей родиной.

Издатель книги Лейлы Алиевой «Открытое окно» – Юрки Ихалайнен, известный финский поэт и переводчик, лауреат многих престижных премий, руководитель международных поэтических фестивалей в Тампере. Нужно сказать, что на одном из этих фестивалей стихи Лейлы Алиевой, вошедшие в антологию азербайджанской женской лирики, прозвучали в исполнении финской актрисы в сопровождении оркестра. Знаток и поклонник традиций классической восточной поэзии, Юрки Ихалайнен тонко почувствовал значимость и проникновенность лирики Алиевой, выразительно и точно прозвучавшей в переводах Таиры Джафаровой. И как не почувствовать открытую, трепетную душу поэтессы, звучащую в ее музыкальных строчках, в ее задаваемых самой себе и мирозданию вопросах. Например, таких:

Если б дождик ответить сумел,
Почему море слез проливает…

Поэтесса верит, что –

Всего лишь миг! Всего один лишь взгляд
Способен вверх ногами мир перевернуть…

И ее поэтический взгляд часто открывает неожиданную сторону каждой лирической темы, которой она касается. Поэтому четкость этих живых образов, афористичность этих поэтических мыслей, зазвучав на другом языке, не могут не подействовать и на чутких к поэтическому слову финских читателей.

Сборник «Открытое окно» начинается со вступительного слова переводчицы. В нем говорится:

«У азербайджанской поэзии очень древние корни, они уходят в XII век. Женщины-ашуги, поэтессы, которые представляли свои стихи, сопровождая музыкой и танцем, были столь же талантливы, как мужчины, в особенности в наполненной чувством любовной лирике. Самой первой поэтессой была Мехсети Гянджеви (1141–1209) – мастер поэтической формы рубаи. Она писала: «Богатство мира – страсть. Пою о ней».

Родившаяся в 1985 году Лейла Алиева – одно из ярких имен молодой поэзии сегодняшнего Азербайджана, она пишет искренне, находя яркое выражение лирическому чувству. Ее первый сборник стихов «Если б звезды ступеньками стали» вышел в свет в 2016 году в Москве, именно из него выбраны стихи нашей книги, о которой можно сказать:

Тонкая душа в твердой оболочке,
Про тебя написано немало книг.
Чувства передать не в силах строчки,
Ты опережаешь их на миг.

Хотя лирическая героиня поэтессы часто встречает враждебность и непонимание, она полна любви, которая побеждает несовершенство мира и людскую слабость.

Пусть ты одна на крохотной планете
Меж поворотов, тупиков дорог,
Пусть ты одна, совсем одна на свете,
Не бойся, потому что рядом Бог!

В ее поэзии также говорится о жизненных путях, на которых требуются отвага и терпение. «Я не боюсь, что будет больно…», – говорит поэтесса, ибо без этой боли не может быть и подлинного счастья. И в ее душевной грусти много сочувствия другим.

Иногда так грустно, что не хочется плакать,
Грустно, когда вижу в небе самолет,
Грустно, что кому-то рядом грустно,
Грустно оттого, что грусть пройдет!

Ее идеал – это чистота и доброта детской души.

… ведь все детьми когда-то были,
Ангелов умели разглядеть…

Великий персидский поэт Хафиз когда-то писал: «Коль птица вырвалась из клетки, ей рай везде – на каждой ветке». Стихотворение Лейлы Алиевой «Птица в клетке» следует высокой философии Хафиза:

Каждое дерево, ветка
Значат весь мир для нее.
Может, коварная клетка
Учит любить в жизни все?..

В другом стихотворении «Открытое окно» та же мысль об очищающей красоте мира:

Открой окно, чтоб волны моря смыли
Всю зависть, глупость, пустоту и грусть!

В ее медитативной лирике читатель встречает сложные духовные противостояния и переживания ее внутреннего мира:

Есть Я и Я, что вроде бы не Я,
Но также проживает в моем теле.
Я сделана из глины, она же – из огня!
Есть я, что в жизни не предаст,
Есть я, что уничтожит всю меня!

В предисловии к одной из книг Лейлы Алиевой русский поэт Андрей Дементьев пишет: «Лейла остается со своими читателями наедине как с самыми близкими людьми, доверяет им свою душу». Как истинный лирик, она не отделяет себя от читателя и обращается к нему как к самому близкому любимому человеку:

Я не боюсь ночей жестоких,
Ветров холодных не боюсь.
Войду в судьбу людей, столь одиноких,
Войду и больше не вернусь.

Ее стихи говорят о разнообразных драматических состояниях, когда она ощущает, что не любима, не понята, что надо суметь пережить разрыв с любимым или обман. Эти тревожные беспокойные состояния она умеет описывать, находя точные слова, передавая высокий накал чувств.

Стучатся в дверь наперебой соседи,
Звонят в звонок настойчиво друзья!
Но сердце тишиной гостям ответит,
В нем место было только для тебя!

Стихи Лейлы Алиевой складываются в значительный лирический дневник молодой женщины. И дневник этот, как окно, открытое в большой поэтический мир».

Предисловие вводит в духовный мир поэтессы. И не случайно издатель на последней странице обложки поместил стихотворение «Лекарство»:

Дайте мне лекарство от боли и тоски,
Дайте мне лекарство от сладости любви,
Дайте мне лекарство от грусти и сомненья,
Дайте мне лекарство, что остановит время.

Дайте мне лекарство от солнца и дождя,
Дайте мне лекарство от дыма и огня,
Дайте мне лекарство от страха и печали,
Дайте мне лекарство, чтобы все прощали...

Заканчивается это философское стихотворение строкой, отчеканившей главную мысль всей лирической поэзии Лейлы Алиевой: «Лучшее лекарство на земле – добро!» И эта мысль не может не объединить ценителей поэтического слова всех стран и всех народов.

ЗЕМЛЯКИ

МАЛИК ДУРСУНОВ

ТРИЖДЫ СУДИМЫЙ

Повесть

Сегодня в Зогаллы многие склонны считать, что именно побег жены из дома с другим мужчиной (к другому мужчине, как любят говорить зогаллинцы) стал тем самым толчком, после которого жизнь Рафика окончательно превратилась в сплошное приключение.

– Маму я имел всех, кто считает мою жизнь приключением, – как-то злился Рафик, услышав подобное о своей жизни. – Сплошное мучение, а не приключение, – ругал он своих земляков.

Зогаллинцев хоть с шести утра до одиннадцати вечера ругай, они своего мнения не поменяют: однажды вслух высказанное предположение о ком-то навсегда будет преследовать этого бедолагу. С другой стороны, сам Рафик как-то в разговоре со мной признавался, что о его жизненных приключениях при желании можно написать целую книгу. Правда, тут же оговорился, что сам такую книгу никогда не напишет, и не потому, что у него не хватает на это способностей, а потому, что он очень не хочет, чтобы зогаллинская молодежь брала с него пример. Рафик, хотя и считал, что в его жизни произошло много событий, поучительных для других, но выставлять её напоказ не видел надобности.

– Вам бы я доверил, муаллим, написать такую книгу. Говорят, вы пишете о Зогаллы и о своем Кара-дайы, обо мне тоже написали бы, – как-то в очередной раз он разоткровенничался со мной, уважительно называя меня «муаллимом». – Тем более, вам ничего рассказывать и не надо, вы всё обо мне знаете. Но то, что вы пишете о Кара-дайы, по мне как, это очень мелко.

Это было за год до его смерти, в его грустных глазах читалась такая просьба. Чтобы не обидеть Рафика, я дал согласие, что обязательно возьмусь за рассказ о нем и это будет очень масштабно – не то что о Кара-дайы, вдобавок пошутил я. Но только не сейчас, а когда он будет в возрасте Кара-дайы, к тому же, если к этому времени я сам останусь в живых, пошутил снова.

Рафик был намного старше меня, но подобное уважительное обращение ко мне – «муаллим» – с его стороны не было проявлением хитростного подхода, тут явно ощущалась его искренность.

«Муаллим» дословно в переводе с азербайджанского языка означает «учитель», но в зогаллинском разговорном языке такое обращение к собеседнику необязательно подчеркивает его профессию: оно, как правило, является лишним доказательством уважения к нему в силу его образованности. В первый раз подобное обращение Рафика ко мне у нас в доме после его ухода мы списали на воздействие спиртного.

Началом особо теплого и доверительного отношения Рафика ко мне послужило мое удачное поступление в институт. Узнав об этом, он в тот же день пришел к нам поздравлять моих родителей и меня с этим «невиданным событием», как он позже выразился.

Был январь месяц, в Зогаллы стояли крепкие морозы, я приехал домой на свои первые зимние каникулы. В те годы Рафик работал на строительстве БАМа, и надо же было такому случиться, что именно в эти дни он отгуливал свой очередной отпуск.

Мы всей большой семьей сидели дома, готовились обедать. Сухие дрова чиркали в печи и отдавали приятное тепло. Увидев через окно заходящего к нам во двор гостя, мама недовольно проговорила:

– Готовьтесь, идет алкоголик!

Отец резко перебил ее:

– Не твое дело! Лучше иди встречай, – сказал он младшему брату: тот неохотно оделся и вышел во двор встречать гостя.

Я выглянул в окно и не узнал бородатого мужчину, повернулся к отцу, чтобы спросить, кто идет.

– Хоть бы больную мать пожалел. Как приехал – каждый день пьяный. Жена через год после свадьбы сбежала, а ему хоть бы что, – продолжала говорить мама, и только тогда я догадался, что это Рафик.

Через несколько минут младший брат открыл дверь комнаты и пропустил Рафика в дом.

– Проходи, проходи, не стесняйся, – пошутил брат, потому как двери в Зогаллы всегда открыты для соседей.

Зогаллинец, идя в гости к соседу, даже не думает, что своим приходом он может как-то стеснять хозяина, независимо от времени суток – будь то раннее утро или поздний вечер. Зогаллинцу, чтобы зайти в гости к соседу, особых приглашений не нужно. Гостеприимный зогаллинец всегда рад приходу гостей, тем более, если этот гость сам приехал в родную деревню погостить. К тому же у хозяина появляется лишний повод спуститься в подвал за спиртным и в короткий холодный зимний день поговорить с гостем по душам. Высказывание моей мамы в тот день не вполне вписывалось в принципы зогаллинского гостеприимства, но старшим в доме был отец.

– Сейчас сниму сапоги и пройду! Я никого не стесняюсь, – ответил Рафик деловито. – Кого стесняться, вас что ли? Да вы все выросли у меня на глазах. Вот такими детьми бегали ко мне мою собаку смотреть, – правой рукой на уровне своих колен он указал наш тогдашний рост.– А сейчас, машаллах, вот какими большими стали, – на этот раз поднятой рукой выше собственной головы он обозначил наш сегодняшний рост.

Рафик говорил правду: детьми мы часто забегали к нему смотреть на его необычную собаку по имени Волга и с его разрешения по очереди гладили ее.

Мы с папой поднялись и поздоровались с ним. Он крепко обнял меня.

– Мужик! – на русском языке сказал он и похлопал меня по плечу.

Он первым делом поздравил моих родителей, поинтересовался моей учебой, при этом и себя не забыл пожурить.

– В свое время я покойного отца не послушал, а ведь тоже мог поступить в институт, – признался он. – Сейчас работал бы где-нибудь на руководящей работе, а не лес валил бы в Сибири.

– Хорошо хоть сейчас понимаешь, – сказал ему мой отец.

– Сейчас я всё понимаю, но поздно уже, – твердо заключил Рафик, – из-за одной собачки-проститутки я на экзамен не пошел. Скучал я по своей Волге. А в школе, между прочим, я учился хорошо. Говорят, учителя и сейчас меня в пример ставят.

Тут он был прав только отчасти: в школе учителя вспоминали его лишь тогда, когда на уроках географии речь заходила о строительстве БАМа или же на занятиях биологии изучали породы собак. О его успехах в учебе учителя в наши дни почему-то упорно не хотели вспоминать, что, видимо, говорило об отсутствии таковых в свое время.

– Бедный Алескер, – посочувствовала уже мама, – чего он только не видел.

Наступила тишина, которая как бы означала согласие всех присутствующих с утверждением мамы о том, что Алескер прожил не очень радостную жизнь, и винов-

ником всего этого был именно Рафик.

Позже на стол подали еду.

Рафик опьянел быстро, забыл о своей виновности, стал говорить много, при этом жаловался на всех.

– Нельзя в этом мире никому доверять! – заключил в итоге он и тупо смотрел на моего отца. Выражение лица у Рафика было такое, будто он готовился спорить с отцом, вызывая его на дебаты, призывая его доказать обратное.

– И что ты хочешь этим сказать? – спокойно спросил отец, решив не ввязываться в дискуссию.

– То, что слышали. Больше ничего. Никому нельзя доверять! Сейчас я вам объясню: уезжая, попросил я ее на человеческом языке: «Потерпи год-два, заработаю хорошие деньги, и заживем», – стало ясно, что Рафик начал жаловаться на бывшую жену, которая не стала ждать его с БАМа и сбежала с мужчиной, на десять лет старше себя, в Баку. – Она кивала: «Хорошо, хорошо!» Чего тебе не хватало, спрашивается? Я же не гулять поехал, а работать! Деньги зарабатывать! Кто мог подумать? Тем более, родственницей была. Как после этого верить людям? А вы говорите…

– Ничего не говорим, – перебила его моя мама. – Не надо было дома ее одну оставлять. Молодую и красивую. Без мужа женщина, что лошадь без узды. Вот и сбежала. Надо было брать с собой, раз уж ехал.

– Куда? В Сибирь ее брать? Да там негде жить, в палатках живем. А морозы какие? О чем вы говорите? Вот, космонавты сейчас по году торчат в космосе, что им жен тоже с собой прихватить в космос, чтобы не разбежались до их приземления? Сказки всё это.

Мы все рассмеялись, в принципе соглашаясь с логикой Рафика.

– Что сейчас говорить. Сейчас уже поздно говорить. Вернись домой, сам выбирай себе новую жену и живи! И никуда от себя больше не отпускай! Пожалей бедную мать, еле ходит.

– Ерунда всё это, – Рафик был на своей волне, – собаку выбирал я сам! Ну и что? То же самое. Помните, наверно, Волгу мою. Кормил от руки, кормил тем, что сам ел. Спали вместе в одной, можно сказать, постели. Перед уходом в армию сказал ей: «Волга, потерпи два года, вернусь и найду тебе жениха, не связывайся с соседскими кобелями» И что в итоге? То же самое. За два года только самый ленивый кобель в деревне не накрыл ее.

Мы продолжали смеяться, отец, чтобы не обидеть Рафика, решил поддержать его:

– Тут ты прав, Рафик! Волга у тебя какая-то со скользящей ногой была.

– С кем ни связываюсь, у всех ноги скользящие, – подытожил Рафик.

– Как на БАМе работается? – спросил я у него после небольшой паузы. – Газеты много интересного пишут.

Рафик задумался, движением губ демонстрируя, что вопрос не такой-то уж простой, как он выглядит на самом деле, потом медленно повернулся в мою сторону.

– Тебе правду сказать или рассказать так, как пишут газеты? – спросил он у меня, давая понять, что информации на эту тему у него достаточно и при желании он может выложить такое, что об этом никогда и нигде не напишут.

– Газеты я сам читаю, – посмеялся я. – Конечно, правду!

– Правда не такая интересная будет, как пишут газеты. Но раз ты настаиваешь, я тебе расскажу, – сказал Рафик, залпом выпил очередную стопку крепкой домашней водки, поморщился и закусил соленым огурцом. – Но только этот разговор останется вот тут! Я тебе рассказал, и мы тут же с тобой забыли! Договорились?

– Военная тайна, что ли? – посмеялся отец.

– А вы как думали? Болтунов на строительство БАМа не берут. Вы знаете, сколько желающих работать там?

Он был прав, не каждый желающий в те годы мог попасть на строительство БАМа, оно считалось престижным и высокооплачиваемым.

– Договорились, – я дал ему слово и успокоил его.

В поисках философского начала беседы, присущих пьяным людям, он в очередной раз задумался.

– Правда, она всегда горькая, как эта водка. Понятно? Правда не может быть сладкой, запомни! – облегченно выронил он, найдя подходящее, как ему казалось, предложение.

– Запомню, – ответил я.

– Муаллим, – именно тогда впервые он обратился ко мне так, с того дня вплоть до самой смерти он меня больше по имени не называл, обращался исключительно «муаллим», – там нет жизни! На БАМе жизни нет!

– Как нет жизни, если вы там как-то живете и работаете? – посмеялась мама, стоя слушая его.

– Жизни на БАМе нет, – повторил Рафик, будто не слышал реплику мамы. – Когда просыпаешься, наступившее утро тебе, кроме мороза и немножко солнца, ничего не приносит. Это зимой, которая длится девять месяцев. А летом еще и комары, как черный туман, налетают и накрывают тебя. Но лето короткое, поэтому в основном запоминаются морозы. Просыпаешься, выходишь из вагона, а перед глазами лес! Тайгой называется, ты должен знать по географии! Нескончаемый лес. И ты начинаешь рубить лес. Рубишь лес и рубишь, рубишь и рубишь! С утра валишь до обеда, валишь после обеда, валишь и валишь, а он не кончается! Лес не кончается! Люди! – громко прокричал Рафик, осмотрел нас поодиночке, не испугались ли мы от его крика. Убедившись, что мы еще держимся, он вполголоса продолжил: – Люди, лес не кончается! Бесконечность! А бесконечность – это угнетение человеческого терпения. Нормальный человек этого не выносит. Многие спиваются. Вот почему я тоже начал пить. От бесконечности, от угнетения моего терпения. А вы думаете, от хорошей жизни я начал пить? Ага, как бы не так. Вот сейчас после отпуска опять поеду в этот лес. И начну рубить его. С утра до вечера, с утра до вечера... Я с ума сойду.

– Не езди, кто тебя заставляет, – сказала мама.

– Надо, надо ехать, – горько произнес Рафик, – надо завершить начатое дело, – серьезно добавил он.

Мама опять не удержалась:

– Ой, ой! Завершить начатое. То ты говоришь, что там бесконечность, сколько ни руби, нет конца лесу. То ты хочешь что-то завершить. Не поймешь тебя, Рафик. Знаешь, что я тебе скажу, – езжай, собирай вещи и вернись домой. А то вообще не езжай, оставайся дома, помогай матери.

– Может, вы и правы, тетя. Наверно, так и сделаю, поеду, заберу трудовую книжку и вернусь. Пусть русские сами валят свой лес, а, дядя Осман? – он обратился к моему отцу. – Наливайте.

– Началось, – сказала мама и вышла из комнаты.

***

Рафик был поздним и единственным ребенком в семье, что в то время являлось большой редкостью в Зогаллы, где каждая семья была чуть ли не многодетной. С маленького возраста он отличался от зогаллинских детей, выделялся среди сверстников. Это был, с одной стороны, умный и смышленый, но капризный, с другой стороны, ребенок.

Отец Рафика, дядя Алескер, был рослым плечистым мужчиной, всю жизнь он работал скотником на ферме, души не чаял в сыне и выполнял любую его просьбу. В деревне дядю Алескера боялись все, считался он самым сильным и злым мужчиной Зогаллы. К тому же дядя Алескер был штатным забойщиком скота в деревне, многие

его так и называли, Гассаб (Забойщик животных) Алескер. На все зогаллинские свадьбы, чтобы резать телят и бычков, как правило, приглашали именно его. Забойщиком он был грубым и безжалостным. Резать бычков он приходил со своим ножом и всегда точил его перед глазами привязанного животного. Однажды мой отец пригласил его резать нашего, откормленного на зиму, бычка. В мою детскую память врезались кадры того дня, когда он перед глазами привязанного животного начал точить свой нож. Глаза бычка, как глаза распятого праведника, тогда полезли на лоб, и из них потекли слезы. Мы с братьями начали плакать вместе с бычком. Вместо того, чтобы успокоить, дядя Алескер прикрикнул на нас и прогнал оттуда.

В Зогаллы у всех на памяти случай, когда он изрядно напугал директора школы Шариф-муаллима. В шестилетнем возрасте Рафик выучил азбуку и научился считать до ста, что в зогаллинских условиях считалось невиданным успехом, признаком особой одаренности ребенка. Соседи тогда посоветовали дяде Алескеру отвести сына в школу, договориться с директором Шариф-муаллимом, чтобы Рафика на год раньше приняли в первый класс. На радостях дядя Алескер взял маленького сына за руку и повел в школу. При всех учителях Рафик продемонстрировал свои знания, назвал все буквы, читал по слогам, посчитал до ста. Но Шариф-муаллим почему-то не захотел взять его в первый класс, посоветовал подождать сверстников. Раздосадованный дядя Алескер с сыном вернулся домой, всю дорогу проклиная Шариф-муаллима.

– Попадешься ты мне на глаза на какой-нибудь свадьбе, вместо бычка тебя зарежу! – уходя, якобы он даже пригрозил Шариф-муаллиму.

Всерьез напуганный Шариф-муаллим, как сегодня рассказывают зогаллинцы, целый год тогда не ходил на деревенские свадьбы, отправляя вместо себя старшего сына.

Шариф-муаллим так боялся дядю Алескера после памятного предупреждения, что, говорят, якобы каждый год, пока Рафик учился в школе, давал указание учительницам по пустякам не вызывать Рафика к доске и лишний раз у него ничего не спрашивать. Однажды Рафик сам поинтересовался у учительницы химии, почему она никогда его к доске не вызывает. На что учительница ответила ему:

– По глазам вижу, что ты готов к уроку, поэтому тебя и не вызываю.

На радостях после занятий Рафик рассказал эту историю отцу, а он уже вечером возле правления колхоза развил эту тему.

– Знающего человека нельзя трогать по пустякам! Тем более, упаси Аллах, подсказывать! – рассказывал дядя Алескер любопытным землякам, которым ничего не оставалось, как внимательно слушать его. – Я, например, ужасно не люблю, когда мне подсказывают, как резать, например, теленка! Бывает, завалишь животное, откинешь его голову и только возьмешься за нож, так кто-нибудь обязательно со стороны начинает умничать: «Алескер, сильнее дави голову, чтобы бычок не выскочил». Однажды, не помню, на чьей свадьбе было, после такой подсказки я пришел в ярость. Выбросил нож, взял за шею умника, привел к животному и сказал: «Режь сам, если такой умный!» А он: «Извини, Алескер, больше не буду! Говно я скушал, что тебе подсказал. Извини» И сейчас, каждый раз, когда увидит меня, извиняется. А как еще? Думаете, легко быка резать? Так же в школе. Учителя все знают, что Рафик всегда готов к занятиям, поэтому лишний раз его к доске не вызывают. И правильно ведь делают, тут, конечно, Шариф-муаллим хорошо поставил работу, зачем ребенка вызывать к доске и требовать написать то, что он знает и всё это ему не интересно!

И приносил домой Рафик из школы на радость отцу четверки и пятерки в дневнике: в заслуженности этих оценок и тогда в деревне многие сомневались, и сегодня в Зогаллы никто не ручается.

Летом, после девятого класса, дядя Алескер купил ему в Грузии красивую коричневую собаку, которая на ближайшие годы перевернула не только жизнь Рафика, но и веками сложившееся консервативное отношение среднего зогаллинца к домаш-

нему животному. Собаке Рафик дал не традиционную для Зогаллы кличку – он назвал ее Волгой. Давая имена своим собакам зогаллинцы, как правило, в те годы указывали на их внешность или на рабочие качества, а также на свое отношение к любимым животным. На что тогда указывал Рафик, называя свою маленькую собачку именем великой русской реки, никто не знал.

К собаке он привязался и очень любил, она ответила ему взаимностью. Повсюду после занятий в школе он ходил с ней, кормил ее тем, чем сам питался. Даже ночью собака спала в его комнате рядом с ним, что в зогаллинской среде считалось невиданным баловством для домашнего животного. Зогаллинцы привыкли видеть собаку днем на цепи, а ночью бегающей и охраняющей двор.

Через год Волга вымахала ростом и стала веселой и игривой собакой. Она была коричневой и гладкошерстной, по сравнению с нашими деревенскими собаками смотрелась ухоженной красавицей. Тем временем соседские собаки, в большинстве своем кобели, начали искать встречи с Волгой, по словам того же Рафика, сохли по ней. Особо усердствовал Топуш, мощный кобель соседа Шукура. Каждый раз Рафик решительно уводил Волгу от случайных знакомств с местными женихами и тщательно оберегал ее.

По утрам они вместе бегали вокруг сельского стадиона, после чего Рафик мылся холодной артезианской водой. Таким образом он готовил себя к армии. Дядя Алескер слышать не хотел об этом, просил Рафика не думать об армии.

– У тебя такая светлая голова, – восхищался он сыном, – ты обязательно поступишь в институт, – твердил он ему. – Если понадобятся деньги, продам всё, но тебя в институт обязательно устрою!

Но не суждено было Рафику сразу после школы поступить в институт. Он был увлечен Волгой. Дяде Алескеру, матери и небольшой родне с трудом удалось уговорить Рафика поехать в Баку для сдачи вступительных экзаменов.

Рафик уехал недовольный, через пятнадцать дней вернулся и тихим голосом заявил отцу:

– Срезался на втором экзамене.

Мать Рафика и дядя Алескер были буквально убиты. По Зогаллы поползли слухи, что Рафик даже на экзамены не ходил, скучал по Волге, поэтому так быстро вернулся домой.

Вернувшись из Баку, Рафик замкнулся в себе и общался только с собакой, большую часть времени проводя с ней.

– Отслужу армию, потом обязательно поступлю, – обещал он отцу и успокоил родителей.

В разговорах с односельчанами дядя Алескер часто повторял обещание, данное ему сыном, и от себя добавлял:

– Может, это даже к лучшему. Отслужит армию, возмужает! А институт никуда не денется, вернется и поступит.

– Не курит, не пьет, занимается физкультурой, книги читает. Что еще нужно? – говорила мама соседям, которые упрекали ее в том, что Рафик по дому ничем не занимается, не помогает отцу по хозяйству, только и делает, что гуляет со своей импортной собакой. – Пусть отдохнет. Успеет еще поработать.

Проводы Рафика в армию превратились в настоящую драму. Закрыв глаза, он под усмешками провожающих целый час сидел в обнимку с Волгой, что-то шептал ей. Собака тоже чувствовала предстоящую разлуку, поэтому недовольно скулила. Закончив обряд прощания с любимой собакой, он начал прощаться с провожающими. И неожиданно для всех, попросил отца беречь Волгу от приставаний со стороны соседских кобелей.

– Чтобы она всегда была перед вашими глазами. Вернусь, найду ей достойного жениха из ее породы.

О дружбе Волги с сельскими бродягами, как Рафик называл местных кобелей, он даже слышать не хотел. Перед тем, как сесть в машину, Рафик погладил собаку по голове и поднялся. Когда отъехала машина, провожающие стали ждать, что Волга сорвется и побежит за машиной, как показывают в кинофильмах. Но Волга продолжала сидеть там, куда ее посадил Рафик.

– Как приказал, так и сидит, – дошло до провожающих, – не зря, оказывается, он с ней так долго возился.

– Наши собаки побежали бы, – сказал кто-то из числа провожающих.

– Если бы за нашими собаками так ухаживали, они вместо хозяина и армию отслужили бы, – пошутил еще кто-то.

А когда машина исчезла за поворотом, Волга ушла в фундуковый сад и только после обеда вернулась домой.

***

Волга тем временем не стала долго тосковать по Рафику. Тоска по ушедшему в армию хозяину уступила биологической потребности животного, и, по меткому наблюдению дяди Алескера, ровно через месяц после ухода Рафика в армию Волгу накрыл соседский Топуш. Ближе к концу сентября Волга родила трех щенят: Топуш старался на славу. Щенки были красивыми и здоровыми. Позже всех щенков раздали соседям, одного из них дядя Алескер подарил мне.

От игривой и симпатичной Волги через год и следа не осталось. Со временем к ней, кроме Топуша, стали заглядывать и другие соседские шустрики.

За несколько месяцев до возвращения Рафика из армии заболел дядя Алескер. Он заболел зимой и как-то неожиданно для всех. Куда только ни везли тогда дядю Алескера к врачам. И в Баку возили, и в Тбилиси. Месяц лежал он в районной больнице в Гахе. Улучшений не было. Худел он на глазах, хотя продолжал ходить по двору и даже на улицу выходил. По деревне поползли слухи, что у дяди Алескера обнаружен рак. Близкая родня посовещалась и решила: по возвращении из армии срочно надо женить Рафика, чтобы дядя Алескер мог увидеть свадьбу единственного сына. Невесту тоже выбрали из среды родственниц.

Рафик вернулся в начале июня возмужавшим и физически окрепшим парнем. Он выглядел совершенно другим человеком, приученным к дисциплине и порядку. С первого дня взялся за хозяйственные работы по двору. К удивлению и радости родителей, Рафик не устроил истерики по поводу случившегося с Волгой. Встреча у них была короткой – Рафик подошел к будке, присел и погладил голову залегшей перед ним Волге. Волга узнала его, стала активно вилять хвостом. Ей хотелось отвечать взаимностью, но вдруг Рафик тихо спросил:

– Как же ты так могла?

Собаке, видимо, стало так стыдно за совершенные в отсутствие Рафика поступки, она встала, огорченная и обескураженная вошла в будку, забилась в угол и больше в тот день оттуда не вышла. Больше и Рафик к ней не подходил.

***

Дядя Алескер умер через три недели после свадьбы сына, еще через месяц все в Зогаллы только и судачили о том, что Рафик уезжает в Сибирь на строительство БАМа. Уговоры многочисленной родни, соседей, знакомых, аксакалов не возымели действия на Рафика.

– У тебя старая мать, молодая жена, ты единственный мужчина в этом доме, на кого оставляешь их? – спрашивали они Рафика.

Тот слушал всех, соглашался с их доводами, но стоял на своем.

– Надо ехать, – отвечал он, – я ненадолго. Заработаю денег и вернусь, – успокаивал он их.

Позже в Зогаллы рассказывали, якобы Рафик вернулся из армии с комсомольской путевкой на БАМ, собирался побыть дома две-три недели и отправиться на стройку. Ввиду непредвиденных обстоятельств ему пришлось задержаться дома, но от желания поработать на комсомольской стройке он не отказался. То, что он согласился на женитьбу, зогаллинцы объясняли желанием Рафика выполнить последнюю волю отца и не более.

Весть об отъезде Рафика на строительство БАМа больше всех волновала родителей его молодой и красивой жены. Жена Рафика была симпатичной восемнадцатилетней родственницей по материнской линии. По углам в Зогаллы злые языки стали судачить о том, как бы она не натворила непристойного в отсутствие мужа, оставшись без присмотра.

После исправления сороковины отца Рафик оставил дома больную мать и молодую жену, а сам отправился на БАМ.

***

И стали приходить из далекого сибирского поселка в Зогаллы письма от строителя БАМа. Что интересно, письма от Рафика в деревню приходили исключительно на имя матери, где только в самом конце он интересовался женой. А потом случилось то, чего даже самые современные зогаллинцы не могли во сне видеть. Размеренная, монотонная, порой скучная деревенская жизнь зогаллинцев на месяц сбилась с привычного ритма. Причиной всему этому стал неожиданный побег жены Рафика. Зогаллинцы не могли найти вразумительного ответа на ее поступок. А случилось вот что: в одно прекрасное осеннее утро мать Рафика, проснувшись, спустилась во двор, но сколько ни смотрела, не увидела невестку. Подумала, что она ушла за водой к роднику. Прошло минут двадцать, но невестка не появилась. Взволнованная женщина стала звать ее, однако ответа не услышала. Тогда она поднялась на веранду, подошла к приоткрытой двери ее комнаты и с тяжелым предчувствием толкнула ее. Зайдя в комнату, она увидела странную картину: свадебный сундук невестки стоял посреди комнаты закрытым, на крышке сундука лежал лист бумаги, а на бумаге – ключ от замка.

В то утро я собирался уходить в школу, в это время услышал голос матери Рафика, через невысокий забор зовущей мою маму. Увидев ее, мама подошла к забору, и они о чем-то взволнованно стали беседовать. Еще через минуту мама позвала меня, дала листок бумаги и сказала:

– Почитай, что тут написано. Только потом никому ни слова.

Я и сегодня помню те три предложения, которые я прочитал: «Мама, извините меня. Я не любила вашего сына, поэтому уезжаю с другим. Не ищите меня, скоро всё узнаете обо мне».

Действительно, через три дня стало известно, что жена Рафика сбежала с мужчиной из мугальской деревни, на десять лет старше себя, в Баку.

Зогаллинцы были задеты трижды:

– Мало что сбежала, так еще с мужчиной на десять лет старше себя, к тому же с мугалом!

Оскорбленный отец девушки стыдился появляться на людях, днями на улицу не выходил. Мама невестки молчала ровно неделю. Оказывается, эти семь дней потребовались ей для выработки тактики защиты. На восьмой день вдруг она вспомнила, что все письма домой Рафик подписывал на имя своей матери, ни одного письма ее родная дочь от мужа на свое имя не получила. Чем не повод для расторжения брака, подумала она и в разговорах с соседскими женщинами этот факт стала приводить в порядке косвенного оправдания поступка дочери.

– Я, конечно, не оправдываю свою дочь, упаси Аллах, – стала объясняться она перед соседками. – Но ты же ее муж, возьми и напиши хоть одно письмо на имя жены, черкни хоть на клочке бумаги одно теплое слово. Она же ведь молодая женщина, живая душа, – виртуально обращалась она к бывшему уже зятю, то есть к Рафику. – Ничего не было. Когда ни зайду, жаловалась, что он ей ничего не пишет. Сидела, сидела дома, подумала, наверно, что она ему не нужна, потому и сбежала.

В отличие от писем, приходивших исключительно на имя матери, ежемесячные переводы в размере ста рублей, которые отсылал Рафик в Зогаллы, приходили исключительно на имя жены. Факт получения родной дочерью денежных переводов от законного мужа никак не вписывался в оправдательный мотив побега, поэтому ее мама в разъяснительных беседах с соседками о переводах никогда не упоминала, как и не упоминала о судьбе собравшихся за год полученных от Рафика денег. Уже после побега широкой зогаллинской общественности также стало известно, что коварная невестка полученные деньги не только не отдавала свекрови, но и не тратила на общие домашние нужды, а хранила у себя в комнате в сундуке, закрытом на замок, ключ от которого, естественно, держала у себя.

Кстати, в те годы зогаллинская общественность действительно была широкой – то, что известно было одному зогаллинцу, известно было и всей деревне. Зогаллинцы радовались всей деревней и горевали вместе.

Позже наступили времена, когда стремительно меняющийся мир невероятно быстро разворотил устои зогаллинского быта, привыкшие к спокойному укладу жизни зогаллинцы растерялись и распались на мелкие группировки. В первое время зогаллинцы еще верили, что перемены временные, что всё вернется назад, старое опять займет свое место. Но маховик истории набирал обороты и останавливаться не думал.

Как ни грустно признавать, сегодня в Зогаллы нет широкой общественности, она похоронена наспех, без формального соблюдения похоронных обрядов, как хоронят в перерывах между боями погибших солдат.

Воспоминания о некогда дружной деревенской солидарности сегодня у молодежи, кроме смеха, ничего и не вызывают.

А старики, вспоминая те дни, сперва смотрят по сторонам, потом тихо, чтобы их не услышал Всевышний, произносят: «Ey, gidi dünya, görüm kimə galırsan?» («О, безжалостный мир, на кого ты останешься?»)

Когда через два дня после побега в присутствии нескольких соседок мама Рафика решила открыть сундук, они там, кроме одной пары блестящих галош, ничего и не обнаружили. Мама невестки и этот факт стала использовать для облегчения ее вины.

– Почти ничего не взяла с собой. Только необходимое из одежды. Считайте, что в чем была, в том и ушла. Мебель всю оставила. Свадебный сундук и то оставила там с новыми галошами.

Тут терпение зогаллинцев лопнуло.

– Да, галоши были новые, но и сундук был пуст! – сказали ей прямо в лицо самые консервативные зогаллинцы, которых подобный проступок зогаллинской невестки задевал больше всех, поймав ее на улице. – Вы нам лапшу на уши не вешайте! Ваша дочь заранее всё тщательно продумала и предварительно спланировала! Так что лучше молчите, а то наденем на вашу пустую голову ваш же пустой сундук!

Угрозы выглядели реальными, поэтому мама невестки быстро отступила к себе во двор, закрывая калитку изнутри на засов, предвидя возможные последствия физического контакта с разгневанными земляками.

В первые дни после побега жены Рафика из деревни зогаллинцев задевал не только сам факт побега, их также мучила загадка: где и как эта бессовестная могла сговориться с мужчиной, проживающим в Баку, к тому же мугалом, да еще на десять лет старше себя:

– Как? – удивлялись они. – Как и где, самое интересное? – недоговаривали они, без того все понимали, о ком идет речь. – Неужели ни один человек краем глаза даже не видел и ничего не заметил? – В конце возмущались зогаллинцы, справедливо рассуждая, что, если бы у них была хоть какая-то предварительная информация о факте сговора, его можно было бы каким-то образом предотвратить.

Двое наивных зогаллинцев с этим вопросом обратились к Кара-дайы, как бывшему разведчику, чтобы тот объяснил, как этой вертихвостке удалось совершить свой грязный замысел и при этом остаться незамеченной всевидящими глазами земляков. И, честно говоря, застали Кара-дайы врасплох: он тоже не знал ответа. Но статус обязывал, поэтому Кара-дайы стал выкручиваться. Но, прежде чем ответить, он предварительно грязно выругался в адрес матери сбежавшей жены Рафика. Два балбеса, задававшие вопрос, зная характер Кара-дайы, сочли ругательство за справедливое возмущение случившимся, поэтому довольно улыбнулись и еще внимательнее стали ждать ответа. Но тот не торопился с ответом. Наступила тишина. Кара-дайы начал издалека, он сослался на тайну женской души, глубину которой, оказывается, даже ученые не знают.

– А если ученые, которые получают огромные зарплаты, не знают ответа на этот вопрос, откуда мне знать? – сказал он. – Это, во-первых. Во-вторых, мугал, который увел жену Рафика, тоже мужчина, видимо, не без способностей, раз ему удалась такая бесшумная и дерзкая операция, – добавил Кара-дайы, постепенно перейдя на военную терминологию. – А в-третьих, дорогие мои, я все-таки был военным разведчиком, поэтому попрошу не путать условия и способы конспирации в мирное и военное время. Понятно?

Балбесам ничего не осталось, как кивать головами в знак того, что им сейчас всё стало понятно, хотя на самом деле они ничего так и не поняли.

Между прочим, по истечении стольких лет этот вопрос в Зогаллы и сейчас остается открытым, потому как любое передвижение и возможные контакты любого жителя деревни, как правило, происходят на глазах других зогаллинцев.

Тем временем в тот же вечер зогаллинские старики собрались на обсуждение сложившейся неприятной ситуации. На обсуждение они вынесли два вопроса:

1. Как получилось, что зогаллинцы попали в такую ситуацию?
2. Как выйти из ситуации, в которую зогаллинцы попали?

Долгим и тяжелым обсуждениям они посвятили несколько осенних вечеров на стоянке возле правления колхоза. В итоге мудрые зогаллинские старики единогласно пришли к выводу, что в такую ситуацию они попали исключительно в результате аморальных действий жены Рафика, которая сбежала из дому с мужчиной старше себя на десять лет, к тому же с мугалом. Несколько стариков, не имея ничего против подчеркивания личности мужчины, с которым сбежала жена Рафика, были категорически против упоминания его возраста.

– Когда я умыкал свою жену, она тоже была младше меня на десять лет, –аргументировал один старик свое возражение, поглаживая усы. – Ну и что? – спрашивал он.

Вопрос застал врасплох большинство аксакалов, они на время замолчали, не зная, что ответить.

– А ничего! Она и сейчас на десять лет моложе тебя, – взялся ответить ему Кара-дайы и озадачил того. Тот весь вечер думал, дважды почесал затылок, но так и не мог понять, что хотел сказать этим Кара-дайы. – Не всегда же нам умыкать мугалок, – естественно, имея в виду себя, позже добавил Кара-дайы. – Видимо, и их время пришло.

Одним словом, по первому пункту виновницей создавшейся ситуации аксакалы сочли сбежавшую жену Рафика и ее родителей, обвинив обоих в недостойном, не подобающем зогаллинскому укладу жизни воспитании.

Второй вопрос аксакалы обсуждать не стали, справедливо полагая, что своим отъездом из Зогаллы жена Рафика разрядила ситуацию, которую сама же создала в первом пункте.

– Вот если бы она не сбежала из деревни в город, а оставалась в Зогаллы с другим мужчиной, тогда другой вопрос, – решили аксакалы. – Тогда можно было бы обсуждать и второй пункт.

– То, что случилось, – это темное пятно на кристально чистом имени зогаллинцев, – перед тем, как расходиться, подытожил самый старый зогаллинец Аллаверди-баба и привел пример. – Однажды на новую белую рубашку Абид-муаллима попала маленькая капля чернил, и сколько дома ни стирали рубашку, не могли удалить пятно. И он больше не одевал эту рубашку на выход, хотя продолжал носить ее дома, когда занимался домашними делами. Так и здесь, своим поступком она очернила нас, надолго лишив нас возможности ходить с гордо поднятыми головами при мугалах. Но что сделаешь, жизнь-то продолжается, как-то придется и это терпеть, надо жить.

Позже некоторым облегчением для зогаллинских стариков явились выводы Кара-дайы, к которым он пришел в результате изучения родословной жены Рафика. Через месяц в разговоре со стариками он доказал, что по линии прапрабабушки у убежавшей вертихвостки в крови имелись мугальские корни, тут же он заметил, что после побега это открытие не имеет никакого значения.

– Пропали золотые украшения и серьги, кольца и бриллианты, купленные на свадьбу, – тем временем горевала мама Рафика.

Но и тут Кара-дайы успокоил всех:

– Никуда они не пропали. Их она взяла с собой.

Зогаллинцы обратились к родителям сбежавшей дочери с требованием:

– Немедленно верните золото и бриллианты! Хватить позорить деревню!

Те согласились на возврат золота и бриллиантов, как только узнают о месте нахождения дочери, но и тут ее мамаша нашла в действиях дочери оправдательные моменты:

– Видимо, бедняжка так торопилась, что не успела снять. Бедненькая, она же совсем ребенок, наверно, так волновалась, что забыла снять их с себя. А то никогда она не взяла бы их. Никогда! Я знаю свою дочь! Мы всё вернем, нам чужое не нужно. Тем более, там наша мебель.

– Мебель получите только после возврата золота и бриллиантов! – поставили условие зогаллинцы.

***

Аксакалы посоветовали матери Рафика не сообщать сыну о случившемся, тем более, тот писал о скором отпуске. Большинство зогаллинцев окончательно сочли Рафика невезучим и в разговорах стали жалеть его: и собака у него оказалась гулящей, и жена скользкой на ногу.

Зогаллинцы стали готовиться к приезду Рафика. Готовились все: и мама, и соседи, и та часть родни, которая не была связана с уже бывшей его женой. Часть родни, которая была связана с его бывшей женой, тоже готовилась к его приезду. Всех их связывало одно чувство: страх. В деревне боялись реакции Рафика, его возможного неадекватного поведения после того, как он узнает о побеге жены.

Посовещавшись, аксакалы решили, что будет лучше, если неприятную весть о побеге из дому законной жены Рафику первым поведает Кара-дайы. Кара-дайы должен был по приезду Рафика в деревню первым поговорить с Рафиком, объяснить ему ситуацию и успокоить его.

– Кроме тебя, Кара, никто не объяснит ему случившегося, – пришли к единому выводу аксакалы.

– Надо подстраховаться, – посоветовали аксакалы матери Рафика. – Как только Рафик войдет во двор, отправьте за Кара-дайы кого-нибудь из соседских мальчиков.

Кара-дайы сперва не хотел ввязываться в это дело, но отказать аксакалам тоже было неудобно. С другой стороны, уж больно он уважал, когда тот был еще жив, покойного Алескера, поэтому согласился поговорить с Рафиком и объяснить ему всё.

«Только как этому дуралею объяснишь? У него же ветер в голове», – мучился тогда Кара-дайы целый день и к концу дня решил, как действовать. «Что придет в голову при встрече, то и скажу. Не буду ничего выдумывать».

На следующий день он увиделся с матерью Рафика.

– Поступку вашей невестки нет оправдания, – успокоил ее Кара-дайы, – но только не обижайся, не меньше виноват и ваш сын, собаковед! – не любил Кара-дайы Рафика, не нравились ему странности Рафика.

Мать Рафика пустила слезу…

***

Мальчика за Кара-дайы посылать не пришлось. Как говорится в русской пословице, зверь сам бежал на ловца. В первый свой отпуск Рафик приехал в Зогаллы в декабре месяце. Из автобуса он вышел на остановке возле магазина, на любимом месте бесед зогаллинских стариков. По чистой случайности в этот момент Кара-дайы тоже находился на остановке. Бородатого молодого человека с ондатровой шапкой на голове и с двумя чемоданами в руках никто не узнал, пока он сам не подошел к аксакалам и не начал здороваться с ними. В чемоданах у Рафика лежали три костюма, которые он купил для себя, шаль и жакет для матери, шуба на искусственном леопардовом меху для жены.

Между прочим, первым располневшего Рафика Кара-дайы и узнал.

– Это же наш собаковед, – крикнул он. – Совсем обрусел, бороду отпустил.

Рафик поздоровался со всеми аксакалами, направился было домой, Кара-дайы притормозил его и сказал:

– Не спеши, я тоже пройдусь с тобой.

Мудрые аксакалы в знак согласия покачали головами.

От остановки до дома Рафика минуть пять пешего хода. По дороге односельчане подозрительно здоровались с Рафиком, поэтому Кара-дайы решил не тянуть с объяснением.

– Стрельнул прямо в лобяру, как на войне бородатому фашисту из засады, – позже он мне рассказывал, – потому что не хотел юлить.

– Приехал бы месяцем раньше, застал бы и жену дома, – сказал Кара-дайы, насторожив Рафика.

– А сейчас где ее застану? – с удивленными глазами спросил Рафик. Он остановился, тяжелые чемоданы поставил на землю и уставился на Кара-дайы.

– Как где? Сейчас нигде. Даже родители ее не знают, где сейчас она находится. Тебе что, не писали?

– Кара-дайы, что-то вы темните. Что случилось?

– Что тут темнить. Я думал, ты в курсе дела. Убежала твоя жена, анассыны ее мугальских корней! Хотел я еще тогда, перед свадьбой, отговорить покойного отца твоего от этой семьи, да не решился. Не хотел расстроить его, больного!

– Кара-дайы, что случилось? Можете нормально объяснить? Куда она сбежала, с кем сбежала? Как мама? С мамой-то всё в порядке?

– С мамой всё в порядке, слава Аллаху! А жена бывшая твоя, хорошо что сбежала, еще бы месяц, и ты маму не застал бы дома живой. И еще раз слава Аллаху, что именно так случилось.

– Не пойму, Кара-дайы?!

– Что тут понимать? Издевалась она над матерью твоей, понимаешь? Из тех денег, что ты отправлял, ничего не давала ей. И всё по дому делала твоя мама. А сама в это время снюхалась с каким-то мужиком, месяц назад собрала вещи и ночью удрала с ним в Баку. Искали повсюду, не могли найти, пока не нашли в комнате на столе записку: «Мама, не ищите меня, мол, мне надоело жить у вас. Не любила я вашего сына! Полюбила я другого». Вот такая вот оказалась твоя бывшая жена. И слава Аллаху, что случилось так, – закончил Кара-дайы, посмотрел на серое лицо Рафика, еще раз поднял руки вверх и повторил: – Слава Аллаху, что так случилось. А то опозорились бы совсем. Слава Аллаху!

Рафик после недолго молчания проговорил:

– А сейчас не опозорились, да?

Кара-дайы в душе порадовался, что его затея удалась, поэтому продолжал:

– Все в Зогаллы знают, какая чистая семья у покойного Алескера. Белую стену в любой цвет можно покрасить. Но очернить стены вашего дома невозможно! Своим поступком твоей бывшей жене не удалась запачкать кристальную чистоту вашей фамилии. Всё, чего она добилась, – это то, что она опозорила себя, своего отца и братьев! Наша сторона ни грамма не опозорилась! Ни грамма! Я говорю «наша сторона», потому что я тоже выступаю на вашей стороне! Поэтому я спокоен и говорю: слава Аллаху, что удалось избавиться от такой шайтанки без позора.

Рафик слушал молча. Кара-дайы был на своей волне:

– Почему мы не опозорились? Потому что она сама ушла, потопала своими ногами! Как только терпит наша земля такие бесстыжие ноги? Вот если бы, например, мы, по нашей инициативе, вернули бы ее назад, в отцовский дом, как невестку, не устраивающую нас, – тут бы мы опозорились. Что сказал бы народ? А народ сказал бы: «Молодую невестку, как необъезженную лошадь, терпеливо надо приучать к порядку, а не избавляться от нее». А так она сама ушла. Ушла не в отцовский дом, не к маме своей она вернулась! Нет, сбежала она с сомнительным мужчиной, который лет на десять старше нее. Разве это не позор? Конечно, позор! И хорошо, что ушла сама, и еще хорошо, что ушла вовремя! Останься она еще на год, нам пришлось бы силой освобождаться от этой аферистки. Я и твоей маме сказал: «Не плакать надо, а радоваться. Вовремя смылась с нашего порядочного имени эта грязь!» Пусть сейчас позорятся ее родители, братья и сестры! Пусть им будет стыдно, пусть они зальются краской, анассыны их мугальской фамилии!

– А что народ говорит, Карадайы? – спросил ошарашенный Рафик.

– А что народ? Народ весь на нашей, то есть, на твоей стороне. Поехал, говорят, на всесоюзную стройку деньги зарабатывать, куда не каждого берут, говорят, между прочим. Работал, говорят, и каждый месяц исправно слал тебе деньги. Чего тебе не хватало, говорит народ, ай, бессовестная, сиди дома и жди, когда вернется муж. Чего тебе еще надо было? Народ полностью тебя поддерживает, мало того, все как один поставили условия перед ее родителями, чтобы в кратчайшие сроки вернули золото и бриллианты, купленные ей на свадьбу! Верните, и все, сказали родителям!

– Все забрала, да?

– Да, все, – Кара-дайы уменьшил тон, но тотчас же возвысил голос. – Между прочим, это еще один позор им! Если ты уж решила уходить из порядочного дома к своему хахалю, будь добра, снимай все, что было куплено тебе в этом доме, и уходи. Уму непостижимо, какую же наглость надо иметь, уходить из дома законного мужа с его же золото-бриллиантами. Но ты не волнуйся, вернут, как миленькие, вернут, никуда они не денутся. Тут наши позиции еще сильнее. Зогаллинцев не проведешь!

Несколько минут они оба молчали. Перед входом во двор, Кара-дайы остановил Рафика:

– Скажем, если бы она ушла от тебя к другому, когда ты был дома, – вот тогда это был бы наш позор! Недоглядел, сказали бы люди, недосмотрел! От такого мужа

на самом деле надо уходить. Не муж, а чучело, сказали бы! А когда муж на заработках на престижнейшей стройке страны, уйти из дома от его больной матери особого ума не требуется. Ты даже не думай, ходи с гордо поднятой головой. Пусть они стыдятся. Я сам, между прочим, даже где-то тебе завидую, – Кара-дайы невозможно было остановить.

– Бросьте вы, Кара-дайы, а чему тут завидовать?

– Это ты так думаешь. Я в молодости после армии так мечтал, чтобы и моя жена ушла куда-нибудь. Я готов был выпроводить ее даже сам, со своим позором. Не повезло тогда мне. Не смог я свою мугалку никуда выпроводить. Сколько лет прошло, не живу, а страдаю. А твоя оказалась шустрее – поняла, что она не достойна тебя, вот и удрала! Туда ей и дорога!

– И как мне быть сейчас, Кара-дайы?

– А никак! Как забыл тогда свою импортную собаку, так и забывай эту сукину дочь! Ты молодой, красивый парень! У тебя есть все, прежде всего чистое имя. В Зогаллы в какой дом пальцем покажешь, из того дома и выберем тебе невесту! Я лично пойду сватом! Маму успокой, и все!

Во дворе мать Рафика обняла сына и начала плакать:

– За что Всевышний проклял нас, сынок? В чем наша вина, сынок?

Рафик успокаивал ее:

– Не плачь, мама! Может, это даже к лучшему! Все, что ни делается, все к лучшему. Вот и Кара-дайы говорит, что это не наш позор!

Стоявший рядом Кара-дайы после этих слов Рафика довольно улыбнулся под белыми усами, посчитав свою задачу выполненной, повернулся и ушел, оставив в центре двора маму с сыном.

То, что Рафик, как и в случае с собакой, спокойно и без истерики принял случившееся, честно говоря, сильно удивило видавших виды зогаллинских аксакалов, которые ждали от него более бурной реакции и готовы были за это оправдать его. Несколько пьяных выходок по этому поводу со стороны Рафика считалось бы в порядке вещей. В конце концов, для приличия он мог бы с топором в руке имитировать атаку на дом родителей бывшей жены. В дом, естественно, его не пустили бы, остановили бы еще по дороге, но факт возмущения засчитался бы ему. Тот же пустой сундук, привезенный бывшей женой из родительского дома, по идее, подлежал демонстративному уничтожению посреди двора с дальнейшим его сожжением в печке. Можно было поломать что-нибудь из мебели, скажем, разбить обеденный стол и несколько стульев. В конце концов, ту же самую шубу на искусственном леопардовом меху, купленную как подарок жене, он мог расстелить на входе во двор как половой ковер, чтобы об нее вытирали свои грязные сапоги зогаллинцы, навещающие его по случаю приезда. К сожалению, ничего не было Рафиком предпринято, что расстроило ожидавших бурной реакции с его стороны зогаллинских аксакалов.

Рафик с рождения был непредсказуем.

***

Первый раз его судили на БАМе. После побега жены он вернулся на стройку и три года не приезжал в отпуск в Зогаллы. Справедливости ради, письма матери он писал регулярно и регулярно слал деньги.

Но вдруг как-то неожиданно перестали приходить письма и переводы, вместо них пришло заказное письмо из какого-то сибирского поселкового суда, где бедную мать извещали о том, что её сын по какой-то статье осужден на три года. Знатоки уголовных дел в Зогаллы квалифицировали статью как хулиганство, нашлись и такие, которые связали данную статью с наркотиками. Как показала дальнейшая жизнь Рафика, и те, и другие знатоки в принципе были правы: впредь его не раз могли судить по обеим вышеназванным статьям.

Как-то в разговоре со мной Рафик признался, что в тюрьму он тогда попал за драку, во время который кого-то ранил ножом.

– Муаллим, дралось много народу. Любой из дерущихся мог ударить любого. Списали на меня, я был под кайфом, ничего не помнил.

– Под каким кайфом? – наивно спросил я. – Пьяный был?

– Всяко бывало, – уклонился он от прямого ответа.

После осуждения два месяца Рафика держали в СИЗО маленького таежного поселка в одной камере с несколькими местными уголовниками, которые, оказывается, вынашивали планы побега из камеры, для чего собирались спилить железную решетку на окне. Тут-то с Рафиком случился первый конфуз, о котором он мне позже сам рассказывал и смеялся:

– Как вспомню тот случай, и сегодня мне стыдно становится, не поверите, муаллим! Тюрьма – это другая жизнь, другие понятия. Это была моя первая ходка, я тогда ничего не знал о тюремных законах. Сидели мы в одной камере в изоляторе и мерзли. В десяти метрах семь человек сидели. Их было шесть мужиков, все из одной дальней таежной деревни, километрах в восьмидесяти от этого поселка. Тоже сидели за какую-то мелочь, сегодня уже не помню. Оказывается, они, эти мои соседи, подкупили охранника, тот должен был передать им напильник, чтобы спилить железную решетку на окне. Меня, естественно, они не поставили в известность. Я сидел и злился, когда же меня переведут в тюрьму.

Всё, оказывается, у этих ребят шло по плану. И смена в тот день была подкуплена, и напильник передан, только я ничего не знал. Нам передали завтрак, буханку хлеба на семерых, и не помню, что еще было. Те довольно переглянулись друг с другом, вдруг неожиданно открылась дверь камеры, и скомандовали:

– Всем встать! Проверка! Ты, ты, ты, ты, ты и ты, – показали на тех шестерых, – руки за головы и на выход!

И повели их. Остался я один. Ждал их час, может, больше. А их нет. Сам голодный, взял буханку, отломал кусок хлеба, а там напильник. Удивился еще: «Надо же, как неосмотрительно хлеб пекут», – подумал. Тут открывается дверь камеры, заходят проверяющие: один полковник, рядом с ним начальник СИЗО и другие маленькие начальники. Вскакиваю, представляюсь по форме.

– На что жалуешься? – спрашивает полковник

– На всё, – отвечаю я. – Сколько еще тут буду сидеть в изоляторе? Когда меня переведут?

Полковник дал нагоняю остальным.

– Сегодня-завтра переведем, – заверили те его.

– Еще на что жалуешься? – спросил полковник.

– На качество хлеба, – ответил я, черт меня дернул...

– А чем тебе наш хлеб не нравится? – полковник удивился.

– Вот, смотрите, – отвечаю, – что я нашел в хлебе, напильник, – и показал им. – Бляаа, что тут началось?! Муаллим, это нельзя передать словами, это надо было видеть! Меня в тот же день по указанию полковника отправили в тюрьму, от греха подальше. Это я потом понял, что он меня спас. Если бы меня оставили там, ночью грохнули бы. А то, получается, что полковник спас меня. Вот каким ослом был я, муаллим, тогда. Это я сейчас такой умный. Раньше был натуральным ослом!

По словам Рафика, в тюрьме он досконально выучил уголовное законодательство страны, видимо, догадываясь, что в дальнейшем оно может ему понадобиться. Позже свои знания в юриспруденции он часто применял на практике, но, к сожалению, как правило, в большинстве случаев безуспешно. Споры Рафика с зогаллинским участковым Сабиром по вопросам применения и толкования некоторых законов, а также его ответы на судебных заседаниях прочно вошли в антологию зогаллинских шуток.

О знаниях Рафика в уголовном законодательстве мы еще поговорим, но давайте вернемся к тюрьме, откуда он за примерное поведение освободился на полгода раньше срока. После освобождения Рафик год работал в Алтайском крае. Из Алтайского края он писал матери, что уже освободился, устроился на работу, у него всё хорошо, обзавелся даже собакой. Мать стала настаивать на немедленном его возвращении домой, хоть с собакой, хоть без нее. И наконец-то убедила его в необходимости возвращения.

В Зогаллы Рафик вернулся к развалу Советского Союза без собаки, но с женой по имени Олимпиада. Историю своего возвращения домой Рафик позже часто вспоминал и рассказывал всем подряд.

– Перед выездом из Алтайского края на родину передо мной был тяжелый выбор: кого забрать с собой? Олимпиаду или собаку? С одной стороны, с собакой я когда-то имел дело, с другой стороны, с женщиной тоже. Долго думал, потом выбрал Олимпиаду. Человек, он всегда первичен. Тем более женщина. И не жалею! – как правило, в конце обязательно твердо подчеркивал он, что должно было означать, что представитель человечества у него всегда приоритнее представителя животного мира, что ни говорили бы об этом отдельные любители собак и кошек. И самое главное – удачный выбор есть результат его дальновидности и жизненного опыта.

После этих слов он искусственно задумывался и многозначительно смотрел на собеседника. Не знающим его юношескую историю с Волгой, Рафик коротко описывал продолжительную практику общения с собакой, которая, по его заключению, впоследствии оказалась неблагодарной.

Олимпиада была уроженкой высокогорной деревни из Алтайского края, хотя сама была невысокого роста. Это была розовато-смуглая худая девушка с узкой талией. В зогаллинской среде всегда ценились (и сегодня почему-то ценятся) невесты мясистые и полные, поэтому изумленные земляки остались недовольны выбором Рафика, хотя в первое время глядели на Олимпиаду с нескрываемым интересом. В отличие от зогаллинцев, сам Рафик был доволен своим выбором, особенно именем жены.

– Как вам имя моей жены, муаллим? – как-то с нескрываемой гордостью он поинтересовался моим мнением, ожидая, естественно, положительного ответа. Я посмеялся тогда и ответил:

– Лишь бы тебе нравилось. Главное – душа человека, его характер. Если подходите друг другу, остальное имеет мало значения, в том числе имя.

– Не согласен, муаллим, не согласен, – возразил подвыпивший Рафик. – Зовут ее Олимпиада, и сама она, как огонь олимпийский. Всё умеет по дому! С первого дня и корову доит, и буйволицу. Буйволицу доить, муаллим, сами понимаете, не каждая хозяйка способна. Тут, кроме характера, и твердые пальцы нужны. В первый день буйволица сама ошалела. Кто она, откуда взялась, на наших не похожа, наверное, думала. Но ничего, привыкла. За месяц научилась печь хлеб в тандире. Видите вон то ореховое дерево, – Рафик указал на ореховое дерево высотой метров сорок, стоящее за их домом, – залезла и обтрусила. Сама залезла, муаллим, и обтрусила! «Куда лезешь, сорвешься еще, не дай Аллах», – говорил я ей. Она махнула рукой: «У нас кедровые орехи выше будут», – ответила и как белочка залезла.

История с обтрушиванием орехового дерева тогда в Зогаллы наделала много шума. Может быть, обошлось бы без шума, если бы это случилось через некоторое время после их возвращения в Зогаллы. Дело в том, что они вернулись осенью, в сентябре месяце, аккурат к сбору орехов и фундука. А на третий день Олимпиада залезла на сорокаметровое ореховое дерево.

Что интересно, точную высоту этого орехового дерева в Зогаллы, естественно, никто не знал, и сегодня никто не скажет. Но почему-то все решили, что оно имеет сорок метров в высоту и не меньше.

В дальнейшем в разговорах зогаллинцы всегда, как сговорившись, указывали именно эту высоту, чтобы подчеркнуть особо злобный характер в действиях Рафика. Будто, если бы, скажем, дерево имело высоту в тридцать восемь метров, зогаллинцы снисходительно отнеслись бы к его действиям.

К слову, все, что связано с цифрой сорок, в Зогаллы имеет особое трагикриминальное, предупредительно-охранительно мифическое значение. Зогаллинцы никогда не отмечают дни рождения в сорок лет. Справедливости ради, отмечать дни рождения в Зогаллы никогда не считалось обязательным мероприятием, тем более о сорокалетнем юбилее никто никогда не заикается. Даже самые близкие люди наведываются к новорожденному младенцу только после сорока дней со дня его рождения. Число «сорок» для зогаллинцев – число изменения: сорок дней мужчины не сбривают бороды после смерти близкого, и только на сороковой день после смерти, в день поминок по усопшему, они очищаются от обросшей щетины во дворе покойника специально приглашенным для этого цирюльником, как бы позволяя себе начинать новую жизнь. Особо верующие зогаллинцы при упоминании числа сорок моментально напоминают, что Пророк Магомед был призван в сорок лет, и что Коран надо читать каждые сорок дней.

Как бы там ни было, зогаллинцы только им одним известным способом тогда определили, что ореховое дерево за домом Рафика имеет сорок метров высоты. В Зогаллы женщины никогда не лезли на дерево трусить орехи, считалось это исключительно мужским занятием. А тут по деревне поползли слухи, что Рафик на третий день заставил жену лезть на дерево.

– Слышали? – передавали зогаллинцы друг другу. – Три дня как вернулись, а он уже заставляет жену лезть на дерево высотой сорок метров.

– А сам-то что делает? – спрашивали другие.

– Сам сидит на земле и смотрит, как жена лазит по веткам.

Зогаллинцев в этой истории почему-то больше всего задевало то обстоятельство, что это случилось на третий день после их прибытия в деревню, и этот факт они обязательно подчеркивали в разговорах между собой. Неподобающим воспитанию зогаллинского мужчины поведением также считалось то, как Рафик снизу смотрел на карабкающуюся по ветвям орехового дерева жену.

– Жену на третий день, как козу по скалам, пустил по дереву, а сам сидит внизу и подглядывает наверх. Не дал ей даже отдохнуть после дальней дороги! А если она сорвется, не дай Аллах, тогда что? Как в люди будем выходить? Опозоримся перед всем светом. Без того мугалы смеются над нами, – возмущались зогаллинцы.

А мугалы тем временем не заставили себя долго ждать и на самом деле начали смеяться: они пустили слух, якобы сын покойного Алескера привез из Алтайского края России обученную обезьяну, которая лазит по самым высоким ореховым деревьям деревни и за считанные минуты стряхивает их.

– Они кого угодно обучат, лишь бы самим не работать, – якобы вдобавок сказали мугалы.

Пришлось в дело вмешаться зогаллинским аксакалам, и они вызвали Рафика на разговор.

– Как это понимать? – спросили они у Рафика. – Трех дней нет, как ты вернулся домой, а уже жену заставляешь трусить ореховое дерево высотой сорок метров. А сам сидишь, говорят, и снизу наблюдаешь, подглядываешь под юбку собственной жены.

Рафик клялся и божился, что, во-первых, не он заставил жену лезть на дерево, это было ее личной инициативой. А во-вторых, она лезла трусить не в юбке, а в спортивных брюках, и в-третьих, когда она трусила дерево, он не смотрел наверх, потому что боится высоты. Он собирал на земле обтрушенные орехи, никуда не подглядывал.

Старики остались недовольны ответом.

– Может, в России женщины и лазят по деревьям, – сказали они Рафику, – но у нас такое не принято. Женщины у нас стирают, кушать готовят, двор подметают, коров и буйволиц доят, воду из родника носят, за детьми ухаживают и другими мелкими делами по дому занимаются. У нас мужчина должен лезть на дерево и трусить орех! Мужчина должен всегда находиться на высоте, а не женщина! Нельзя, чтобы женщина свысока смотрела на нас!

– Как же так? – хотел по своему обычаю возразить Рафик. – Сейчас женщины даже в космос летают и оттуда смотрят на всех мужчин.

Старики были неумолимы.

– Космос – одно дело, ореховое дерево – другое! Чтобы больше не повторилось! – пригрозили они Рафику.

– А больше и не повторится, – посмеялся Рафик, – у меня одно-единственное ореховое дерево.

Масла в огонь подлил еще и Кара-дайы: не задумавшись, в какой-то компании, после изрядного количества выпитого вина, он проронил, будто был бы не против, если бы жена Рафика обтрусила и его ореховое дерево, раз ей так нравится это занятие. Потому как, оказывается, вот уже сколько лет сыновья его соседа Абдуллы втихаря отряхивают его ореховое дерево, обворовывают его. Наутро, поняв абсурдность своих слов, Кара-дайы быстро ретировался, списав свои слова на старую больную и пьяную голову.

Мугалам тоже пришлось отвечать за оскорбительную «обезьяну». Группа бравой зогаллинской молодежи направилась в мугальскую деревню, чтобы найти и наказать того мугала, который пустил подобный слух. Мугалы испугались не на шутку, стали клясться, что зогаллинцы их неправильно поняли.

– Как же вас понимать, когда вы нашу алтайскую невесту называете обезьяной? – еще больше возмутилась группа.

– Да мы не невесту вашу алтайскую обезьяной называли, – оправдывались мугалы, – мы сказали, что ваша невеста лазит по дереву лучше обезьяны. Мы именно так сказали, никак не иначе. Как мы можем вашу алтайскую невесту называть обезьяной, когда знаем, что на Алтае обезьяны не водятся. Тем более, сколько лет мы с вами соседи? – схитрили, как всегда, мугалы, – мы просто сравнивали искусство вашей невесты лазить на дерево со способностями обезьяны по этой части. И всё. А вы что думали?

А что могла думать после такого ответа группа зогаллинцев? А ничего. Мугалы, какими они отсталыми ни были, как известно, благодаря советской власти тоже ходили в школы. Им из школы, видимо, было известно, что по части лазания по деревьям тягаться с обезьянами мало кто может. Поэтому группа разочарованно вернулась назад, предварительно пригрозив мугалам:

– Вы лучше на себя смотрите, прежде чем нас сравнивать с обезьянами. Вы сами от орангутангов далеко не ушли.

Мугалы делали вид, что обиделись на последние слова зогаллинцев, хотя после их ухода, как дети радовались, что легко отделались. Как бы там ни было, от этой истории в душах у зогаллинцев остался неприятный осадок.

Позже эту историю мне рассказал сам Рафик.

– В тот день в Зогаллы все только об этом и говорили. Думали, что я заставил ее залезть туда. Дураки! Как можно заставить человека залезть на дерево? Если он не умеет залезть, так ты к нему хоть автомат приставь, не залезет, и всё! Я так и сказал нашим аксакалам, – смеялся Рафик над наивными земляками. – Они мою Олимпиаду не знают. Она у меня золото. Ты отдыхай, говорит мне Олимпиада, ты устал, ослаб в тюрьме, я всё сама сделаю по дому. Золото, а не жена, – восхищался Рафик Олимпиадой.

И Рафик отдыхал, между прочим. Вернувшись домой, он действительно по дому ничего не делал, вел образ жизни гусара, проматывающего родовое поместье. Всё по дому делала Олимпиада.

– Муаллим, в жизни не догадаетесь, какой косой она траву косит, – как-то сказал мне Рафик. Мне уже дома рассказали, что жена Рафика орудует косой лучше любого зогаллинского мужика.

– Семеркой, наверно, – поэтому с интересом поддерживал я разговор.

– Вот и не угадали. Висели, значит, отцовские косы на стене, подошла и выбрала самую большую, девятку выбрала. Я схватился за голову. Куда тебе девятку, на девятку я сам не подхожу. Всё умеет, всё делает. Настоящая олимпийка, дома я ее семиборкой называю. Смеется.

– Повезло тебе, Рафик, – говорю я. – Так что береги ее.

– Берегу, муаллим, ей-богу, берегу. Каждый день говорю ей: «Отдыхай! Поработала, отдыхай!» Она не хочет даже меня слышать.

Изобразив руками свое бессилие перед неимоверным рвением жены ко всякой работе, Рафик продолжил:

– Нет, раз тебе нравится работать, работай, я лично ничего против твоего желания не имею! Но отдых тоже нужен! Отдыхать тоже надо уметь. И мама, тоже только и говорит: «Пиада, отдыхай, потом сделаешь».

Кстати, пока не забыл: зогаллинцы укоротили красивое имя жены Рафика, стали звать ее Пиадой. Дети обращались к ней как «тетя Пиада». Все бы ничего, Пиада на азербайджанском языке означает «пеший, пешая», поэтому в первое время, как правило, зогаллинцы после каждого обращения к ней тихо улыбались, добавляя под нос:

– Да хоть даже верхом…

В первый год, по наблюдению зогаллинцев, Рафик с женой жили душа в душу. На самом деле всё было не так: пока не было детей, Пиада терпела мужа, который только пил и гулял. Когда родился первый ребенок, Рафик пил неделю, придя в себя, назвал мальчика именем отца – Алескером. Еще через год родился второй мальчик. Рафик назвал его своим именем, ошарашив не только видавших виды зогаллинцев, но и соседних мугалов, например, того же секретаря зогаллинского сельсовета, который по происхождению был мугалом. Решение Рафика назвать сына своим именем было революционным шагом даже в республиканском масштабе, потому что у азербайджанцев не принято называть сына именем отца. В сельсовете уперся тот самый секретарь-мугал, куда Рафик пришел за свидетельством о рождении ребенка.

– Это у русских можно назвать сына именем отца. У нас не положено, – твердил он. – Тем более, мы сейчас русским не подчиняемся. Мы независимое государство.

– А почему у русских можно, а у нас нет? – тупил и Рафик.

– Откуда мне знать? Так положено, значит, у них. У нас так не положено. Если бы мы русским подчинялись, то еще можно было бы как-то объяснить. Сейчас мы никому не подчиняемся, у нас независимое государство, свои законы. – упирался секретарь.

– Что тогда получается: у русских, значит, можно, а у нас нет, да?

– Да, у нас нельзя. Закон не разрешает.

Ссылка на несуществующие законы является любимым коньком бюрократов и чиновников всех рангов. Секретарь зогаллинского сельсовета не был исключением. Но и Рафика надо было знать: ведь он, по его собственному утверждению, за время, проведенное в тюрьме, оказывается, выучил не только уголовное, но и гражданское законодательство. Поэтому следующим вопросом он загнал секретаря в тупик:

– А если у ребенка мать из России? Если это ее желание? Что в таком случае говорит закон?

«Ык, мык», – секретарь начал заикаться.

Но это было еще не всё: привыкший ссылаться только на официальные источники, Рафик упорно стал требовать закон, по которому подобное запрещено:

– Покажите мне закон, согласно которому сына нельзя назвать именем отца. Покажите!

Видавшие виды чиновники – и те тяжело переносят подобные вопросы, зогаллинский секретарь тем паче. После десятиминутной дискуссии, как позже хвастался Рафик, сдался секретарь сельсовета. Он не выдержал напора молодого знатока юриспруденции, умоляющим тоном стал того просить:

– Столько вокруг красивых имен. Зачем оно нужно тебе?

Рафик был неумолим:

– Чем вам мое имя не нравится? Вы покажите закон, потом просите!

Закона под рукой у секретаря, естественно, не было, поэтому он признал свое поражение.

– Хорошо, придешь завтра и заберешь, – махнул рукой секретарь. – А сейчас иди!

Рафик встал и стал уходить, по ходу продолжая возмущаться:

– Вот страна, именем дедушки можно назвать ребенка, а именем отца нет! Безобразие!

– Стой! – закричал секретарь, когда Рафик открыл дверь, чтобы выйти из комнаты, – тебе не надо приходить, я сам принесу свидетельство или передам с кем-нибудь. До свидания!

– Только чтобы с моим именем было! – грозно предупредил Рафик.

– Нет еще, с моим. Конечно, с твоим, – пробурчал секретарь.

***

Тунеядство Рафика, в начале семейной жизни обусловленное добродушием жены, со временем приобрело форму невыносимого паразитизма. Мало того, что Рафик ничего по дому не делал, так он стал требовать у жены денег, начал пропивать пенсию матери. К тому же по Зогаллы пошли слухи, что Рафик пристрастился не только к водке, он не прочь и покуривать всякие травки.

После рождения второго ребенка Олимпиаде стало тяжело одной тянуть столь большое хозяйство. Обращения к Рафику имели страшные последствия – он кричал на жену, обзывал ее, а с некоторого времени и стал побивать. Олимпиада терпела издевательства со стороны мужа, молча переносила тяготы семейной жизни. Но после очередного избиения ей пришлось обратиться в милицию. В противном случае соседи грозились отдать Рафика под суд, якобы за применение огнестрельного оружия на улице.

И Рафика в первый раз осудили на родине за избиение жены. На суде Рафик не признал факта избиения, но признал использование отцовского ружья при выяснении семейных отношений на улице.

Суд был показательным. Как это странно ни звучит, Рафик понравился и прокурору, и судье своими остроумными ответами. Поэтому отношение с их стороны к Рафику было более чем доброжелательным. Олимпиады на суде не было, она с больными детьми лежала в больнице.

– Подсудимый, расскажите с самого начала, как всё это случилось? – предложил судья.

– Расскажу, с самого начала расскажу, – ответил Рафик, – и вы убедитесь, что я не виноват и во всем был прав. На моем месте вы бы тоже поступили точно так же, – посмотрел Рафик на судью.

– Вы лучше о себе расскажите, подсудимый, а как мне поступить, я сам решу, – перебил судья.

– Хорошо! Товарищ судья, с каких пор избиение собственной жены стало уголовно наказуемым? Наши отцы и деды, как мы знаем из истории, часто поколачивали своих жен для порядка.

И прокурор, и судья, и участники суда еле сдерживали смех.

– Вы давайте, расскажите всё, с самого начала, а мы потом скажем вам, с каких пор, хорошо?

– Договорились! Да, признаюсь, до этого я несколько раз поднимал руку на свою жену. Признаюсь, что это неправильный поступок с моей стороны. Виноват! Но в этот раз не бил я ее.

– Подсудимый, вы расскажите, как все было, с самого начала, не тяните.

– Куда еще тянуть? Но я не бил ее, только хотел побить. Я хотел проучить ее, понимаете? Но она залезла под кровать, откуда я не мог ее достать.

– И что?

– И что! Обругал я ее нецензурными словами. Чего я никогда не делал, между прочим! Никогда! Почему на этот раз обругал? Потому что не мог ударить, так как она находилась под кроватью. Потому и обругал. Вы представляете мое состояние? Я хочу бить ее, а не могу! Что мне оставалось делать? Обругать и ждать, пока она выйдет оттуда.

– Хорошо, что было дальше?

– Что было дальше? Взял табуретку, сел рядом с кроватью. И стал ждать. Курил одну сигарету, вторую. Ну, думаю, я сейчас тебя выкурю оттуда, пришелица с Алтая! А ей хоть бы что, лежит под кроватью и не выходит. Ну, извинись хоть оттуда, ну, скажи, что больше не будешь. Куда там! Я еще больше злился. Ну, лежи, думаю, посмотрим, сколько будешь лежать, посмотрим, чья возьмет? А тут, как назло, через два часа у меня сигареты кончились, – остановился Рафик.

– Чего вы остановились? – удивился судья. – У вас кончились сигареты, что дальше?

– Что дальше? Заглянул под кровать, как лежала, так и лежит. Про себя подумал, может, она заснула? Думаю, пусть спит себе, а я сбегаю за сигаретами. Куплю, буду дальше дежурить. Тогда я поднялся, тихонько, на носках, чтобы не будить ее, вышел из комнаты и спустился во двор. Она, оказывается, только этого и ждала. Выскользнула из-под кровати и мимо меня бегом на улицу с криками…

– Расскажите, расскажите, что было дальше?

– Мне ничего не оставалось, как взяться за ружье.

– Вы взяли ружье и побежали за ней, да?

– Так точно, товарищ судья! Я взял ружье и побежал защитить поруганную честь свою. Я не хотел в нее стрелять. Я хотел напугать ее и вернуть домой.

– Вы стреляли?

– Один раз, и то в воздух! Свидетелей много, любой подтвердит.

– А вы не допускали, что стрельба из ружья, даже тогда, когда вы стреляете в свою жену, создает опасность для окружающих?

– Товарищ судья, я же говорю, что стрелял в воздух. Кто нас из воздуха окружает-то? Инопланетяне, что ли?

– Ты тут не умничай! – получив необходимую информацию, прокурор стал жестким. – Инопланетяне, тоже мне, – прокурор хотел еще что-то добавить, но, не найдя подходящего слова, замолк.

– Что вы себе позволяете, подсудимый? – не выдержал и судья и поддержал прокурора, – какие еще инопланетяне? Нет еще, – тоже не нашел слова и в завершение покачал головой.

Одним словом, не найдя других слов, прокурор с судьей решили не тянуть дело. Прокурор просил три года, судья не стал перечить ему, и осудили они Рафика на три года.

Перед зачитыванием приговора, судья, который славился своей добротой и которому почему-то сильно уж понравился Рафик, мягко спросил:

– Подсудимый, вас когда-нибудь раньше приговаривали к тюремному заключению? – больно ему хотелось убедиться в искренности Рафика.

– Никогда! – воскликнул Рафик и вдобавок еще и зарыдал.

Судья и прокурор засмеялись.

– Ну, ну, не плачьте, Рафик, не плачьте, – утешил его судья, – сейчас мы это исправим. Раз ты не хочешь признаваться, всё исправим.

И стал он зачитывать приговор. Рафик мужественно принял решение суда, только в конце проговорил:

– Спасибо, исправили!

– Будешь знать, как надо вести себя в суде, – пробурчал под конец прокурор.

В заключительном слове Рафик поблагодарил суд за гуманное решение, потому что, по его словам, по совокупности за совершенное преступление он, оказывается, ожидал четыре года для себя.

– Спасибо вам за столь единогласное решение, – поклонился Рафик судье, потом прокурору, и его увели.

На этот раз он полностью отсидел положенный срок, жена Олимпиада часто ездила к нему на встречи, тягая большие неподъемные сумки.

Когда Рафик находился в тюрьме, в Зогаллы кто-то пустил слух, что домой к Олимпиаде он больше не вернется, освободившись, уедет обратно в Россию. Однако, выйдя из тюрьмы, Рафик вернулся домой, с первых дней подчеркивал, что к жене претензий не имеет.

– Какие могут быть претензии? – удивлялся он. – Моих детей, считай, одна ставит на ноги. Ей надо памятник поставить, а не обижаться на нее.

В те годы, после возвращения Рафика домой из тюрьмы, все соседи стали свидетелями своеобразной утренней переклички, которая отчетливо была слышна со двора. Просыпался Рафик по деревенским меркам очень поздно, в районе где-то около десяти часов утра, выходил на веранду и довольно громко звал жену:

– Олимпиада!

Когда он первый раз звал жену, его голос хотя и звучал громким, но не предвещал никакой угрозы. Олимпиада, которая в это время была занята или в огороде, или в курятнике, или же на скотном дворе, не слышала мужа. Второй раз Рафик кричал еще громче и чуть угрожающе:

– Олимпиада-а-а!

Опять не слышно было ответа от Олимпиады.

После второго клича все соседи бросали свои дела, в напряжении ждали третьего зова Рафика, будто по радио должны были передавать какую-то важную новость.

Тем временем Рафик делал небольшую паузу, и в третий раз он не звал жену, а рычал, как раненый лев:

– Петровна, твою мать!!!

Как ни странно, каждый раз Олимпиада отзывалась именно после третьего зова:

– Да здесь я, здесь! Что ты заорался?

Услышав ответ жены, Рафик смягчался и, как правило, спрашивал:

– Где мои туфли?

Или же:

– Где мои носки?

Тем временем одни соседи, ожидавшие более бурной развязки, недовольно, а другие соседи, удовлетворенные мирным исходом, довольно расходились по своим делам, те и другие широко улыбались между собой.

Между прочим, Рафик до самой смерти, оказывается, продолжал по утрам так звать жену. Соседские дети, как обученные попугаи, выучившие несколько слов, после второго зова Рафика, продолжая играть и опережая самого Рафика, приговаривали: «Петровна, твою мать!», не понимая значения данного словосочетания.

Через месяц после освобождения он в Зогаллы на свадьбе близкого родственника, напившись с друзьями, затеял крупную драку, откуда вышел с большим синяком под левым глазом и выбитым передним зубом. Хозяева свадьбы, учитывая родственные отношения, не стали заявлять в милицию, но кто-то из осведомителей донес участковому.

В то время я как раз гостил дома, через три дня после свадьбы стал свидетелем общения Рафика с участковым Сабиром. Был теплый вечер, мы с Рафиком и еще с несколькими соседями сидели на улице под тутовым деревом. Рафик рассказывал мне о том, как через неделю после возвращения из тюрьмы к нему приходил участковый Сабир.

– Муаллим, – обращался Рафик ко мне, – сижу вот на этом месте, подходит ко мне участковый. Неделю, как вернулся домой, никуда из дому за неделю не выходил. Люди каждый день приходили со мной повидаться, куда уж выходить. Так вот, подходит Сабир ко мне и начинает.

– Прибыл? – спрашивает.

– Нет, прилетел! – отвечаю я.

Мой ответ ему не понравился, и он сразу перешел на допрос.

– Брезент ты украл? – спрашивает у меня.

Оказывается, кто-то в эти дни со склада колхоза украл брезент, и он прямиком ко мне. Колхоза уже нет, все развалилось, остался один брезент – и тот сперли. Так вот, кто, если не Рафик, наверно, подумал Сабир и прямиком ко мне, сыщик хренов! Ну, думаю, поиграю-ка я с ним немножко.

– Украл, – тихо отвечаю, а сам-то знаю, что не моя это работа, никуда я не выходил.

– Свидетели есть? – спрашивает у меня Сабир.

Меня взял такой смех, такой смех! Твою мать, думаю, как можно такого дурака назначить на государственную должность?

– Какие еще свидетели? – отвечаю ему и объясняю: – Кража – это тайное хищение чужого имущества. Тай-но-е. Понимаете?

Посмотрел на меня, понял, что ерунду запорол, потому повернулся и ушел. Уходя, еще предупредил меня:

– Я всё равно найду того, кто украл. Не дай бог, потом окажется, что это ты украл на самом деле. Тогда пеняй на себя! Как барана, буду вешать! – грозился.

– Хорошо! Иди кодекс изучай! – ответил я ему, и он ушел. – Свидетелей ему подавай!

Только мы посмеялись над рассказом Рафика, сосед, сидевший с левой стороны, толкнул Рафика в бок и сказал:

– Вот он, идет! Вешать будет сейчас тебя за драку!

Мы все повернулись в сторону артезианского источника и увидели шедшего к нам участкового. Тот был в гражданской форме, под мышкой держал кожаную папку.

– Пусть только попробует, – ответил Рафик, но сам собрался. Даже рубашку застегнул на самую верхнюю пуговицу. По лицу заметно было, что он заволновался.

Сабир не спешил, по дороге он останавливался, здоровался со встречными зогаллинцами. Дойдя до нас, он уважительно поздоровался со мной, потом с остальными. Уставился на Рафика, посмотрел на него с полминуты и сказал:

– Ну, расскажи, как всё случилось?

– Что именно рассказать? – спросил Рафик.

– Расскажи, с кем подрался на свадьбе?

– Ни с кем! – спокойно ответил Рафик и усмехнулся. – Какая еще драка?

– Откуда тогда синяк под глазом?

– Упал.

– Упал, говоришь, – повторил слова Рафика участковый.

– Да, упал. Когда ночью в темноте спускался в туалет по маленькой нужде, споткнулся и упал.

– Может, по большой нужде? – съязвил участковый.

– Нет, по маленькой! – ответил Рафик. – Я по большой нужде днем хожу в туалет, ночью не встаю.

Мы засмеялись. Участковый не ожидал от нас такой реакции, поэтому растерялся. Придя в себя, продолжил допрос с особым пристрастием.

– Я тебе покажу, как надо падать, – грозился он. – И по большой нужде покажу, и по маленькой. Устроили мне драку на свадьбе.

– Кто устроил?

– Вы устроили!

– Кто именно? Поименно можете назвать?

– Надо будет, назову!

– Сперва назовите, потом приставайте. Вы хоть знаете, что называется дракой?

Рафик вошел в свою стихию. Мне стало неудобно перед Сабиром, а Сабиру передо мной. Он хотел перебить Рафика:

– Хватит умничать! Я всё знаю, пойдете под мелкое хулиганство за драку!

Но было поздно.

– Драка, – неожиданно Рафик откинул голову назад и закрыл глаза, будто собирался петь мугам, – это противоправное действие с участием двух и более лиц с целью выяснения истины, при котором кто-то кого-то бьет, а кто-то кому-то дает сдачи! Понятно, товарищ участковый?

– И что ты сейчас этим хочешь сказать?

– Ничего! В определении, которое я дал, заложены все признаки драки. Вы как работник правоохранительных органов должны это знать. Вы же право изучали в физкультурном институте? – специально заострил Рафик на том, что Сабир работал в милиции после окончания физкультурного института. И затянул Сабира в беседу.

– Мы всё изучали. Всё, что нужно было, то и изучали, – ответил тот.

– Это очень хорошо. Тогда мы с вами сейчас вместе уточним признаки драки. Если где ошибемся, муаллим подправит нас. Итак, первый признак – это наличие двух и более лиц. Кого, кроме меня, подозреваете в драке, товарищ участковый? Я же не мог один, сам с собой драться. Или в этой деревне вы, кроме Рафика, больше никого не знаете? Как что, так сразу Рафик. Брезент украли – Рафик, драку на свадьбе затеяли – Рафик. Так же нельзя. Хорошо, идем дальше: где второй признак драки? С какой целью мы дрались, если дрались? С целью выяснения какой истины была затеяна драка, если она была затеяна?

– Ты, Рафик, не умничай! И не заставляй меня открывать рот! Пьяные вы были, к тому же дураки, вот почему дрались! Истину ему подавай! Будешь умничать – запротоколирую и отвезу в Гах. Там они быстро определят, с кем дрался и за что дрался! Почему испортил праздник людям?

– Начальник, – Рафик перешел на любимый жаргон отбывших и отбывающих срок заключенных, – в Гахе, в отличие от вас, кодекс знают хорошо. Там следователи юридический закончили все, а не физкультурный! Поэтому как повезете в Гах, так и привезете. Почему? Потому что никто не дрался! Никто не пострадал, тем более, никто никуда не жаловался. Кто бил, кого бил? Так что, гражданин участковый, изучайте кодекс! Любые ваши сомнения толкуются в мою пользу.

Сабир слушал Рафика молча, временами качал головой.

– Запомни, Рафик, – сказал он перед тем, как уйти, – клянусь могилой покойного отца, у тебя еще будет возможность для детального изучения своего кодекса!

– И у вас тоже может быть, – тихо проговорил Рафик, – никто в этом мире не застрахован.

Участковый угадал: не прошло и года, как Рафика опять осудили. На этот раз за кражу, за любимую его статью. Он хотел украсть барана, но поймали его с поличным.

Не верьте официальным докладам, будто с воровством у нас в стране покончено навсегда. Якобы воров у нас осталось единицы, и якобы и сейчас у нас, что называется, днем с огнем не найдешь. Не верьте, и всё! Неправду говорят! Есть в стране достойные продолжатели славных традиций. Сейчас воруют в таких размерах, масштабах и объемах, что основателям этой древней профессии такое и не снилось бы.

Вопрос «где легче воровать», как известно, никогда не относился к числу самых жгучих для большинства людей. Но он являлся и является не праздным для определенной категории населения. Именно этой категории людей в наше время стало очень тяжело. Они всё чаще жалуются на полицию, электронную сигнализацию и охранную систему, на сторожевых собак, частные охранные бюро, системы видеонаблюдения, жучки и тому подобное. Не дают им спокойно работать, и всё! На одного потенциального вора приходится десять охранников, половина из которых получает зарплату из бюджета, а вторая половина – из кармана своих хозяев, которые опять-таки эти деньги воруют из бюджета.

Тяжелее в наше время стало мелким ворам. Им не дают работать, ловят и сажают тоже только их. Возьмем охрану тех же овец и баранов. Раньше, в советское время, у нас в Гахском районе два пастуха с двумя сторожевыми собаками спокойно справлялись со стадом в две тысячи голов овец, не считая баранов. Сейчас стадо с таким количеством животных охраняется чуть ли не целым семейным взводом с самым современным охотничьим оружием в руках, к тому же в помощниках у них ходят чуть ли не десяток собак. А как в таком случае быть бедному вору, который всю жизнь жил этим ремеслом, питался сам и кормил семью исключительно бараниной? Никто о нем и не думает. Кражами овец в Азербайджане никого не удивишь, но то, как это намеревался осуществить Рафик, и сегодня приводит в восторг не только бывалых воров, но и всех почитателей этого старого ремесла. Рафик пытался красть овец только ему одному известным способом, но ему не повезло; пастухи его поймали с поличным, связали руки и ноги, потом вызвали полицию. Объяснить причину неудачи сегодня затрудняются все: то ли способ был несовершенным, то ли сам Рафик неправильно пользовался им – никто уже не знает. В криминальной статистике не только Азербайджана, а наверно, всех стран бывшего Союза подобное уголовное дело вряд ли фигурирует.

Рафик не имел воровского стажа, поэтому его можно было назвать начинающим вором без опыта. Отсутствие опыта он решил восполнить знаниями в области психологии животных, к чему его подтолкнули сведения, видимо, полученные в тюрьме. Свою роль сыграли и легкие травки, которые он покуривал ежедневно, и которым он, оказывается, отдавал предпочтение перед водкой после возвращения из тюрьмы. Забыв об элементарных воровских правилах, Рафик решил действовать хитро. Где он вычитал этот способ, остается загадкой. Даже после отсидки в тюрьме он мне не признался, сколько я его ни просил. Способ, который он применил, с одной стороны, очень прост, с другой, – опасен.

Красть овец по Рафику – это целое искусство. Давайте по порядку. Дело было осенью; недалеко от фундукового сада Рафика пастухи из верхнего села пасли большую отару овец. Рафик сам в хозяйстве овец не держал – за ними уход нужен, их надо кормить. А кто этим будет заниматься? Рафик, что ли? Я вас прошу, Рафик создан для свершений великих дел, пасти овец и ухаживать за ними – это не его стихия.

Пока Олимпиада успевала по хозяйству, она держала и овец, и баранов. Со временем, видимо, всё это ей надоело, и количество голов стало уменьшаться, а последнего барана зарезали, когда Рафик вернулся из тюрьмы.

Поэтому появление большого стада за фундуковым садом заинтриговало Рафика. Устав от ежедневного безделья, он за день несколько раз выходил на край сада и оттуда наблюдал за жирными, к осени набравшими хороший вес животными. И как-то при очередном наблюдении стада у Рафика перед глазами беспричинно потемнело, в этой темноте ему отчетливо виделись ломтики мяса, разделенные прослойками лука, обильно просыпанные перцем. Дальше стало еще хуже – кто-то протягивал ему шампур с поджаренными кусками шашлыка из баранины.

– Я спокойно наблюдал за ними, вокруг бегали собаки, а животные паслись себе. Только закрыл глаза – будто кто-то мне подносил шашлыки. Несколько раз повторял, одно и то же. Открываю глаза – вижу баранов, закрываю – вижу шашлык, – позже на суде, под смех судьи и прокурора, рассказывал Рафик, объясняя свой проступок неким мистическим наваждением. – И тогда я для себя решил: это знак, надо действовать!

А как будешь действовать, когда вокруг столько охраны? Рафик дождался вечера: когда потемнело, он снял с себя одежду, спрятал в кустах фундука, перелез через перегородку и голый направился в сторону стада, которое пастухи собрали под большим дубом на ночной отдых. Приблизившись к стаду, он на четвереньках зашел в овечью отару, выбрал барана, влез ему под живот. Две собаки, которые находились в десяти метрах от Рафика, были настолько ошеломлены увиденным, что не издали даже звука и стали наблюдать за происходящим подобно детям, смотрящим увлекательный мультипликационный фильм. А Рафик тем временем, всё так же находясь под бараном, на четвереньках стал уводить его из стада.

На суде, когда Рафик детально рассказывал случившееся, помогал, как всегда, суду, на этом месте прокурор не выдержал и спросил:

– Но голый-то почему, Рафик?

– На голого, – пояснил Рафик недогадливым судье и прокурору, – собаки не лают. Собакам удивительно всё это.

– Чем докажешь? – спросил прокурор.

– Ничем! Не верите мне, можете у собак спросить, – ответил Рафик, еще больше рассмешив присутствующих. – Или сами попробуйте.

Но суду было не до смеха. Дело в том, что в первые дни, после того, как взяли Рафика голым, по настоянию хозяев барана следователь ему инкриминировал другую статью, нежели кража. Со слов братьев-пастухов, его подозревали в зоофилии, в сексуальном влечении к овцам.

– Я его узнал сразу, как поймали, – рассказал на следствии старший брат, – каждый день он приходил на окраину своего сада и оттуда часами смотрел на наших животных. Кто бы мог подумать, что он такие планы вынашивает?

Рафик категорически отверг подобные обвинения и высмеял их, называя утверждения братьев пастушьим увлечением, следовательно, свойственным самим братьям, при этом обратился к следователю:

– Если бы у меня был сексуальный интерес к животному, я крал бы овцу, а не барана! Я хотел жарить шашлык из мяса барана!

Братья-пастухи следователю сразу не понравились. После каждого их допроса в кабинете стоял такой невыносимый запах, будто там находились не сами пастухи, а переночевало их стадо. Может, еще и поэтому следователь с первого дня сочувствовал Рафику и не верил утверждениям братьев. Старшего брата он допросил повторно.

– С бараном или с овцой поймали Рафика? – спросил следователь.

– Врать не буду, над головой у всех нас один Аллах, – ответил старший брат, – взяли с бараном. Что правда, то правда!

– И что же, по-вашему, получается, что он на вашего барана глаз положил, когда в стаде имелось столько овец?

– Кто его знает? В темноте ошибся, наверно. Этому народу что баран, что овца – всё одинаково.

– Сам ты баран! – сказал следователь старшему брату, – и от тебя кизяком несет! В следующий раз появишься в моем кабинете не мытым, закрою на десять суток! – и выгнал его.

Больше всех злорадствовали мугалы. Весть о голом зогаллинце, пойманном пастухами в темноте, буквально развеселила их. Мугалы даже слушать не хотели, что Рафик хотел украсть барана.

– Ну, да, конечно! – смеялись они. – Сперва овцу хотел, потом барана.

Зогаллинские старики встали на защиту Рафика, потому как терпеть насмешки со стороны мугалов, оставлять их без соответствующего реагирования они не могли.

– Лучше не запачкаться, чем потом выводить пятно, – сказал Аллаверди баба, старейшина Зогаллы. – Но раз такое уже случилось, надо совещаться, как выйти из ситуации, – добавил он после некоторого раздумья, и старики стали совещаться. Пока аксакалы консультировались, учитель биологии зогаллинской школы Тельман-муаллим добровольно взялся защитить Рафика и на суде попросил слово.

– Действительно, – сказал он суду, – учеными замечено, что сторожевые собаки не реагируют на человека, если тот на четвереньках и голый. При этом, что интересно, габариты человека, его социальное положение, партийная принадлежность, то есть кем он был до снятия одежды, для собак не имеют никакого значения. Лишь бы тот был голым. Собаки с любопытством и с удивлением наблюдают за голым человеком. Им это интересно.

– Почему? – спросил прокурор.

– Что почему? – не понял вопроса Тельман-муаллим.

– Почему сторожевым собакам голые люди интересны?

– Пока никто не может ответить на этот вопрос. Ученые всего мира, в первую очередь ученые Австралии и Новой Зеландии, где больше всего овец в мире, сейчас работают над этим вопросом. У них тоже этот вопрос остро стоит, – ответил Тельман-муаллим.

– Удивительно, – проговорил судья.

– Еще как удивительно, – добавил прокурор. – Я думал, только у нас. Оказывается, Австралия с Новой Зеландией тоже этим страдают.

Тельман-муаллим замешкался, но быстро пришел в себя и уверенно добавил:

– Что тут удивительного, мы, люди, тоже от собак далеко не ушли. Многие из нас тоже не прочь наблюдать за голыми, особенно если наблюдаемые противоположного пола.

Прокурор с судьей одновременно остановили Тельман-муаллима, не дав ему развить идею.

– Понятно, понятно. Вот оно, оказывается, в чем суть, – хором воскликнули они. – Спасибо, муаллим! А что было дальше, Рафик?

А дальше вот что было. Когда Рафик с бараном начали движение, как назло, появилась луна и начала светить, как прожектор. С украденным трофеем Рафик направился в сторону фундукового сада. Когда до спасительного сада оставалось метров двадцать, случилось непредвиденное. Один из пастухов, проверяющий стадо вечерним обходом, заметил медленно удаляющегося от стада барана и сорвался за ним. Будь на месте пастуха кто-нибудь другой, от увиденного он скончался бы моментально. Пастуха от неминуемой смерти спасли врожденная тупость и природная несообразительность. Он ничего не понимал: какая-то невидимая сила тащила барана, а баран хоть и сопротивлялся, но продолжал идти. Как мог догадаться бедный пастух с его неполным средним образованием о том, что сила, уводящая барана от

стада, находится у того под брюхом, как двигатель под рамой мотоцикла. Такое не могло прийти в голову не только ему, но даже кандидату ветеринарных наук. Пастух решил, что баран заблудился или испугался кого-то, потому оторвался от стада. Он подошел к барану, одной рукой хотел поднять его и поставить головой в сторону отдыхающего стада. Баран оказался неподъемным, как ни старался пастух.

– Закопали, что ли? – подумал он, отложил в сторону свой посох и попробовал поднять барана двумя руками. Как тяжелая штанга не поддается неподготовленному атлету, так баран и на этот раз не поддался пастуху. Такое было ощущение, что кто-то барана тянет вниз, когда пастух старается поднять его. Перед третьим подходом (у штангистов он, между прочим, последний) пастух вполголоса, но грязно выругался в адрес невинного животного за его строптивость. Из всего набора слов, которым он наградил барана, литературным оказалось только слово «безмозглый», что отчасти явилось единственной правдой из всего сказанного им в адрес бедного животного. Голого Рафика под бараном пастух упорно не видел. Засучив рукава, он третий раз подошел к неподвижному барану, и в это время из-под животного вылез голый Рафик. Он, как обезьяна, в прыжке забрал посох пастуха, лежащий на земле.

– Не подходи, убью! – закричал Рафик и дважды огрел пастуха посохом по спине.

То ли от неожиданности, то ли от боли пастух вздрогнул, испуганно издал такой звук, что собаки, до сих пор молча наблюдавшие за происходящим, вдруг начали громко лаять. Надо отдать должное пастуху: его замешательство и десяти секунд не длилось. Забыв обо всем, он с неимоверной скоростью пустился наутек в сторону стада с призывами о помощи.

У Рафика еще был шанс уйти и остаться неузнанным. Но чертов баран, как загипнотизированный, стоял на месте и будто ждал Рафика, чтобы тот увел его дальше. Лезть под барана на этот раз Рафик не стал, начал посохом толкать его в зад. Баран не хотел слушаться, упирался передними ногами. Рафик с еще большим усердием толкал его. Но когда до спасительного фундукового сада оставалось метров десять, команда из четырех сторожевых собак и трех братьев-пастухов окружила Рафика и барана, «как советские войска немцев под Сталинградом», – позже на суде он так обрисовал свое пленение.

Силы были неравны. Рафик посчитал сопротивление бесполезным и сдался. Сдача сопровождалась нецензурной бранью со стороны братьев, громким лаем со стороны собак. Поколотив Рафика для порядка, братья связали его руки и ноги, послали младшего из братьев звонить в полицию.

Что интересно, на суде старшие братья-пастухи считались потерпевшей стороной, а младший брат шел как свидетель. Логичнее было бы именно его считать потерпевшей стороной, поскольку следы от ударов посохом больше месяца держались у него на спине, и при каждом допросе он беспредметно демонстрировал их следователю.

На суд Рафик шел без настроения, может, поэтому на этот раз он не стал сотрудничать с судом, уклонялся от ответов. Когда требовалось прямо отвечать на поставленные вопросы, он проявлял редкую обходительность. Деяние Рафика судом было квалифицировано как покушение на кражу, то есть преступление, которое не было доведено до конца по не зависящим от него обстоятельствам. Время совершения преступления – темноту ночи – суд посчитал отягчающим вину обстоятельством. Суд признал Рафика виновным и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на три года.

– Три так три, – выразился Рафик перед тем, как конвоир вывел его из зала суда,– нас тройкой не удивишь, мы народ привыкший.

Таким образом, получив очередную «тройку», Рафик отправился «отдыхать».

***

Очередные три года прошли как-то незаметно. Когда Рафик вернулся из тюрьмы, оба сына ходили в школу и помогали матери по хозяйству. Старая мать Рафика с начала весны до глубокой осени целыми днями сидела на улице возле дома и считала дни, когда вернется единственный сын.

По возвращении Рафик дал ей слово, что больше пить не будет.

– Никто больше меня выпившим не увидит! – клялся он.

От радости заплакала старая мать, радовались дети и Олимпиада.

Но радость была недолгой. Как-то в свой очередной приезд в Зогаллы я узнал, что Рафик вот уже два месяца как вернулся из тюрьмы. Тут же я прошел к ним во двор, чтобы поздравить его с благополучным возвращением. Но его дома не было. Мать Рафика, увидев меня, прослезилась, поблагодарила, что я их не забываю. Дети были в школе. Я не стал задерживаться у них, но перед тем, как уходить, на русском языке спросил у Олимпиады:

– Держит слово Рафик? Не пьет он больше?

– Лучше бы он пил, – тихо ответила Олимпиада, – сейчас пристрастился к анаше, где берет, не пойму. Как закурит, целый день ходит, как чумной. С утра опять куда-то пропал, – качая головой, она ушла.

Я не нашел слов, чтобы хоть как-то утешить ее.

– Крепитесь, – сказал в дверях и быстро удалился.

С ним я увиделся в тот же вечер на улице. Он сидел на любимой скамейке матери и что-то рассказывал соседским ребятам, плотным кольцом окружившим его. Увидев меня, Рафик резко поднялся и зашагал в мою сторону:

– Муаллим, с приездом! Мне дома сказали.

Большие глаза Рафика были красными, мне показалось, что даже губы у него красные. Держа мою руку, он дергался, говорил так, будто куда-то торопится.

– Это у вас сегодня хлеб пекли в тандире? – не отпуская мою руку, спросил он у одного соседского мальчика.

– Да, а что? – ответил мальчик в недоумении.

– Сбегай домой быстренько и принеси хлеба, тепленького хлеба хочется. Захвати целый. Можешь два взять.

Мальчик пустился бегом за хлебом. Только после этого Рафик потянул меня к скамейке.

– Муаллим, как хорошо, что вы пришли, сейчас рассудите нас. А то я этим олухам полчаса толкую, они не понимают.

Я по очереди поздоровался с «олухами» Рафика, которые были моими соседями. После каждого слова Рафика они или улыбались, или даже смеялись. Но отвечать ему, перечить в чем-то никто из них не решался.

– Муаллим, вы прекрасно знаете, за что я сидел последние три года, – обратился ко мне Рафик.

– Все знают, – неоднозначно ответил я.

– Вот именно. Обычно в тюрьме, как правило, я изучаю уголовное законодательство, в последнее время гражданское и административное тоже, как бы это громко ни звучало. На этот раз знаете, чем я занимался?

– Не знаю, – ответил я.

– Буквально через неделю после того, как меня привезли в зону, я задумался: «За что ты сидишь, Рафик? Ты, уважаемый в зоне мужик, будешь три года коротать за какого-то сраного барана? И что ты знаешь об этом баране?»

– Баран не баран, а три года потерял, – ответил я.

– Да, потерял, – согласился он моментально, – но не зря! За эти три года я досконально выучил всю родословную этого парнокопытного!

– Какого еще парнокопытного? – я ничего не понимал.

– Как какого? Барана!

Я рассмеялся громко.

– Тельман-муаллим тебе за два часа рассказал бы всё о баранах и овцах, а ты на это три года потратил в тюрьме, – я имел в виду учителя биологии зогаллинской школы. – Не многовато ли?

– Может, и многовато, кто его знает. Но одно дело, когда учитель тебе объясняет, другое дело – когда человек сам постигает истину!

– И какую же истину о баранах ты постиг в тюрьме?

– А ведь постиг. Не только о баранах, о всем его парнокопытном отряде, чтобы их волки задрали! Три года ушло в песок, пока их изучал. Баран, баран говорим, а оказывается, ничего о них не знаем.

– И что же нового ты узнал о баранах? – я тоже вошел в азарт.

– А я вам расскажу по порядку. Значит, ровно неделю назад вышел я на улицу. Вот здесь, на этом месте сижу и о чем-то думаю, сам не помню, о чем. Вижу, идет директор нашей школы, уважаемый Шариф-муаллим. Поздоровались, о том, о сем поговорили. Вот я у него и спрашиваю:

– Шариф-муаллим, с чего это вы так, вдруг взяли, пока меня не было в Зогаллы, пока я сидел, и отменили уроки русского языке в школе?

– Даже если бы ты был дома, все равно отменили бы, – посмеялся Шариф-муаллим. – Ты тут ни при чем.

– Ну и слава Аллаху, – говорю я ему, – что я тут ни при чем. А то участковый чуть что, сразу ко мне бежит. Но почему все-таки отменили?

– Не лезь не в свои дела, Рафик, – сказал он и ушел.

– Как не лезть, когда дети на русском не знают.

В это время мальчик, отправленный за теплым тандир-хлебом, вернулся с кульком и отдал кулек Рафику.

– Там два, – впопыхах сказал он.

– Какой ты молодец, – похвалил Рафик ребенка и начал есть.

Ел он с неимоверной жадностью, будто его целую неделю не кормили. Мы с интересом ждали, когда он доест и продолжит беседу.

– Хорошие ребята, а выросли как быстро, – обратился ко мне Рафик, – Вы моих ребят не видели, муаллим, по дому уже всё делают. Смена, считайте, муаллим, уже подросла! Только одно плохо, русский не знают.

– Времена другие, – вставил я. – Ты лучше о баранах расскажи, – мне действительно стало интересно, что он все-таки изучил.

– Изучая барана в тюрьме, я наткнулся на некоторые серьезные различия, существующие между русским и азербайджанским языками и связанные именно с этим домашним животным – бараном! Я как раз перед вашим приходом старался объяснить детям некоторые тонкости русского языка.

– О каких тонкостях идет речь? – спросил я и, честно говоря, позже пожалел, что дал согласие втянуть себя в эту авантюру. Авантюра в виде лекции длилась почти полчаса, и мне ничего не оставалось, как слушать его, находящегося, видимо, под воздействием легких наркотиков.

Получалось, что эти парнокопытные млекопитающие из семейства полорогих не такие уж тупые животные, как нам всем кажется. На самом деле они умнее многих зогаллинцев, утверждал Рафик.

– Муаллим, вот вы человек просвещенный, институт закончили, вы должны знать. Если знаете, то тогда ответьте мне: почему овцы во время выпаса так часто поднимают головы? Почему?

Я еле сдержал смех, признался, что не знаю, потому как я не специалист по овцам.

– Вот именно, смеетесь, а сами элементарную вещь не знаете. Они поднимают головы, чтобы проверить местонахождение остальных овец в стаде, чтобы не отстать от стада, чтобы вместе передвигаться во время выпаса. Улавливаете, вроде небольшое животное, а какой у них дух коллективизма? А наши зогаллинцы целыми днями копошатся у себя во дворах, им неинтересно, что творится у соседа. Среди белого дня увели мою овцу, первую жену я имею в виду, никто из соседей даже не видел. Вот какие мы, а какие они – овцы. – Наступила тишина, которую сам же Рафик и прервал секунд через тридцать. На этот раз он прочитал мне целую лекцию, посвященную «серьезным различиям, существующим между русским и азербайджанским языками и связанным с бараном». – Именно я, находясь в тюрьме, и обнаружил эти различия, – сказал он и перешел к их описанию. – Наши сельские учителя ничем не могут мне в этом деле толком помочь. Вот, например, если мы у нас в Азербайджане называем человека на нашем языке Гоч (баран по-русски), то получается, что мы восхищаемся его достоинством, хвалим его (один гоч Кёроглу чего стоит), а когда переводим это же слово на русский язык и называем его Бараном, то оскорбляем его. Я вот уже три года зациклился на этом вопросе, никак не найду ответа. Одно и то же животное. На азербайджанском языке если обращаться к человеку – похвала, на русском – оскорбление. Не знаю, с кем посоветоваться? Хотел даже спросить у участкового, потом передумал, а вдруг обидится. Ждал вас, когда приедете, чтобы у вас уточнить.

– Да я даже не думал над этим, – смеялся я дальше, – я тоже не помогу тебе. Надо было все-таки у участкового спросить.

– Вот видите, муаллим, всё вам ха-ха и хи-хи. О глобальных вещах можем рассуждать, как там Америка, как там Китай? Все это мы знаем. А с одним животным разобраться не можем. – Я продолжал смеяться, но так и не догадывался, к чему он вел разговор. – Видите, муаллим, смеетесь вы тоже, туда же. Но ведь это проблема языка. И никто этим не занимается. Никому нет дела. Один я должен целыми днями ломать голову, почему это так? Одно и то же животное, а разными народами воспринимается по-разному. Сколько лет русско-азербайджанским отношениям? Несколько столетий. И никто за эти годы не занимался изучением этого вопроса. Только я.

– Ты сидел за барана, вот потому ты и занимаешься, – не удержался я, хотя смеяться не перестал.

– Многие и до меня сидели, и за барана сидели, и за овцу тоже сидели, – моментально оправдался Рафик, – но никто палец о палец не ударил. Только я! А люди думают, что я сидел и ничем не занимался. Как задашь какой вопрос, так смотрят на тебя, как бараны. Да ну их, муаллим, дайте десять манатов, а то голова раскалывается от этих мыслей. – Я достал деньги и отдал ему. Встал и собирался уходить. Он вежливо поблагодарил меня за деньги и дал напутствие на дорогу: – Муаллим, из всех животных, именами которых оскорбляют людей, с бараном может сравниться только осел и козел. Имейте в виду, может пригодиться.

– Хорошо, – обещал я ему.

– Вы из тех людей, которые много ездят по миру, часто на дорогах. Мало ли что, вдруг, если вас кто-то сильно достанет, и, как говорят русские, если уж будет невтерпеж, пожалуйста, не стесняйтесь, я вам дал имена животных. Наградите всех негодяев!

«Хороший совет за десять манатов», – подумал я и быстро удалился.

***

Через два дня Рафик пропал. Всей деревней искали его. Обошли все стада овец, которые паслись недалеко от Зогаллы. Всё тщетно, поиски не дали никаких результатов. Словно злой джинн унес его на своих черных крыльях. Только через неделю стало ясно, что джинн тут ни при чем, Рафика увез автобус Загатала – Баку в один горячий азербайджанский город на день рождения друга с бамовских времен.

День рождения друга они отмечали ровно неделю, в летнюю жару «выпивая холодную водку, запивая не менее холодным пивом». Как позже рассказывал Рафик, естественно, они еще и «лечились целебными травками», покуривая их. Через неделю, придя в себя, Рафик целый день пытался дозвониться домой в Зогаллы, чтобы сообщить о своем местонахождении, но, по его словам, телефон всё время был занят. Наконец, потеряв терпение, он послал жене грозную телеграмму: «Повесь трубку!»

Вернулся он так же неожиданно, как пропал, через два дня после телеграммы. Я еще гостил в Зогаллы, когда в обед услышал новость о его возвращении. Через два часа, ближе к вечеру, Рафик уже сидел на улице в окружении любимой молодежи. Я не мог не подойти к ним.

– А ну-ка уступи место муаллиму, – с этими словами Рафик толкнул сидящего рядом молодого соседа и пригласил меня сесть. Настроение у него было хорошее.

– Напугал, однако, всех, – сказал я, садясь рядом.

– Как-то неожиданно получилось, – согласился Рафик, – поздно вспомнил о дне рождения друга. Моментально сел и уехал. Целую неделю пытался дозвониться, телефон всё время был занят. Пришлось даже телеграмму отбивать.

– Как день рождения друга отгуляли? – поинтересовался я.

Рафик будто ждал моего вопроса, поэтому сразу ответил:

– Я ребятам как раз об этом рассказывал. Муаллим, лучше нашего Зогаллы на свете места нет! Вы сами знаете. Я объездил всю Россию. Сибирь, БАМ, Алтайский край – везде был. Врагу не пожелаю. Съезжу, думаю, друга проведаю, заодно посмотрю, как люди живут. В последние годы, стыдно даже признаться, кроме тюрем, нигде и не побывал.

– Ну, как люди живут? – спросил я.

– Муаллим, жара такая на улице стояла. Наш тандир по сравнению с их жарой – японский кондиционер. Как люди там живут? Не пойму. На БАМе – морозы 40–50 градусов, тут – жара такая. Потому и говорю: лучше Зогаллы нет места на свете.

– Если бы было так жарко, десять дней не проторчал бы там, – сказал я.

– Муаллим, согласен! Но я был у друга, которого давно не видел. У него есть чудесная картина, висит в комнате на стене. Он из Сибири привез эту картину. Там нарисован зимний пейзаж: таежный лес и снег нарисованы так, что их не отличишь от настоящего. Чего греха таить, муаллим, бывало так, что курили в обед, когда на улице в тени около пятидесяти градусов жары было, заходили в комнату, садились перед этой картиной и мерзли! Смотрели на картину и мерзли! Разве это не чудо? Как-то перебрали, видимо, дозу, и как присели перед картиной, так нас и покрыло инеем. Вымерли бы, как мамонты когда-то. Хорошо, что разбудили нас. Я был весь синий.

– И это ты рассказываешь молодым? – упрекал я Рафика.

– Не я, так другой расскажет, муаллим! Может, послушав меня, они выберут другой путь. Но я, муаллим, вам скажу одно: какой бы путь человек ни выбрал, где бы он ни жил – в Сибири или в Африке, – его всё равно будет бросать то в жар, то в холод. Таковы законы жизни! Я всё видел в своей жизни. Поэтому с меня хватит!

– Значит, больше в тюрьмы не пойдешь?

– С меня хватит! – твердо повторил Рафик. – Я свое отходил. Притом дважды!

– А то, что в России сидел, не считается? – смеюсь я.

– Не считается! Там я сидел без вины! Поэтому не считается.

На следующий год, когда я отдыхал в Зогаллы, он еще увереннее твердил, что дороги в тюрьмы для него окончательно забыты.

– Я сейчас, муаллим, примерный семьянин! Не пью, по дому работаю. Так что я сейчас положительный герой, третий раз я туда не хочу, – смеялся он.

– А это дело? – спросил я, имея в виду его увлечение «лечебными травками».

– Бывает! Согласен, когда нахожу, курю эту ерунду! Да, не отрицаю, и это только для того, чтобы не скучно было мне.

***

Но, видно, ему была уготована другая судьба. На верхах все-таки решили, что он должен и третий раз отсидеть.

Как и в прежние разы, попался Рафик на мелочи. Он украл у соседей индюка. Случилось это в первых числах сентября месяца. Домашние оставили Рафика караулить хозяйство, сами ушли в сад на сбор фундука. По словам Рафика, в тот день он дул с утра, но этого ему показалось мало, он стал догонять – забил косяк и дул еще раз и страшно проголодался.

Как назло, на той стороне плетня, разделяющего их двор с соседским двором, гуляла стая индюков. Рафик подошел к плетню и издал булькающие звуки.

– Хотел проверить, дома соседи или нет, – объяснял он на суде, чем было продиктовано такое решение. В ответ здоровый индюк салютовал Рафику, проорав то же самое. Его крик подхватили остальные индюки. На звуки индюков из-за дома прибежала соседка, отогнала их в центр двора. Рафик успел спрятаться за толстым стволом грушевого дерева, поэтому она его не заметила.

За деревом он продолжал наблюдение. Минут через двадцать хозяева выгнали всех индюков в сад, а сами один за другим ушли на сбор фундука.

В Зогаллы за дворами хозяев, как правило, расположены их сады, которые, в отличие от дворов, не огорожены от соседских. Поэтому, когда Рафик через свой двор вышел в сад, между ним и индюками уже не было преград. Чтобы убедиться в том, что никого из соседей нет дома, в саду он еще раз подразнил индюков. На дружный крик индюков на этот раз из дома никто не отозвался. Можно было безбоязненно действовать.

К вечеру, придя домой, соседи недосчитались одного индюка, притом самого крупного. Шум поднялся страшный. Подозрение сразу пало на Рафика, сосед кричал и требовал возврата индюка:

– Пока не поздно, пока индюк жив, верните! Пока я не заявил в милицию.

Сосед ошибался, к тому времени индюк не был жив. Поймав индюка, Рафик, как заправский повар со стажем, очистил его от перьев, опалил, обмыл холодной водой, удалил потроха, потом еще раз помыл и зажарил на костре в конце сада.

Утром сосед заявил в милицию.

Участковый Сабир, как бы он ни был зол на Рафика, хотел решить вопрос по-доброму.

– Видит Аллах, – говорил он Рафику, – нет у меня намерений посадить тебя.

– Нет намерений, не сади! – перебил его Рафик.

– Если украл, верни! Глупо садиться еще раз из-за одного индюка!

– Докажите! – как старый осел, упрямился Рафик.

Украв индюка, на месте преступления Рафик якобы не оставил вещественных доказательств. И как ему тогда казалось, этим он сильно должен был затруднить розыск собственной персоны.

– В последний раз говорю, если украл, признавайся, решим! – чуть ли не просил участковый Сабир.

Стали просить Рафика и другие соседи.

– Пусть сначала докажут! – Рафик был неумолим.

Доказали быстро. Надо еще знать профессионалов гахской полиции: через три часа душевного разговора с ними в закрытом помещении Рафик признался во всем и даже показал, куда закопал перья, потроха и голову убитого индюка.

Суд, как всегда, был веселым. Рафик придуривался.

– А где были хозяева, когда ты крал индюка? – спросил судья.

– Откуда я знаю, где были? Наверно, где-то и были.

– Их дома не было, да?

– Наверно.

– Ты видел, когда они ушли?

– Да, я всё видел. Один туда ушел, – Рафик так красиво указал рукой в сторону выхода из судебного зала, что все присутствующие повернулись в сторону двери. Другой сюда ушел, – на этот раз Рафик указал в сторону окна, – а третий не знаю, куда ушел! – тут он развел руками. – Только я никуда не ушел, сидел и ждал своего часа.

– Молодец! Ты никуда не ушел, значит, да?

– Да! Я ждал и дождался.

– И как индюка поймал, не помнишь, да?

– Очень даже не помню, товарищ судья, откуда индюк? Бегали они вокруг меня, даже не помню, как один из них оказался в моих руках.

Когда прокурор стал требовать пять лет лишения свободы, Рафик возмущался:

– Где справедливость? За барана три года дают, за индюка – пять.

Но прокурор был неумолим. Он говорил о рецидиве преступления, о дерзости преступника, о том, что преступление совершено среди белого дня, что является отягчающим вину обстоятельством.

Перед тем, как зачитать приговор, слово дали Рафику. Тут он еще больше рассмешил участников суда:

– Сегодня товарищ прокурор заявил, что отягчающим мою вину обстоятельством было то, что кража совершена мною среди белого дня. Позволю себе напомнить всем участникам сегодняшнего судебного процесса, что при предыдущем моем осуждении товарищ судья усмотрел обстоятельство, отягчающее мою вину, в том, что кража была совершена под покровом ночи. Позвольте мне спросить в таком случае: когда же, по вашему мнению, я должен красть?

– Otur yerinə, axmağın biri axmaq! (Сядь на место, болван!) – выругался судья и не дал Рафику договорить.

Если бы не последние слова, суд, возможно, Рафика пожалел бы. А так он получил очередные три года и отправился в очередной «отпуск».

***

Сегодня, когда Рафика нет в живых, думая о нем, я часто вспоминаю наш последний с ним разговор. Честно признаться, встретившись на улице, я его даже не узнал. У него был худощавый внешний вид, лицо выглядело бледным, с сероватым оттенком. Одним словом, невооруженным глазом видно было, что это нездоровый человек.

Он поздоровался со мной с вытянутой рукой, не дав мне приблизиться к себе:

– Вы не обижайтесь, муаллим, так будет лучше!

Я был в курсе, что его отпустили на год раньше срока и он болеет открытой формой туберкулеза. Я поздравил его с возвращением. Я сказал ему дежурные слова, сказал, что он неплохо выглядит. Но он о чем-то думал, не слышал моих слов. Мне показалось, что он не хочет общения со мной. Вдруг он что-то вспомнил и, обрадовавшись, как ребенок, начал меня хвалить:

– Еще в тюрьме слышал, что вы пишете книгу о Зогаллы, о Кара-дайы. Ваша мама сказала Олимпиаде, а она мне рассказала, когда приезжала проведать. Когда я это услышал, я заплакал! Слезы так и текли. В тюрьме все ко мне уважительно относились, как к старику. «Что случилось, Рафик?» – спрашивали. «Почему плачешь, Рафик?» А я не знал, как им отвечать, – замолк Рафик и после небольшой паузы перешел непосредственно к книге. – Я слышал, вы скоро напечатаете ее. Только одно обидно, муаллим! Я вам правду скажу, мне очень обидно.

Я не понимал, что он имеет в виду и что именно ему обидно. Чтобы не прерывать его, я ответил неопределенно.

– Понимаю, – сказал я.

– Он меня со школьных лет собаковедом называет! – я понял, что речь идет о Кара-дайы, – а вы о нем целую книгу написали. Я даже не знал, что он у нас такой герой. Неужели нельзя было о ком-то другом писать, раз взялись за это дело?

– Даже не скажу, как-то не задумался над этим, – ответил я, на самом деле не зная, что ответить.

– Когда последний раз вернулся из тюрьмы, на следующий день он приходил со мной повидаться. «Ну, что, собаковед, – сказал, – может хватить, а, по казенным местам шастать?» Тоже мне, аксакал, будто я не знаю, что пора завязать.

Я решил успокоить его:

– Не обращай ты на него внимания, и всё. Когда он выпьет, он еще не такое может сказать. Человек старый, не бери в голову.

– В том-то и дело, что трезвый был. Поэтому мне и обидно. Хотя вы с ним родственники, вам виднее, о ком писать. Не обо мне же писать, как я голым барана крал.

Тут мы оба засмеялись, медленно прошлись и сели на его любимую скамейку на улице под тутовым деревом.

– Только за то, что вы написали о Зогаллы, вам можно памятник поставить! – неожиданно изрек он.

– Ага, посмертно и на кладбище! – ответил я и смеялся от души, не зная, к чему он ведет весь этот разговор. Я догадывался, что это показ обязательного журнала перед серьезным художественным фильмом.

– Муаллим, вы знаете, что я сам неплохо разбираюсь в книгах и буду откровенен: то, что пишете вы, – очень мелко! Только без обиды, как сосед соседу говорю: мел-ко! И всё! Не секрет, что я сам со школьной парты питаю страсть к литературе, особенно к поэзии. Не поверите, временами даже пишу. Конечно, только для себя, и, в отличие от вас, не афиширую. Ибо на большее я не способен. Ибо то, что пишу я сам, то есть мелкое стихотворчество, мне не интересно. Вам, я вижу, интересно, а мне нет! Мне нужны грандиозные, захватывающие проекты.

– Даже так? – спросил я у него.

– А вы как думали? Муаллим, вы никогда не думали, почему я поехал на строительство БАМа?

– Не думал, – признался я и облегченно вздохнул, что от обсуждения моего мелкотворчества мы резко перешли на строительство БАМа.

– Потому что намечалось невиданное строительство. А меня всё это очень тянет.

– До конца не выдержал, однако, – уколол я его.

– Нет, муаллим, вы ошибаетесь. Я выдержал пять лет и столько же выдержал бы! Скорее, муаллим, я не вытерпел. А это разные вещи. У меня с самого рождения проблемы с терпением. На БАМе тоже, там природа в состоянии бесконечности. А терпеть бесконечность очень тяжело. Чтобы терпеть – надо надеяться, муаллим. А на что я должен был надеяться в чужой среде, чужой природе?

– А когда уезжал, на что надеялся? – спросил я.

– Когда уезжал, я об этом не думал. Молодой был, тянуло меня на строительство, – задумался Рафик и в третий раз поменял тему разговора. – Сейчас хорошо, сейчас люди постепенно возвращаются к истокам, к религии. В наше время не было религии – поэтому у людей моего возраста слабое терпение. Возьмем того же муллу Байрама, больше меня пил! Потом бросил и тут же стал проповедником! Аллах наградил его терпением.

– Ты тоже, вроде, не пьешь?

– И не курю, прошу заметить, – улыбнулся и Рафик, – но из меня мулла не получится.

– Почему? Ты даже грамотнее муллы Байрама. Или судимых не берут в это дело?

– Дело не в грамоте. У меня с терпением проблемы.

– Опять терпение? Как по мне, с терпением у тебя всё должно быть в порядке. То, что терпел ты, одному Аллаху известно. Другой на твоем месте рычал бы, как раненый лев. Какие только трудности ты пережил, разве я не знаю.

– Когда я был молодым, иногда, бывало, просыпался по ночам и долго не мог заснуть. Как волк хотелось выть в такие минуты. В такие минуты я поднимал голову и спрашивал у Всевышнего: за что ты меня наказал так строго? Почему из тысячи и тысячи людей ты именно на мою голову ниспослал такие страдания? За что ты меня наказываешь? Сколько ночей я мучился в ожидании ответов на свои вопросы. Сегодня я понимаю, что он меня не наказывал, он испытывал мое терпение! Он ждал, чтобы я просил у него помощи и покровительства. А я не знал, что можно просить помощи у Аллаха. Я даже не догадывался об этом. Вот какими безбожными нас воспитали. Вместо помощи я тупо спрашивал у него: за что мне такие наказания?

– А сейчас просишь помощи?

– Да, сейчас только и делаю, что прошу у него помощи. Видимо, поздно спохватился. Жить осталось недолго, муаллим!

– Ну, тут ты погорячился, Рафик, – я мягко упрекнул его, – кому сколько осталось жить, тоже он определяет, между прочим. Так что не вмешивайся в его дела, не хорони себя.

– Много я грешил в этой жизни, муаллим! Моя болезнь – цена для искупления этих грехов. Высокая цена, что и говорить. Но раз она уже назначена, придется платить.

***

Говорят, родственники покойного Рафика долго мучились в поисках подходящей фотографии, которую можно было бы поместить на его надгробном памятнике. Перелистали все имеющиеся дома альбомы, но большинство снимков были групповыми. Чуть было не заказали памятник с армейской фотографией. В самый последний момент старая мать покойного достала со дна сундука первую бамовскую фотографию сына, где он был снят на фоне таежного леса. Она принесла фотографию и положила на стол перед Олимпиадой и внуками и тихо сказала:

– Пусть будет эта.

На фотографии серьезный Рафик одной рукой обхватил сосну, а в другой его руке топор с небольшой рукояткой. А за ним стена бескрайнего, бесконечного глухого леса, раскрашенная в желтые и коричневые оттенки. Видно, что фотография сделана осенью, в ожидании будущих холодов природа смотрится усохшей.

Сегодня зогаллинцы, пришедшие на кладбище поминать своих усопших родственников, обязательно останавливаются возле могилы Рафика, покинувшего этот мир с верой и любовью к Всевышнему, и вслух читают надпись, выбитую на мраморе большими буквами по центру надгробного памятника – последние слова Рафика перед самой смертью: «Чтобы терпеть – надо надеяться».

Как правило, в знак согласия они кивают головами, позже внимательно рассматривают его фотографию на надгробном памятнике, где он запечатлен с топором в руке, просят Всевышнего милости для него и тихо приговаривают:

– Не смог ты защитить земную жизнь свою, Рафик! Обереги хоть другую свою жизнь! Топор тебе в помощь!

ИСА ГАБИББЕЙЛИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ ДЕПУТАТА САМЕДА СЕИДОВА ИЛИ ПОЭТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ

Председатель комитета по международным отношениям и межпарламентским связям Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, доктор психологических наук, профессор Самед Сеидов на протяжении долгих лет ведет общественно-политическую и научно-организационную деятельность параллельно. В его лице общественно-политическая и научно-организационная деятельность органично дополняют друг друга. Точнее говоря, политика и наука играют во всех сферах многогранной деятельности Самеда Сеидова особую, важную роль, обеспечивая достижение им научных успехов. Так, глубоко воспринимая мировую политику и реалии азербайджанской политики, он сумел сформулировать своеобразные парадигмы, смоделировать свои политические ходы и интерпретации, тем самым добившись отличия от окружающих его политиков. В то же время в своей научной деятельности он не только погружался в проблему, но и, как исследователь, умел правильно ставить перед собой социально-политические цели.

И как результат, написанная им монография о психологии художественного творчества, как важнейший результат его исследований, стала не только ценным научным трудом, посвященным этой редкой проблеме, но и трактатом о политике, направленности художественного творчества. Использование в своей политической деятельности научных подходов, проведение психологических анализов, умелое соотнесение явлений и процессов социальной среды с индивидуальными особенностями личности – вот основные черты, характеризующие Самеда Сеидова в большой политике. Ответственно и всесторонне изучив и обобщив научно-философские основы психологии художественного творчества, он смог применить свои результаты в теоретическом осмыслении психологических аспектов политической деятельности.

Наряду со всем вышесказанным в научной и общественно-политической деятельности Самеда Сеидова всегда было место образной мысли, поэтико-философской риторики. Это, образно говоря, «ноты», отобранные из его произведений о «феноменологии художественного творчества», над которыми он последовательно трудился на протяжении многих лет.

Однако, поэтическая пафосность его речи, его интеллектуальные подходы и философские обобщения дают основание предположить, что у Самеда Сеидова есть еще один вдохновитель. Не углубляясь в детали, можно предположить, что этим вдохновителем являются научные и художественные произведения, из которых он черпает свои идеи. Но, помимо всего этого, те, кто знают Самеда Сеидова ближе, знакомы с особенностями «поэтичности» в его генетике, которая также является источником его вдохновения.

Самед Сеидов уже много лет занимается стихосложением, практическим художественным творчеством. Ознакомившись с ним, мы пришли к выводу, что наиболее сильным «источником вдохновения» его многогранной деятельности является её величество поэзия.

Мир поэзии Самеда Сеидова – это многоголосный поэтический букет. Его стихи являются образцами запоминающегося, действенного и оригинального искусства, говорящего о поэтическом осмыслении социально-нравственных и общественно-политических процессов. Начиная с поэтического воспевания обычных человеческих

эмоций, улыбок, любовных переживаний, слез, ответом на вопросы «Почему ты живешь?», «Кто ты?» и заканчивая выражением отношения к двойным стандартам Европы, вплоть до вопросов ядерной безопасности.

Первый этап его творчества, который начался с 2001 года, можно считать художественной творческой разминкой. На этом начальном этапе он выступал в формате поэта-философа, пытался поэтически осмыслить суть наблюдаемых или сделанных им выводов. Несомненно, решение вопроса в таком виде напрямую связано с его основной профессией, с тем, что Самед Сеидов – блестящий ученый, и он воспринимает поэзию, как иную форму самовыражения. По мере внимательного прочтения его стихов все глубже понимаешь, что он озвучивает интеллектуальным языком поэзии факты, которые он считает важными для человека и общества. В этом отношении ярким примером являются строки из его стихотворения «Внутри меня горит огонь»:

Внутри меня огонь горит и полыхает сильно,
Не видно никому его, а жжет он непосильно.
Я должен вынести его из внутреннего мира,
Иначе всё сгорит во мне – не расцветет Пальмира.

Бог каждому дал огонек для теплоты душевной,
Он в нас, внутри, как маячок, движению полезный,
Но часто гасим мы его, стесняясь засветиться,
Не понимая, что теплу без света не родиться!

Холодный, темный, страшный мир – его я не молю,
Он – порождение души, где места нет огню.
Развеять страх, согреть людей и уничтожить мрак
Возможно лишь, благословив огня и мысли брак!

Здесь Самед Сеидов дает поэтическое осмысление своей миссии вывести страх из глубин внутреннего мира людей и, осветит их путь, зажечь их сердца.

В его художественном творчестве основными факторами выступают научно-интеллектуальное мышление и поэтическое осмысление реальности. С этой точки зрения научное познание и его художественное воплощение – это парные крылья поэзии Самеда Сеидова.

Вместе с этим, многие его стихи являются примерами чистой поэзии. В стихах этого ряда лирика, образное мышление, воспевание чего-либо выходит на первый план. В стихах «На Родину к своим истокам», «Зима-Царица», «Доверие», «В момент печали», «Свет», «Небо», «Воронье», «Время» поэтичность выступает на уровне абсолютного судьи. Правда, и эти вдохновенные и образные стихи имеют свою идейно-смысловую нагрузку, интеллектуальный слой, даже определенные политические линии. Но в таких случаях основной задачей Самеда Сеидова является творческое использование научно-интеллектуальных и политических взглядов, осмысление выбранного для представления объекта естественными и образными художественными средствами. Образные поэтические детали, имеющие общественное значение и содержание, как в стихотворении «Воронье» – показательный пример этого:

...И в небе, каркая, чернела,
Кружась, как в танце у невест,
Воронья стая, что летела
К дворцу приемов и торжеств!

Мне сложно в это было верить,
Но будто митинг был какой.
Вороны приземлились стаей,
И воцарился вдруг покой.

На лестницах, как на параде,
Друг к другу жалось воронье.
Собрались в траурном наряде,
К беде взрастившие чутье.

...Пусть он малыш, но голос звонкий,
Несущий радость бытия.
Хоть воронья срок жизни долгий
Я счастлив песней воробья.

Стихотворение Самеда Сеидова, написанное по случаю открытия железной дороги Баку-Тбилиси-Карс, также является оригинальным. В этом стихотворении аллитерация слов словно передает звук, эхо от колес движущихся поездов:

Родной Баку, Тбилиси, Карс,
Три города связали нас,
Путем единым в этот раз.
Чтобы не только нефть и газ,
Доставить миру, но и сказ,
Народа, что себя сам спас,
И возродил свой Тар и Саз!
Мугам, божественный намаз,
Культуру древнюю, Кавказ!
Все то, что радует наш глаз!!!

Все это показывает, что Самед Сеидов, обладающий настоящим поэтическим талантом, глубоко знает секреты поэтического искусства, особенности мастерства. Вместе с тем, главной особенностью, характерной для поэтического творчества Самеда Сеидова, является его способность выражать свои политико-философские мысли и интеллектуальные суждения поэтически, образными художественными средствами, как говорится, не читая морали. Цикл стихов, представленный в разделе «Психология политики», является ярким и характерным примером таланта Самеда Сеидова по созданию интеллектуальной политической поэзии. В этих стихах социально-политическая мысль и художественное творчество последовательно дополняют друг друга. В то же время здесь Самед Сеидов в полной мере выражает себя и как настоящий гражданин, парламентарий.

Но его стихи, написанные на политические темы, ни в коем случае нельзя считать рифмованными стенограммами событий, происходивших в международных организациях, в Европейском парламенте, в любой другой среде, которая окружает автора. Самед Сеидов, как руководитель делегации, достойно представляющей Азербайджанскую Республику в Парламентской ассамблее Европы, внимательно наблюдая волнующие его процессы, раскрыл их поэтико-философскую сущность, успешно осуществил миссию образного представления политических вопросов. В этом смысле цикл стихов «Психология политики» является подлинным образцом политической лирики. Несмотря на значительную активизацию политической лирики в азербайджанской литературе в последнее десятилетие на фоне армяно-азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта, завершившегося Великой Победой в Отечествен-

ной войне, Самед Сеидов умело, никого не повторяя, сумел по-своему представить военно-политические процессы, происходящие в нашей стране и в мире, отразив в своих стихах всеобъемлющую поэтическую презентацию важнейших политических событий современности, наших дней.

Стихи Самеда Сеидова, посвященные общественным событиям, являются образцами серьезного искусства, служащего продвижению политической лирики Азербайджана периода независимости. Это стихи-монологи, которые звучат как будто с трибуны Парламентской ассамблеи Совета Европы. Они, как поэтические уроки, извлеченные из его многолетней деятельности в ПАСЕ, являются одновременно его политическим кредо и манифестом.

Многие его стихи, написанные на эту тему, привлекают внимание как поэтические обвинения, прозвучавшие с трибун международных организаций по серьезным военно-политическим вопросам, связанным с судьбой современного мира.

Стихотворение, написанное в 2016 году в столице Казахстана Нурсултане и зачитанное там же, в ходе заседания является наглядным примером этого:

О, как силён твой дух свободный,
Коль истребить его не смог
Ни взрыв от бомбы водородной,
Ни радиации поток!

Пусть знают люди на планете –
Есть бомбы ядерной мощней
Заряд любви на белом свете
К земле, где ты растишь детей.

И здесь в истерзанной Ураном
Степи бескрайней, есть народ,
Гордится коим всем нам надо –
Он заслужил такой подход!

О, Казахстан, мой брат кочевник,
Я горд и счастлив быть с тобой!
Сегодня мира ты предвестник!
Сегодня твой народ герой!

Доктор психологических наук, профессор Самед Сеидов, который является психологом по специальности, и поэтому психологизм – это качество, которое живет в душе большинства его стихов. В лирических стихах Самед Сеидов, поэтизируя психологические моменты в жизни и обществе, добивается углубления темы и отображения образа в сочетании со своим внутренним миром. А в своей политической лирике он умело использует психологические приемы, чтобы показать реальное лицо фигуры, которую он критикует.

Кроме того, именно в творчестве Самеда Сеидова многие ценности и человеческие качества, являющиеся важными понятиями для психолога, также стали темой поэзии. Стихи, написанные на вечные темы, такие как «Доверие», «Личность», «Зависть», «В момент печали», «История болезни», «Добро и зло», «Душа и слово» и другие, являются образцами оригинального интеллектуального искусства, созданного путем поэтического осмысления психологических подходов. В стихах из этого цикла Самед Сеидов фактически создал рифмованную научную работу по каждой из выбранных им тем. Эти стихи также можно назвать научными рассказами, поскольку они, по сути, отвечают всем требованиям научного анализа. В этих стихах академизм

и поэтика сформировали другую, необычную литературу. В этот момент психолог-ученый Самед Сеидов и творческая личность автора дополняют друг друга.

Например, в стихотворении «Добро и зло», место и значение добра и зла определяются описанием интеллектуальных подходов и психологических ситуаций:

Я согрешил в своих раздумьях,
Неся добро, как Бог велит,
На миг сочтя, что злая фурия,
Уснув, мне вряд ли навредит.

О, как я грубо ошибался,
Как был наивен, глуп и слеп.
Зло не умеет расслабляться,
Его мечта – загнать вас в склеп.

Но где тот миг, черта, граница,
Где тот будильник зла лежит,
Звоня в который на зарнице,
Оно к нам, бросив все, бежит.

...А может быть и зло со мною,
Живет, но, притаившись, спит.
Рождаясь, где глаза закрою,
На то, что совесть не велит.

Нет, нет, не мог я ошибаться!
В добро уверовав нутром.
Грех в том, что зря я так старался,
Зло победить одним добром?!

Тема зависти, представляющая собой скорее морально-нравственную проблему, описана в одноименном стихотворении Самеда Сеидова в тончайших деталях и нюансах. И, таким образом, к ряду многочисленных стихов о зависти, как многовековой спутнице литературы, была добавлена совершенно новая, интеллектуально-философская ее интерпретация:

О, как тебя я ненавижу!!!
Ты – порожденье сатаны.
Трагедии, драмы, что я вижу,
В сей мир тобой привнесены.
Ты можешь перевоплощаться,
Идти вперед, залечь на дно.
С одной лишь целью – показаться
Добром тогда, когда ты – Зло.
Да, распознать тебя непросто,
Коль ты себя не выдаешь.
А выбрав жертву, ой как жестко
Мечты людские разобьешь.
...К тем, кто умнее и богаче,
Есть у тебя своя «любовь».
И чем счастливее, тем паче
Готова ты пустить им кровь.

О зависть, ты всему причина,
И ревность – знать, твоя сестра.
Без вас любви придет кончина,
Но с вами жить – одна беда!

Самед Сеидов – новатор, ибо поэтически и глубоко психологически представляя традиционные темы, такие, как «Душа и слово», «Выбор», «Время» и так далее, он по-новому их представляет читателю.

В стихотворении «Как в этом мире разобраться?» он ищет и находит способ выхода из противоречий общества, где порой зло может восторжествовать и дьяволы – ликовать.

Ответы вряд ли кто подскажет,
Да их и нет нужды искать.
Дорогу верную подскажет,
Способность людям нужным стать!
Сумеешь стать необходимым,
Ты обретёшь особый дар!
Кому-то ангелом любимым,
Пред кем-то явишься, как Царь!
Жизнь лишь тогда имеет смысл,
Когда к тебе стремится люд,
Когда их радости и мысли
С тобой реальность обретут!
Оставь бессмысленные споры!
Бояться жизни перестань,
И в ней для жизненной опоры,
Профессионалом лучшим стань!

Самед Сеидов смог внести собственную свежую поэтическую мысль в относительно новое понятие, как толерантность. Самед Сеидов, подчеркивает опасность использования этой важной ценности для разжигания розни между народами, как политик, он прав в том, что, помимо терпимости и сдержанности, толерантность также может выполнять функцию «гнезда для двойных стандартов».

И даже запасясь безмерным
Терпеньем, выдержкой большой,
Любезным, добрым и примерным
Не сможешь быть ты всей душой.

Да, нас любовь терпеть заставит,
Принять, любя, я все смогу .
Но вот вопрос: насколько хватит,
Мне сил терпеть, коль НЕ люблю?!

Ответ же на вопрос, что такое «толерантность», Самед Сеидов четко дает в конце стихотворения:

Вот почему понять различие
Нам в толерантности самой!
Так важно, ведь ведет к величию
Одно, другое – к дьяволу домой.

Коль уважение к другому
Есть норма в обществе, тогда
Исчезнет ненависть к народу
И сгинет как ненастье мгла.

Как видно, синтез и единство социальных проблем и поэтических выводов с научно-психологическими подходами создали новый тип интеллектуальной политической лирики Самеда Сеидова.

В этом смысле поэзию Самеда Сеидова с социально-политическим содержанием можно считать событием нового формата в азербайджанской литературе. Стихи его, будучи продолжением и развитием политической лирики и его поэтико-психологических исследований, являются оригинальными художественными произведениями, взаимодополняющими все творчество Самеда Сеидова с точки зрения идей и содержания.

Поэма Самеда Сеидова «Личность», написанная в 2012 году, представляет в тематическом отношении серьезный интерес, ибо в ней глазами истинного ученого и чуткого поэта прекрасно раскрываются и осмысливаются сущность и масштаб данного феномена. Из «Введения» становится ясно, что автор всесторонне выявляет глубинную сущность, архетипы и типы личности, которые различны по своей природе и играют важную роль в развитии жизни человека, а также показывают их масштаб и значение для социума:

Ее способности и свойства,
Структуру, чувства, типы, спесь,
Раскрыть, представив для удобства,
В стихах намерены мы здесь.
Но в описании философском
Нам истин большинства не счесть,
Ведь личность в сути многогранна
И всех нюансов не учесть.

Поэма Самеда Сеидова «Личность» – представляет из себя первое в азербайджанской литературе художественное произведение, написанное в жанре психологической поэмы. Поэма создает литературную панораму научной концепции, которая формирует широкий спектр взглядов Самеда Сеидова на личность.

И так в итоге рассуждений
Определить мы можем путь.
Чреды душевных превращений,
Раскрывших личности нам суть.

Да, личность – это воплощение
В реальной жизни наших дум,
Пришедших из глубин забвения,
И устремленный ввысь наш ум.

В произведении Самеда Сеидова, которое исходит из общих взглядов и подходов к сущности, роли и задачам личности, в основном говорится о специфике творческих личностей. По его мнению, «пронизанная культурой творческая личность служит формированию и обогащению духовного мира человечества, создавая творение богатств, созданных великими фантазиями»:

Да, в ней, как в почве благодатной,
произрастает дух людской.
В одних личиной необъятной,
в других малюсенькой душой.
Великодушие и тщедушие,
сосуществуют меж собой.
Одно есть благо, а другое
– пренебрежение красотой.

Не зря в истории народов,
культура чаще, чем земля,
Передавалась в поколениях,
в себе все ценности храня.
Ее дары приняв, освоив,
Культурный уровень, меня
Поднимет выше Эвереста
в осознавании бытия.

В то время как вопрос о типах личности в педагогико-психологической науке еще не до конца изучен и некоторые моменты спорны, Самед Сеидов через архетипы создаёт свои типы личности «языком поэзии». Он даёт различное поэтическое толкование различным проявлениям личности в каждом отдельном человеке.Это как бы учебник психологии, в котором отражены уникальные представления автора о феномене личности. Самед Сеидов, внимательно следивший за суждениями многих известных мировых психологов о личности, рассматривает личность не только в психологическом зеркале, но и в философской плоскости, и в поэтической орбите, давая ей всестороннюю оценку:

И так признаюсь – я в ответе
За весь рассказ, как автор строк.
В котором личность в новом свете,
Представил Вам, трудясь, как мог.

Феноменальность многогранна,
Ее раскрыть не просто суть.
Порой в стихах она туманна,
Читатель, ты не обессудь!

Смешав структуру, тип и чувство,
В котле кипящих сил судьбы.
Я в Личности нашел единство,
Времен, культуры и борьбы.

Особое внимание следует уделить произведению «Ода творчеству», которое можно по праву считать вершиной среди «психологических поэм» Самеда Сеидова. Глубоко изучив индийские Веды, китайскую и греческую философию, арабский суфизм, Самед Сеидов поэтически дал объективную научную оценку каждому из них. Он искал в них источник творчества; в их гармонии, равновесии, в их контрастах, наблюдал и изучал пути их развития.

«Ода творчеству» – системное литературное произведение, раскрывающее и представляющее широту и богатство мира идей и мыслей творческой личности. Это – поэтическая философия творчества, поэтический манифест Самеда Сеидова о творческой личности. Как пишет сам автор:

Она – божественный огонь, что освещает путь
Движению вперед, ведь жизни в этом суть.
Хоть времени стрелу обратно не вернуть,
Пред ней и время голову склонило бы на грудь.

«Ода творчеству» – это поэтический устав, в котором воспевается сила человеческого творчества и его таланта.

Интеллектуальные, поэтические мысли Самеда Сеидова, ищущего силу и значение литературы в ее глубокой социально-философской сущности, наряду с человеческим содержанием, значительными художественными обобщениями выступают и как гимн родной стране. На самом деле, говоря об общественных процессах, происходящих в мире, Самед Сеидов дает оценку этому вопросу с точки зрения интересов Азербайджана. Несмотря на то, что темой интеллектуальной политической поэзии Самеда Сеидова является весь окружающий его мир со своей историей, поступками и моралью, его истинная цель – это Азербайджан. Когда он говорит о попрании прав человека в европейских странах, он также думает о защите прав собственного народа, к которому он принадлежит. В стихах Самеда Сеидова, посвященных непосредственно Родине, события рассматриваются на фоне происходящих в мире процессов и дается их оценка в поэтической форме. В этом смысле поэтический цикл «Карабах – это Азербайджан», занимает особое место в его творчестве.

...Но мир вокруг переменился
27-го сентября,
Час истины в тот день родился,
Навек его запомнил Я!

И с этой датой числа, цифры
Я возлюбил, как никогда!
«44», «8», «10»,
Домой вернулась к нам Шуша!

Теперь пусть ненавидят числа,
Те, кто в бою от нас сбежал,
Те, кто дома, леса сжигая,
Вон из земли моей съезжал!

И хоть я счастлив, но безмерно,
Скорбь по Шехидам, по Бойцам,
Отдавшим жизнь и открывшим,
Бессмертное Число всем нам!

Широкий общественный и научный кругозор, глубокое поэтическое восприятие, необходимое для интеллектуальной политической лирики, дают Самеду Сеидову силы и энергию для создания новых, оригинальных типов стихов. Поэтому читатели вправе ожидать от него новых произведений, как в сфере политической лирики, так и в сфере парламентаризма, в которой он ответственно служит.

ЗЕМЛЯКИ

КОНСТАНТИН ТАРАЕВ

Из цикла «Бакинские рассказы»

Баку был, есть и останется навсегда моим любимым городом. Отправляю вам еще несколько моих рассказов, как признание в любви этому замечательному городу и его жителям: прошлым, настоящим и будущим. (из письма автора)

Бакинцы навсегда

Настоящий бакинский характер очень похож на испанский – такой же гордый, свободолюбивый, общительный, толерантный и безалаберный. Смешение культур, языков, традиций кельтов, иберов, римлян, карфагенян, арабов и евреев, живших на Пиренейском полуострове, создало неповторимо своеобразный испанский характер.

Баку XIX-го века был нефтяным Клондайком Российской империи, куда съезжались в надежде разбогатеть отчаянные головы со всей Европы: русские,азербайджанцы, украинцы, армяне, грузины, евреи, лезгины и даже шведы с англичанами. В ту пору в районе Балаханов земля была поделена на участки и густо утыкана нефтяными вышками. Причем некоторые участки были настолько малы, что и арбе негде было на них развернуться. Такая скученность предполагала, что соседи должны быть терпимы друг к другу, находить общий язык между собой, дружить, выручать в тяжелой ситуации. Жизнь на промыслах была невеселой. Поэтому особо ценились те редкие радости, которые выпадали на долю этих трудяг: совместные посиделки за бутылкой вина, песни, танцы, а то и просто неторопливые задушевные разговоры за чаем или партией в нарды. Так, в этом бурлящем человеческом котле, где смешались люди разных культур, языков, традиций, религий, и создавался настоящий бакинский характер.

Немецкий «орднунг» – для нас понятие сугубо чуждое и раздражающее.

Общаться с бакинцами безапелляционным языком запрещающих табличек: «Проход запрещен!», «По газонам не ходить!», «Цветы не рвать!», «Закрыто. Не входить!» бесполезно: обязательно пройдем, сходим, сорвем, обязательно проверим, а точно ли закрыто, может быть, чуть-чуть, но открыто…

Гораздо большего можно добиться, просто попросив. По-испански это звучит, как «por favor», по-азербайджански «Сиздян хаиш эдирям», а по-русски: «Прошу вас. Пожалуйста».

Настоящий бакинец, как и испанец, никуда не бежит, не торопится, предпочитая перемещаться в пространстве неторопливо, расслабленно и с достоинством, часто отвлекаясь на общение с друзьями и знакомыми, которых у него великое множество. Всех их он очень рад видеть, обнимает, целует в щеку (Поверьте – с ориентацией у нас все в порядке!), хлопает по плечу и подробно выспрашивает о делах и здоровье, даже если расстался с другом только вчера. Аналогичную картину можно наблюдать на улицах Мадрида, Саламанки или Толедо.

Помню, в каком шоке была моя мама, женщина дородная и по-бакински обстоятельная, приехав ко мне в гости в Питер и увидев толпу куда-то торопящихся, чем-то озабоченных, толкающих друг друга людей, бегущих с выпученными от напряжения глазами по эскалаторам метро. «Как ты можешь здесь жить?» – искренне удивилась она. На что я ответил, что люблю Питер не меньше, чем Баку, и уже привык к этой беготне и мельтешению.

Эмоциональность и шумность испанцев – это, как говорится, «притча во языцех». Но и бакинцы недалеко от них ушли. Не знаю, как сейчас, но раньше довольно-таки обычной была такая сцена: – стоит на улице перед 9-этажным домом мужчина и выкликает своего друга, живущего где-нибудь этаже на 6-м: «Алик! Алик!! Алик!!!», и так раз десять подряд, пока все Алики, живущие в этом доме, и среди них – его друг, не выйдут на балконы.

«Как дела? Что?? Как дела, спрашиваю! А, спасибо, хорошо! Что, не слышу?!»

Ай, балам, если тебе так приспичило – поднимись наверх и поинтересуйся у друга, как его дела, с расстояния 50 см, а не 50-ти метров. Нет – так неинтересно! Гораздо веселее кричать и переспрашивать.

Странно, что раньше меня такие вещи раздражали, а теперь вызывают щемящую сердце ностальгию.

Отношение к власти философское – вы нас не кошмарите, мы, в свою очередь, не сильно бузим.

Грозный генерал Франко, как человек военный, пытался «построить» испанцев, приучить их к порядку и педантичности. Ничего у него не вышло!

Бакинцы тоже никогда не пресмыкались перед властью. Неважно, какой: Российской империи, Мусавата или большевиков. Баку всегда был не по-советски свободным городом.

В 70-е годы власть в некоторые районы города предпочитала вообще не соваться. Любой коренной бакинец при упоминании слова Кубинка или Похлу Даре понимающе улыбнется. Это была череда невысоких, преимущественно 1- или 2-этажных домов, где в советские времена можно было купить все, что душа пожелает: от мятной импортной жвачки до видеомагнитофона и заморской шубы. Места эти были криминальные, где шатающихся без дела пришлых не жаловали, и к тебе, спустя десять минут, обязательно кто-то подходил и спрашивал, что ты ищешь. Хорошо, если пришел по делу – что-нибудь купить, иначе можно было и схлопотать по загривку. На нашей улице постоянно кто-то затевал азартные игры – это был любимый вид досуга ее обитателей, и мужики яростно сражались в буру или «три листика», совсем не смущаясь проезжающих мимо милицейских машин, которые или благоразумно проезжали мимо, или, остановившись и получив небольшую мзду, уезжали восвояси.

Дружба и взаимовыручка между соседями – это отдельная песня. В Баку соседи знали о тебе больше, чем ты сам. Детей не боялись выпускать на улицу на целый день, обязательно за ними кто-нибудь присмотрит и даже накормит. Белье спокойно сушилось во дворах, в том числе и ночью. Двери практически не закрывали, только когда уходили надолго. С ворами в нашем дворе расправлялись безжалостно. Помню, бабушку пыталась ограбить какая-то залетная банда цыган. Так на ее крики сбежались мужики со всех этажей и так жестоко отмутузили воришек, что бабушке пришлось вмешаться, чтобы их больше не били.

Все значимые события: свадьбы, юбилеи, поминки проходили с участием всего двора. Одни готовили, другие стулья расставляли, третьи разводили огонь в мангале, четвертые стол украшали. Ты никогда не был одинок. Всегда кто-то готов был протянуть тебе руку помощи. Такая публичность жизни иногда утомляла, провести незаметно девушку к себе домой было сложной задачей, но этот недостаток был ничем по сравнению с тем чувством плеча, которое ты ощущал, живя рядом со своими надежными соседями. Законы гостеприимства были святы, и когда бы к нам ни пришел гость, пусть даже незваный и в позднее время, никто не захлопывал дверь у него перед носом. Всегда ставился на плиту чайник и накрывался нехитрый стол. Иначе никак – люди не поймут.

Улица, а отнюдь не школа, была нашими университетами. На ней мы пропадали целыми днями: играли, ссорились, мирились, дрались с мальчишескими ватагами других дворов и с младых ногтей впитывали в себя бакинский дух, воспитывали в себе

бакинский характер. Никто не заморачивался по поводу чьей-то национальности, не позволял себе оскорблений в чей-то адрес по национальному признаку. Было деление людей на плохих и хороших и ничего более.

Вы скажете, что я сильно идеализировал картину, но так оно и было, уверяю вас. Когда в конце восьмидесятых национальный вопрос приобрел неожиданно пугающую остроту, мы с удивлением узнавали, что наш друг детства Вовка оказывается армянин, а Ленька – еврей и т.д.

Что еще роднит бакинца и испанца – так это инфантилизм и уважение к старшим. Опекать своего ребенка, контролировать его жизнь, накормить его от пуза, заботливо укутать, даже если он этого не хочет, да и «балашке»[1] уже лет под сорок, – нормальное явление для бакинских мам. Моя жена – русская по национальности, но типичная бакинская мама по своему менталитету, до сих пор трясется над нашим сыном, который выше ее на полголовы и вполне себе взрослый человек, как курица над птенцом. Говорить ей «Отпусти уже его. Пусть живет самостоятельно» – дело совершенно бесполезное. Сын терпеливо сносит эту немного назойливую заботу.

Уважение к старшим у нас в крови: меня до сих пор коробит, когда кто-то из молодых не уступает место ветхим старикам в транспорте или, того хуже, – хамит им. Мне стыдно за этих людей.

Есть такое выражение «испанский стыд», это когда ты видишь, что кто-то на твоих глазах совершает недостойный поступок: хамит, унижается, врет, подличает, и тебе стыдно за него. И эта черта тоже роднит настоящих бакинцев с испанцами.

Помните, в советские времена, года до 80-го, делалась прививка от оспы, и на руках людей, рожденных в то время, навсегда осталась метка от нее.

Так и Баку навсегда привил нам уважение к старшим, толерантность, неравнодушие, желание помочь ближнему и стыд за людей, которые ведут себя недостойно.

Причем, встретившись друг с другом далеко за пределами родного нам города, мы по каким-то неуловимым приметам узнаем друг друга. Года два назад я зашел в маленький частный магазин на окраине Москвы, чтобы купить себе солнцезащитные очки. Хозяйка, уже немолодая женщина, выслушав меня и прищурив глаза, спросила: «Вы не из Баку?». «Да», – ответил я. Оказалось, что мы жили в соседних районах, очень тепло поболтали, вспомнили молодость, Приморский бульвар, парашютную вышку, кафе «Жемчужина».

В итоге очки достались мне с 20%-ной скидкой от цены. Кто-то заставлял ее это делать? Конечно же, нет, я бы купил очки по их полной цене, но человек проявил уважение к своему совсем малознакомому земляку.

В том-то и дело, что мы все, независимо от нашей национальности и продолжительности жизни в других краях – России, Америке, Израиле, Германии, Австралии или Новой Зеландии, – так и остались в душе бакинцами.

Бакинцами навсегда!

Голубиный папа

В эпоху барокко считалось, что Господь наказывает ранней лысиной человека за его грехи и половую распущенность.Отсюда мода на пышные парики-аллонжи и длинные волосы, как символ высокого статуса, добродетели и крепкого здоровья их обладателя. В Европе свирепствовала эпидемия сифилиса, и у заболевших им людей вскоре начинали выпадать волосы, поэтому, чтобы скрыть этот изъян, и вошли в моду парики.

Если верить этому заблуждению, мой сосед Ариф должен был быть отъявленным распутником и средоточием порока, поскольку уже к 30-ти годам имел череп,

[1] Балашка – уменьшительно-ласкательное от бала (ребенок) – азерб.

голый, как коленка. Однако он был живым опровержением этого ублюдочного тезиса, так как имел отменное здоровье,спортивное телосложение и был начисто лишен пристрастий к блуду и прочим мужским порокам, вроде любви к вину и азартным играм.

Жене, с которой познакомился еще в школе, он никогда не изменял и вел жизнь почти праведную. По крайней мере, это категорично утверждали наши дворовые кумушки, которые знали о нас больше, чем Комитет государственной безопасности и даже мы сами.

Лысеть же он начал после того, как при выполнении сельхозповинности в колхозе (научных работников в советские времена часто отправляли на сбор урожая в сельскую местность) на него упал и порвался, обдав облаком пыли, бумажный мешок с каким-то едучим фосфатным удобрением. После этого процесс опустынивания его головы принял просто-таки необратимый характер, и он окончательно облысел в течение каких-то 3-4 лет.

Единственная страсть, которая не давала покоя Арифу и всей его семье – была его всепоглощающая, какая-то чрезмерная,избыточная любовь к голубям. Не к тем навязчивым и неопрятным созданиям, которые заполонили наши площади, улицы и парки до такой степени, что невозможно сесть на скамейку, чтобы к тебе не привязалась пара-тройка, а то и целая стая этих назойливых клянчуг.

Нет, речь идет о домашних голубях, изящных, горделивых и элегантных: турманах, дутышах, павлиньих, николаевских, почтовых, крестовых монахов, одним словом, о тех красавцах, которые так часто парили в безоблачном небе моего детства.

Нынешние городские голуби так же похожи на эту голубиную аристократию, как шелудивая дворняжка на благородного датского дога.

Жил Ариф с семьей: женой Ларисой и двумя детьми в небольшой двухкомнатной квартире на последнем, третьем этаже нашего дома и держал небольшую голубятню на крыше, прямо над своей квартирой. Крыши были плоские, залитые битумом, который в жаркие дни плавился, раскисал и лип к обуви. Поэтому Ариф соорудил на крыше деревянный помост, на котором стояли небольшой домик с аккуратным прилетным окошком и вольер, огороженный сеткой-рабицей. В домике были маленькие соты с жердочками, где располагалось десятка полтора голубей.

Всех своих питомцев Ариф звал по именам, ухаживал и носился с ними, как с писаной торбой, уделяя им гораздо больше времени, чем собственным детям. Всех кличек не припомню, но у него были три любимца, которых он особенно привечал. Брненский дутыш Гямбул, важный и толстый, как директор универмага или продуктовой базы, белоснежное, кокетливое и воздушное создание – хохлатая горлица Беляночка и маленький недоросток – черный берлинский турман, по кличке «Карапет». Такое прозвище он получил из-за того, что благодаря какому-то капризу природы был почти на голову ниже своих сородичей, но, несмотря на это, имел драчливый и неуживчивый нрав. Совсем как наш сосед в доме напротив, которого как раз и звали Каро или, если полностью – Карапет.

Придя после работы и наскоро поужинав, Ариф приставлял лестницу к стене и поднимался наверх, к своим любимым питомцам – что-то нашептывал им, гладил, менял воду в корытце, насыпал крупу, смешанную с кукурузными зернами и тщательно отобранными крошечными камешками для лучшего голубиного пищеварения. Потом открывал вольер, разбойничьим свистом выгонял их наружу, поднимая в воздух, и часами наблюдал за кульбитами, которые они выделывали в небе.

Потерявшая терпение жена выходила на веранду и возмущенно кричала: «Ариф, ты спустишься уже или навсегда там поселился? Детьми родными займись! Ты знаешь, что у Расима (старший сын – отпетый двоечник) опять кол по математике?!» Ариф нехотя выходил из состояния нирваны и спускался на грешную землю, к своим скучным повседневным делам.

Работал Ариф младшим научным сотрудником в проектном институте недалеко от нашего дома, где получал какие-то копейки, а если точно – 92 рубля, после вычета подоходного налога. Откуда мы узнали эту цифру? Как-то его жена жаловалась моей бабушке на своего непутевого мужа: «Евгения Ивановна, он совсем сбрендил со своими голубями. Лучше бы за своими детьми так ухаживал, как за ними. Вчера получил получку – всего 92 рубля, так и из этих грошей этот блаженный умудрился потратить десятку на своих чертовых голубей. За какие грехи бог меня так наказывает?! Совсем помешался на своих голубях! Он и на мне, наверное, женился только из-за моей фамилии! (девичья фамилия Ларисы была Голубева)».

Бабушка, как могла, утешала бедолагу, говоря, что зато он не пьет, в карты не играет и по бабам не шастает, как подавляющее большинство наших дворовых мужиков.

Ну а мы, пацаны, немедленно сочинили песню об Арифе на мелодию «Лезгинки»:

Получил получку я
Девяносто два рубля.
Девяносто все пропил,
На два голубя купил.

Эту песню мы дружно исполняли при каждом появлении Арифа во дворе.

Был у Арифа друг Яша – такой же, как он, одержимый голубями, с которым они часами беседовали о достоинствах этих птиц, ссорились, что-то друг другу доказывали и азартно обменивались пернатыми питомцами.

Помню, как однажды Ариф пришел во двор, возбужденный до крайности, и присел рядом со мной на скамейку. «Представляешь, обменял у этого дурачка Яшки русского почтового на крестового монаха», – взахлеб рассказывал он, при этом глаза его блестели почти так же, как у конкистадора, выгодно обменявшего стеклянные бусы на слиток золота.

«Ариф, а это хорошо?» – спросил я, как человек, неискушенный в голубиных тонкостях. За что удостоился уничижительного взгляда, типа «с какими дебилами приходится общаться!».

«Конечно, еще как хорошо! Ну ты и тундра!!!»

«Ариф, дорогой, ну откуда же мне знать. Ведь ты же у нас голубиный папа, а не я!»

Все бы ничего, но появился в нашем ЖЭКе новый директор, отставной партийный работник районного масштаба – очень въедливый и вредный человек, который, решив навести порядок на вверенной ему территории, развернул нешуточную кампанию по борьбе с незаконными постройками, к которым отнес и голубятню Арифа.

Ариф отчаянно сопротивлялся этому варварству, кричал, ругался, даже сочинил и отнес в ЖЭК коллективное заявление от соседей о том, что им голубятня не мешает, а даже чуть ли не помогает жить, трудиться и неуклонно повышать производительность труда.

Все тщетно: начальник ЖЭКа подключил к делу тяжелую артиллерию в лице нашего участкового, и пришлось Арифу, со слезами на глазах, ломать свой самострой, часть голубей отдать друзьям-голубеводам, а своих любимцев отвезти в частный дом сестры, которая жила в поселке, рядом с городом.

На Арифа было страшно смотреть: он маялся, томился, места себе не находил, переживая за своих питомцев, и каждые выходные срывался в гости к сестре, навестить пернатых.

Зато Лариса ходила счастливая, никак не нарадуясь такому неожиданному везению.

Спустя год они получили 3-комнатную квартиру в спальном районе и уехали из нашего двора. Через полтора месяца Ариф всех пригласил на новоселье. Мы набрали вина, фруктов, сладостей и приехали к нему домой. Квартира была большая, на последнем, девятом этаже, с окнами на две стороны, со скромным, но вполне приличным по тем временам ремонтом. Казалось бы, живи и радуйся, особенно после той душной клетушки, где они обитали раньше. Но Лариса почему-то смотрела на нас невеселым взглядом, и мы поинтересовались, по какой такой причине она грустит. Она повела нас на большую лоджию, где отчетливо слышалось курлыканье голубей, столь неуместное в многоэтажке. В самом деле – там стоял большой самодельный шкаф, приспособленный под голубятню, весь пол был загажен голубиным пометом, а по перилам важно расхаживали маленький, деловой Карапет, ослепительно белая Беляночка и важный Гямбул…

Хорошо, когда человек чем-то увлечен: один марки собирает, другой – винные этикетки, третий на спичечные коробки не надышится. Главное, чтобы это увлечение не превращалось в одержимость, отравляющую жизнь твоим близким. Как это произошло с нашим другом – Арифом.

Цветок целомудрия

При сем скажу: кто сеет скупо,
тот скупо и пожнет;
а кто сеет щедро,
тот щедро и пожнет.

Библия

На дух не переношу жадных людей, считая скупость одним из самых отвратительных людских пороков. По натуре я ужасный транжира, никогда не превращавший деньги в фетиш, с удовольствием, иногда бездумно, трачу их, когда они имеются, и не очень огорчаюсь, когда они временно отсутствуют. Слава Богу: синее небо, плывущие по нему облака, весенние рассветы и летние закаты, трель птиц и дымку над озером в предрассветный час ушлые дельцы еще не успели приватизировать и монетизировать, и ими, даже в наше «чудесное» время, можно наслаждаться, не имея и гроша в кармане. Ну, а на хлеб с маслом и новые брюки я еще в состоянии заработать.

Всегда с брезгливостью наблюдал за людьми, посвятившими всю свою жизнь скопидомству и накопительству и жертвующими, в угоду этой болезненной, выгрызающей душу страсти, радостями жизни, любовью, общением, дружбой и даже собственным здоровьем, не понимая, что жизнь дается нам всего лишь раз, и быть самым богатым на кладбище – весьма сомнительное удовольствие. Индийское изречение гласит: «Человек, который имеет деньги и ничего не тратит для собственного удовольствия, подобен соломенному чучелу, охраняющему на поле чужое зерно».

Помню, как серо и скупо жила моя бездетная тетка со своим мужем, который, работая металлургом, получал очень солидные по тем временам 450 рублей в месяц (почти профессорское жалованье), что вкупе с теткиными 150 рублями позволяло им жить на широкую ногу. Позволяло, но они не жили, питаясь преимущественно тем, что давал их приусадебный участок, на котором они пахали, как волы, все лето и часть осени, света белого не видя, не позволяя себе ни шашлычка под винишко, ни походов в кино, театр или на концерт, ни поездок на отдых.

Не помню, чтобы я ел у них в гостях мясо, не потому, что они были привержены вегетарианству – отнюдь. Придя к нам в гости, они за обе щеки уплетали и шашлык,

и люля, и кюфта-бозбаш[1], готовить который моя мама была большой мастерицей.

Апофеозом чревоугодия в их доме был борщ, сваренный из супового набора, гречневая каша с грибами, чекушка самогона на столе и слипшаяся карамель к жидкому чаю. Это по большим праздникам, а в будние дни – бесконечная манка, рис и перловка, домашние соленья и «партизанский» травяной чай «с таком». Дошло до того, что мама приходила к своей двоюродной сестре на чай исключительно с пачкой черного чая «Три слона», чтобы не пить ту смородиновую бурду.

Так они и жили, оба два, преданно и самозабвенно служа Мамоне и откладывая в кубышку каждый рваный рубль. А потеряв в начале девяностых все свои накопления, один за другим скончались, не от каких-то особых болезней и немощей, а скорее всего, от огорчения.

Вторым, весьма колоритным представителем этой жалкой породы «Скупых рыцарей» был мой однокурскник Саша, который жил в Сумгайыте (город-спутник, в 35 км от Баку), во вполне благополучной семье инженеров, и постоянно клянчил у нас рубль или трешницу на обратный проезд домой, придумывая при этом душераздирающие истории о том, как его ограбили хулиганы по дороге в институт, избавив от всей имеющейся наличности, или вытащили бумажник в переполненном автобусе, или родители уехали в командировку, оставив бедное дитя с пустым холодильником и без копейки денег.

Вариаций у этих жалобных и лживых историй было великое множество, все долги он клятвенно обещал вернуть с ближайшей стипендии, их возврата мы ждем по сю пору. Проценты за 40 лет набежали просто фантастические!!!

Естественно, девушек он сторонился – слишком неблагодарное и затратное это занятие водить их в кафе или кино и дарить цветы с конфетами, на дни рождения не ходил – стыдно прийти без подарка, а потратиться на него просто нет мочи. По перечисленным выше причинам друзей и возлюбленной Саша не имел и вел одинокую, аскетическую, почти монашескую, жизнь все пять лет нашего совместного ученичества.

В девяностые годы я случайно встретил его, самодовольного и располневшего, как кабан, на московской улице. Мы зашли в ближайшее кафе, расписав там на пару бутылку коньяка. Он в ту пору руководил какой-то финансовой компанией, козырял богатством, виллой на юге Франции, близким знакомством с олигархами и любезно позволил мне расплатиться по счету, заявив, что не носит с собой наличные. Затем сел в поджидавший его «Мерседес» с водителем и укатил из моей жизни. Надеюсь, навсегда!

Но всех этих жрецов храма золотого тельца перещеголяла моя незабываемая соседка по бакинской улице. Жила в соседнем с нами дворе одинокая, ветхая и древняя старуха. Фамилия ее была Амбарцумян, а имя (вы не поверите!) Аскарида. Не знаю, чем уж так угодил ее родителям небезызвестный кишечный червь-паразит, что они назвали дочку в его честь? Возможно, им казалось, что сочетание фамилии Амбарцумян и имени Аскарида звучит очень музыкально. Тем не менее, прожила она с этим именем, которое наверняка вызывало усмешку у всех, кто был хоть немного знаком с зоологией, всю свою долгую жизнь. На нашей улице ее все звали бабушкой Асей.

Одета она была постоянно в черное платье-балахон, с непременным теплым платком на седой, с большими залысинами, голове и в спущенных нитяных чулках, которые не снимала, как и платок, даже в самую лютую жару, когда плавился асфальт и воздух был схож по консистенции с горячим бульоном.

Любимым ее занятием было сидеть на низенькой табуретке у ворот своего двора, читать засаленные книжицы с описанием жития каких-то святых или рассказывать истории о былом и своей, очень далекой, юности.

[1] Кюфта-бозбаш – традиционное мясное блюдо азербайджанской кухни.

В основном про то, как безумно в нее, юную и очаровательную горничную, был влюблен седовласый генерал английского экспедиционного корпуса. Не давал прохода, готов был бросить ради нее семью, обещал роскошную жизнь в своем родовом замке в Шотландии и даже близко познакомить любимую с представителями династии Виндзоров.

Но она осталась навеки верна своему безвременно ушедшему из жизни деревенскому жениху Араму и, твердо отказав безутешному англичанину, так и осталась одинокой и невинной. Должен сказать, что у сладострастного пожилого генерала был очень своеобразный, даже, я бы сказал, экзотический вкус. Поскольку с девичьих фотографий, украшавших облупленные стены ее крайне запущенной квартиры, на вас смотрела тощая, плоскогрудая и крючконосая девица с унылой, кривой улыбкой.

Когда я, впервые услышав эту историю, пересказывал ее своей бабушке, то она, жившая на нашей улице с конца двадцатых годов и прекрасно знавшая подноготную всех ее обитателей, фыркнула: «Тоже мне –цветок целомудрия! Она эту квартиру получила в 37-м, как заслуженный сексот[1] НКВД! Да и монашкой никогда не была. Нашлась, понимаешь, мать Тереза! Пусть лучше вспомнит, скольких она отправила в магаданские лагеря!»

Бабушка была человеком вспыльчивым, как и я, но добрым и отходчивым, и, приготовив свой любимый торт «Кудряш», всегда отрезала от него большой кусок, клала на тарелку и говорила мне: «Отнеси его бабе Асе».

Бабу Асю, которая была похожа в своем черном наряде на говорящую мумию, жалела и подкармливала вся улица. Кто испечет и принесет ей пирожки, кто – супа в банке, кто – сладостей. Особенно она любила венгерский конфитюр и в ответ на вежливый вопрос «Баба Ася, как здоровье?» подвывала тонким и жалобным голосом: «Бабушка кондитер (в смысле конфитюр) хочет!» Естественно, тут же намазывался толстым слоем конфитюра хлеб и приносился страждущей бабуле, которая с удовольствием его разжевывала беззубым ртом. Ближе к вечеру она частенько ковыляла на рынок, где ей бесплатно насыпали в сумку немного подпорченные фрукты, слегка увядшую зелень, картошку, овощи. Так она и дожила, побираясь, до самой смерти. Хоронили ее всей улицей, собрав по рублю со всех соседей и даже под аккомпанемент траурного оркестра. Благо, что живший в нашем дворе Рачик подрабатывал в нем.

А когда после похорон стали убирать и выбрасывать на помойку накопившийся в ее квартире хлам, то обнаружили в закрытом на ключ ящике колченогого письменного стола сберкнижку на 11 тысяч рублей (что в те времена равнялось стоимости 2-х кооперативных квартир в Москве) и пять золотых империалов царской чеканки, которые заныкала старая скопидомка. Конечно, все были в шоке от этой находки. Особенно возмущалась мать семерых детей Седа: «Я от детей кусок отрывала, кормила эту старую ведьму. А она, оказывается, на мешке с деньгами сидела!» И это был один из немногих случаев, когда с Седой были согласны абсолютно все соседи.

На деньги, вырученные от продажи монет подпольным ювелирам, в качестве компенсации за моральный вред, причиненный вероломной старухой и подорванную ею веру в человеческое благородство, было решено закатить общий пир для нашего и соседнего дворов. Гуляли и пили все выходные, поминая недобрым словом покойницу, которая, наверняка, смотрела сверху (а скорее всего – снизу!) на это расточительство и задыхалась от жадности.

---

[1] Сексот – секретный сотрудник.

МАРАТ ШАФИЕВ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БАКИНСКОЙ ПОЭЗИИ

«И всё же мне удел завидный дан…»

Подросток, выскочив на зимнюю улицу в белорусском посёлке Кубличи, угодил под тяжёлые сани, и ему отпилили правую ногу до колена. Во время погрома убили отца, и в 1928 году мама вывезла его с младшей сестрёнкой в Баку. Была ещё и старшая сестра, но Фаина жила в Ленинграде и погибла позже от голода в блокаду… Страшная участь ожидала и жителей Кубличей.

Из материалов Чрезвычайной комиссии о злодеяниях немцев на территории Ушачского района (Госархив Российской Федерации, ф. 7021, опись 92, лист 229): *«В декабре 1941 года было привезено из местечка Кубличи, Бобыничи и Усы еврейское население… 12 января 1942 года из лагеря всех евреев …под конвоем погнали по Долецкой улице на русское кладбище. За кладбищем заранее были выкопаны две большие ямы … немецкие палачи заставляли раздеваться людей до нижнего белья. Заставляли ложиться в ряд на дно ямы, после чего расстреливали. Маленьких детей штыками прокалывали и бросали в яму. Так, с 10 утра до 4 часов вечера, были расстреляны свыше 900 граждан. Заполнив две ямы трупами, ямы закопали»*.

Если в начале двадцатого века население Кубличи составляло 1800 человек, свыше 1600 – евреи, то после войны евреев не осталось. *«Я мёртв. Землёй меня еле присыпали./ Я лежу под талой водой во рву»*, – об этой трагедии Абрам Плавник ещё напишет в своей поэме «Двойник».

До совершеннолетия ***Абрам Львович Плавник*** (родился 1 августа 1916 года) воспитывался в детском доме, затем заведовал школьной библиотекой, работал в газете «Бакинский рабочий», заочно учился в педагогическом институте. Ещё до войны началась его профессиональная литературная деятельность. С 1939 года он член Союза писателей СССР. Помимо написания собственных книг: «Товарищ уходит на фронт» (1942), «Ветер с Востока» (1944), «Лист на камне» (1947), «Город моей судьбы» (1949), «Стихи» (1950), «Мирный день» (1952), «Мои знакомые» (1954), «Журавли над бухтой» (Москва, издательство Советский писатель, тираж 25 000, 1961), «Совесть» (1964), «Испытание на разрыв» (1966), «Добрые люди» (1977), «Сочувствие» (1979), он переводит средневековых азербайджанских классиков: Низами, Насими, Натаван, Сеид-Азима Ширвани, народный эпос «Кёроглу», Касумбека Закира, а также своих современников: Самеда Вургуна, Мамеда Рагима, Сулеймана Рустама, Расула Рза, Габиля и других, составляет альманахи «Поэты Южного Азербайджана», «Песни труда и мира», «Голоса молодых», «Поэтический венок».

В конце войны соседями по коммуналке на улице Димитрова оказались Паукеры. Главе семьи – Владимиру Александровичу – посвящено стихотворение «Портрет»: *«Когда ещё соседи спят,/ Пешочком по привычке,/ Шагает старый фтизиатр/ С портфелем к электричке…»* Фтизиатр, кто не знает – это врач, лечащий туберкулёз. И уж не сострадание ли к соседу, желание помочь определило будущую профессию подростка Саши Паукера – ортопеда-травматолога?

На новое местожительство (Дом писателей на улице Узеира Гаджибекова, напротив Дома Советов) тоже переехали вместе, теперь Плавник и Паукеры – соседи по подъезду: вместе вечеряли, справляли праздники.

Да, Плавник умел дружить. Он и Иосиф Оратовский в 50-60-е годы определяли всю литературную атмосферу русскоязычной бакинской поэзии. Это была странная пара: инвалид детства, бобыль, взрывчатый и голосистый Плавник и герой войны, семьянин, философски-спокойный и малоразговорчивый Оратовский. Не сколько работа (в журнале «Литературный Азербайджан» Оратовский был ответственным секретарём, а Плавник руководил отделом поэзии; в Союзе писателей они вели совместно по четвергам поэтические собрания) – подобные противоречия могла примирить и сплавить только стихия поэзии: *«Я трудно жил./ Я знал беду большую./ И всё же мне/ удел завидный дан:/ Над скромною душой моей/ бушует/ Великой русской речи/ Океан…»* И через три года после смерти Оратовского, Плавник пробил издание «Избранного» своего друга, сам выбрал стихи и написал предисловие.

Заядлый курильщик Плавник дымил беспрестанно: папиросы или даже гаванские сигары – лёгкие стали ни к чёрту…

5 октября 1979 года, возвращаясь с Еврейского кладбища, толпа редела, разбилась на кучки. Один из членов редколлегии «Литературного Азербайджана» вдруг сказал: «По правде говоря, покойный был поэтом средней руки, и стихи его обречены на забвение». Говорил, больше обращаясь к Мансуру Векилову, вероятно, предполагая найти в нём союзника. Мансур как никто другой разбирался в стихах, но тогда он промолчал. А наутро пришёл в редакцию с новым стихотворением:

«Хоронили Плавника/ Гроб качался плавненько/ На шести плечах./ Как на костылях./ Он опоры лишней/ Не имел при жизни, –/ Нёс его талант/ На ноге единственной/ С костылем воинственным,/ Торс вперёд бросая,/ Словно бы таран./ …Голубел глазами,/ Хохотал над шуткою,/ Чётками бряцая,/ Ещё вчера,/ А сегодня – музыка,/ Траурная музыка:/ Там... Там... – пора.../ Голова закинута/ К небесам,/ Ветерок последний/ Треплет волоса, –/ Там.../ Там.../ Там...»

Стихотворение, не неся в себе никакого категорического императива, в то же время было глубоко лиричным и человечным. Да и кто мы такие, чтобы судить? Что мы знаем о Высшем Предопределении? Да, в юности Плавник мог недрогнувшей рукой и с чистой совестью (он ли один?) написать нечто, более похожее на агитку: *«И видит бездомный в Чикаго,/ И видит французский горняк –/ Советское светлое зданье,/ Счастливый семейный очаг!»*, но в зрелые годы произошло проникновение в другие глубины. Он сам отлично сознавал это различие: *«Не верьте стихам ранним,/ Верьте стихам поздним…/ Поздние вам блеснут,/ Как луч на ветру морозном./ Поздние меньше лгут./ Верьте стихам поздним»*. В интерпретации Плавника проблема первых и последних звучит так: *«Но счастье в том, что не по чьей-то воле,/ Не режиссёр, а жизнь в конце концов/ Перераспределяет наши роли,/ Заглавные, вторые, и без слов»*.

Архив Плавника хранится в московском ЦГАЛИ (Аз. ССР, ф. 397, 14 д., 1940 – 1970)

Абрам Плавник

Очередь военных лет

Наши юные дочери,
Наши старые матери,
За картошкою в очередь
Становились вы затемно,

За селёдкой, за крупами,
В кацавейках коротких.
А над вами из рупора –
Военные сводки.

Ваши лица усталы
И сосредоточены.
Огибая кварталы,
Ворочается
Очередь.

Жили вы, устроители
Скудного быта,
Без распределителей
И без лимита,
Не могли себя потчевать
Куском подороже.
И сжимается очередь,
Как шагренева кожа.

Вижу гордости меру
В морщинах у глаз...
Сколько горестной веры
И терпенья у вас!

То крича, то со вздохом,
Прислонившись к стене,
Вы стыдили пройдоху,
Получившего «вне».

Я и ныне встречаю
Представителей племени,
Что, других отстраняя,
Всё берут раньше времени.

Узнаю их по почерку,
По грошовой цене,
Нарушающих очередь,
Получающих «вне»...

Так встречай же с поклоном
Тех, кто сердцем не слеп,
Кто домой по талонам
Приносил тебе хлеб.

Девушка с консервного завода

Во дворе консервного завода
Пахнет рыбьим жиром, морем, йодом,
Пахнет жестью тонкой, серебристой,
У ограды рыбой пахнут листья.
Чешуей в траве сверкают блики.
Розы у завода пахнут килькой.

В цехе влажном, в едких клубах пара
Эту рыбу в бурых чанах варят,
Кипятят её нещадно в масле,
И ещё премудростей здесь масса.

А вблизи, за стенами завода –
Каспия чешуйчатые воды.
Ярки субтропические травы,
Венценосны гор талышских главы,
И от складов в мир бегут зелёный
Банками гружёные вагоны.

Девочка в отглаженном халате,
У тебя нелёгкая зарплата.
В воздухе, от испарений липком,
Года два не ела ты ни рыбки,
Года два руки движеньем мерным
Ты по кругу подаёшь консервы.

Из ворот выходит ежедневно
Рыбою пропахшая царевна,
Тонкая, в промасленном халате,
С серебром чешуйчатым во взгляде.

Строгая властительница рыбы,
Ты во сне услышишь шорох зыби,
Запахами роз пропахший ветер
И духи, тончайшие на свете.

И в окно тебе ударит ветка –
Ветка с ленкоранской этикетки…

На его могилу не приносят цветов

Николай Борисович Хатунцев родился и умер в городе Баку (1932 – 2004).

Его отец прибыл из Саратова, откликнувшись на призыв: поднимать науку на былых царских окраинах. Дед – Николай Николаевич – действительный статский советник, некогда руководил строительством Китайско-Восточной железной дороги, а его потомки жили в доме, который находился в тупике улицы Красного Аскера: спаянные, как пчелиные соты, в одно целое «итальянские» дворики, над которыми, подобно дыму соседней городской бани, витал дух бакинского коллективизма.

Хатунцев учился в школе № 6 (1940 – 1950). Ещё в детстве он перечитал всё, что только возможно – мама заведовала библиотекой имени Короленко. В 1948 году победил в юношеском чемпионате города по шахматам и в составе сборной республики участвовал в командном чемпионате СССР, где, играя на первой доске, свёл вничью партии против будущего чемпиона мира Спасского и будущего гроссмейстера Лутикова.

Образование он получил юридическое, но в систему, где надо следовать специфическим правилам, молодой заместитель прокурора одного из районов не вписался и пришлось переквалифицироваться в литераторы: газета «Молодёжь Азербайджана», почти сорок лет (1965 – 2003) – главный редактор издательства «Элм» при Академии наук Азербайджана.

В 1980 году под влиянием старшей сестры увлёкся Живой этикой Рериха: *«Именно она со свойственными ей настойчивостью и энтузиазмом находила редкие книги, пожелтевшие дореволюционные издания, копии с копий, густо перепечатанные через один интервал на папирусной бумаге. А сколько вот таких копий напечатала она сама, полуслепая, часами сидя за своей допотопной машинкой!»*

О Елене – разговор отдельный. Школьная золотая медалистка заболела костным туберкулёзом, несколько лет провела в неподвижности, закованная в гипс; однако закончила с отличием заочно два института: филологический и иностранных языков. Выздоровев, преподавала русский язык в Ахундовском педагогическом, защитила кандидатскую, перевела с английского солидное по объёму «Посвящение» Элизабет Хейч, выдержавшее два издания в московском издательстве «Сфера» (1993, 1998). Елена и сама писала стихи, но исключительно духовного плана.

При газете «Вышка» Хатунцев вёл литературное объединение «Родник». Если прежний наставник Владимир Кафаров был аристократичен, порою едко-беспощаден, то Хатунцев, наоборот – мягок, терпелив, демократичен. Однажды меня попенял за рифму «порфира – квартира», говорил, что в данном контексте она искусственно сконструирована, а всякая рифма должна быть естественной, как дыхание. Ещё запомнилось: *«Первую книгу надо выпускать, когда твёрдо решил судьбу связать с литературой»* или: *«Таланта мало, нужна и толика удачи; но в поэзии даже графоман спасается одной бессмертной строчкой»*. С удовольствием вспоминаю те удивительные меджлисы! С распадом Империи расслоилось общество, кого здесь только не встречали: от увешанной золотом жены олигарха до горемыки (филолога-аспиранта), только вышедшего из психушки, в рубашке на голое тело, в тапочках на босу ногу. Но всё равно – единое цеховое содружество, и ценилось совсем другое богатство: золотые россыпи слов и души.

Прогрессирующее заболевание головного мозга привело к расстройству речи, неподвижности. Приходила к нему сиделка, навещали ученики, но после потери сестры, жены и сына не покидало ощущение его громадного одиночества. Смерть его сопровождалась некрасивой историей с делёжкой квартиры, пропажей архива. Он успел ещё сдать в типографию рукопись, но печатать её уже никто не желал. Тофик Агаев – друг с 60-летним стажем – забрал рукопись, на 16 лет она запропастилась, а потом прибилась ко мне, и я создал её электронную версию.

На могилу Хатунцева поставили простой камень, никто сюда не ходит. Все книги Хатунцева выходили в Баку: «Восхождение» (1978), «Связь времён» (1981), «Свет» (1984), «Донести огонь» (1987), «Единение» (1992), «Голоса» (1998), «Товарищ, верь!» (поэма, 1999), «Любимый портрет» (2000), «Смотрите вверх» (2001). Переводы Низами – более 50 газелей, рубаи, начальные главы поэмы «Лейла и Меджнун» – вошли в ряд академических изданий.

Николай Хатунцев

Баллада о солдате

Я не был на войне. Я только слышал
О ней. Я видел взрывы лишь в кино.
Весь мир был домом с сорванною крышей,
И бомбы с визгом рвали полотно.

Составы брали с боем у перронов,
Гудела канонада вдалеке,
И девочка бросалась из вагона,
Зажав свои пожитки в узелке.

И видел я, раскрыв глаза сухие,
Как люди шли и падали в пыли,
Горели нивы добрые России,
До полустанков беженцы брели.

Как будто свет закрыла злая небыль,
И вот – почти в беспамятстве, в бреду,
Под тёмно-серым закопчённым небом,
Мне кажется, что это я иду.

Что это я, контуженный в атаке,
Держусь за вбитый в бруствере костыль,
А из-за дыма наползают танки,
Чтоб мой окопчик разутюжить в пыль.

Мучительно закладывая уши,
Вспухают взрывы, недра шевеля,
И в ноздри набивается и душит
Горячая и едкая земля.

И через миг, вцепившись в ручки кресла,
Я примеряюсь, как взлетит в броске
Бутылка липкая с горючей смесью,
Расчётливо зажатая в руке.

Прощание с Капитаном

В Библии встречаем: время и место. В случае с Мансуром Векиловым удар был точечным. Чтобы быть редактором, мало самому прилично писать, в характере должна проявляться склонность к жертвенности (не от деда-врача ли, высасывающего туберкулёзные палочки через трубочку из лёгких больного?). Всё происходило на наших глазах: Мансур часами правил, чиркал, кроил – сколько метафор, образов, сравнений, которые могли бы украсить его стихи, он щедро раздарил чужим людям. *«Я утонул в двадцатом веке»*, – с не меньшим основанием он мог сказать: я растворился в Журнале.

Аристократ по рождению и демократ по духу – в прежде элитный журнал, представленный лишь народными и заслуженными, он открыл дверь широким массам. Конечно, легче работать по крупным, легко осваиваемым месторождениям, но Мансур почему-то предпочёл перелопачивать тонны пустой породы в поисках одной золотинки. Энергоёмкое и затратное производство. В ущерб собственному здоровью, зрению, жизни.

Наверное, это войдёт в легенду. У одной бедной старушки из всего представленного огромного материала стихопрозы он выдернул по одной строчке, и все ахнули, кинулись поздравлять ошеломлённую старушку с успехом, заговорили о возрождении традиций Древнего Рима, не подозревая, что всё это не откровение автора, а проделки Редактора.

Но несмотря на открытость и кажущуюся мягкость, Мансур был принципиален в главном. При мне он отказал в публикации своему старинному другу, и поколебать, заболтать его было невозможно. Мансур был способен на поступок. В тревожный январь девяностого года, когда город заполонили беженцы, жаждущие мщения, он встал на их пути, не пропуская на пятый этаж здания, где по соседству с его кабинетом располагалась и редакция армянского журнала.

Он мог… Его однокашник Эмиль Агаев рассказывал, как юный Мансур прыгнул в море с высокой скалы. Но вот чему я свидетель: в сентябрьском холодном Бильгя я так и не решился вступить в неспокойное море. Каково же было моё удивление, когда встретил весёлого, уже успевшего ополоснуться шестидесяти восьмилетнего Мансура.

Я не говорю Мансур Фахриевич, хотя гожусь ему в сыновья, Мансур – это имя уже стало нарицательным, вне времени.

Но если о Мансуре, то, прежде всего, о Поэте. Чуткость к слову, звуку у него феноменальная, как у композитора. Мансур с лёгкостью находил фальшивую нотку даже в стихах мэтров; все местные авторы в первую очередь жаждали его признания. Публикация в журнале – как печать ОТК, стихотворение состоялось.

Однажды я принёс своё, заканчивающееся: «Завет Небесной выси и Земли». Он напечатал, но, в присущей ему манере, обрубив последнюю строфу. Урок этот пошёл мне впрок.

В его стихах всегда удивляла их изящная простота; с какой скупостью, без излишней высокопарности можно выразить самое важное. Поэтическое кредо, точно соответствующее характеру Мансура. Конечно, в Баку много крупных поэтов, но стихи Мансура узнавались – они были какими-то летучими, невесомыми, музыкальными, как пёрышко птицы. (Ко всему прочему, это и усвоение певучей интонации азербайджанской речи.) Недаром его стихи любят исполнять барды: Сергей Аранович, Ибрагим Имамалиев, Георгий Черногоров. А его песня к фильму по сценарию Рустама Ибрагимбекова «Перед закрытой дверью» 1981 года (композитор Эмин Сабитоглу, азербайджанский текст Фикрета Годжи) звучала во всех бакинских ресторанах.

Моё представление о Мансуре как об исключительном лирике впервые разрушило следующее стихотворение: *«В бреду, в поту/ не выговорят губы/ волшебных слов,/ язык, как жернов грубый,/ ворочается медленно во рту… Но лишь мучица бледная слетает/ и моментально тает/ на ветру./ Но есть во мне/ те самые слова! Они в глубинах подсознанья зреют,/ нетронутые, стройно зеленеют,/ одни и те ж – / для мук и торжества. Для птицы и змеи,/ для недруга и друга,/ для эллипса, угольника и круга,/ для новорождённого/ и для старика, –/ одни и те ж,/ на вечные века./ Да, да, я знаю, слов подобных нет. Слова – лишь знаки,/ их обожествленье – / нетрезво и достойно осужденья. Я соглашаюсь с этим рассужденьем. Но тайно верю, что они – / во мне»*.

Человек блуждает в поисках Истины, тогда как Истина никогда не отходила от него, она и есть его внутреннее глубинное течение, сердце сердца. Эта мысль глубоко философская и даже более – мистическая. Был ли Мансур человеком религиозным? Вера и неверие, как и у всех нас, сшибались в бесконечной схватке. Но вот послушайте: *«Спаси меня/ И охрани/ От слабости и от испуга/ И взглядом,/ Словно сталью плуга,/ Как пласт земли – / Переверни!/ Пусть тёмное моё нутро,/ Блеснув освобождённой кровью,/ Вознаградит тебя/ Любовью/ За беспощадное добро»*. Если местоимение «ты» написать с заглавной буквы, всё становится на свои места.

Понадобились стихи для альманаха о Великой Отечественной или Карабахской войне. Но таковые у него не обнаружились. Мансур был патриотом не меньше тех, кто громогласно трубил на всех перекрёстках – чего стоит только одно его стихотворение «Азиз дияр»: *«Азербайджан!/ Купель огня,/ Гряда несокрушимых башен./ Я твой навеки,/ Ибо я/ Из праха твоего заквашен./ Во мне, как терпкое вино,/ Твой дух струится по излукам./ Возвысь, низвергни – всё равно!/ Лишь не казни меня разлукой»*. (И подтвердил свою клятву делом, когда в начале девяностых журнал выходил раз в три-четыре месяца, и зарплата мизерная, он буквально остался единственным солдатом в продуваемом сквозняком кабинете, закутанный в пальто, как в солдатскую шинель, и со злостью говорил: буду и один выпускать журнал!) (*«Жаль, что на жизнь –/ На всю!/ Мне злости не хватает…»*)

Но в отличие от «заказных» виршеплётов, имеющих стихи на все случаи жизни, писал только то, что испытал сам, что стало памятью сердца – *«Но подумал: ведь ты там не был,/ Где ж ты будешь искать слова?»*

Как-то я вывел формулу: крупный поэт – это сбывшиеся пророчества.

«Я слышу:/ Корни корчатся во мраке/ Врагами обескровленной земли./ Я вижу – маки,/ Огненные маки,/ Как капли крови,/ Над землёй взошли/ Под горькие напевы Физули…» Казалось бы ничего необыкновенного, если не знать, что стихотворение «Мугам» написано ещё в светлом прошлом – в эпоху развитого социализма и дружбы народов, и город Физули не лежал в руинах. И тогда же напророчил себе ноябрьские поминки: *«Птичий щебет в ноябре –/ Словно льдинки,/ Раскололась небесная синь…/ Заходи-ка, друг, ко мне/ На поминки»* и тишину «у бакинских Волчьих ворот».

Светлой памяти своего двоюродного брата Надира он посвятил «Ступени в рай»: *«Если меркнет свет в глазах,/ Значит, ждут на небесах –/ На земле темнеет./ Вот ступень,/ ещё ступень,/ А за нею – снова тень,/ И нога слабеет…/ Брат мой!/ Мой любимый брат!/ Если б выпало стократ/ Нам привольной жизни,/ Я б сильнее горевал,/ Я б к ней путь не затевал –/Кладбищу-отчизне./ Ты меня опередил:/ К ней тропинку проторил,/ Ну а там – просторно,/ Там лежат баба, няня,/ С ними – близкая родня:/ Ждут Святого Горна./ Рядом – Тот и Этот свет:/ Здесь – болезни,/ Там их нет./ Там… – Никто не знает,/ Что же Там? – И ты молчишь…/ Над стеклом могильных крыш/ Лишь звезда мерцает»*. Чувствуете ли вы пронзительное предощущение Неотвратимого? На участке кладбища, где покоится род Векиловых, не осталось места, и самого Мансура положили поверх могилы Надира.

Однажды он сказал: «Два татарских Ахмата породили русскую поэзию: Ахматову и Ахмадулину». «Так и мой отец – Ахмед», – обрадовался я. «Не примазывайся».

Как Мансур относился к моим стихам? Не знаю. Печатал два раза в год – вот и оценка. Но однажды он позвонил Алине, члену редколлегии, и с воодушевлением прочёл мой «Целлофановый век». Да и себя Мансур поэтом называть стеснялся, так и написал: *«Ухватить бы за шиворот,/ И за стол усадить,/ И на долгую муку/ Себя осудить./ На великую муку –/ Сроком в тысячу лет, –/ Вот при этом,/ Может, стал бы поэтом!/ А может быть, нет…»*

О значительных людях любят рассказывать байки.

Как-то в два часа ночи Мансур явился к Максуду Ибрагимбекову, желая потрясти его новой поэмой. Но Максуд был настроен решительно: «Я знаю в городе только одного человека, способного в такое время понять тебя», и отослал беспокойного поэта к соседу по Дому писателей, живущему двумя этажами ниже. И пришлось уже Анару, как человеку деликатному, бодрствовать с Мансуром до рассвета.

Говорю Мансуру: поздравляю с новой рифмой к «люблю». Только что спели по радио: «Может, я,/ может, ю,/ Может, я тебя люблю».

Он ответил: я так давным-давно рифмовал. *«Точно так и музыка/ Слову не подвластна./ Просочится,/ Выскользнет/ В узенькое Ю./ И услышишь снова/ Только вой протяжный/ Вместо самой лучшей музыки:/ Лю-блю»*.

Мансур Фахри оглу Векилов родился 7 сентября 1939 года в городе Баку.

В 1991 году возглавил «Литературный Азербайджан». А работать в журнале (младшим литсотрудником) начал с 1961 года, сразу же после окончания филфака Азербайджанского государственного университета. Но связь с Журналом более глубокая – первое стихотворение Мансура опубликовано именно в «ЛитАзе» (№8, 1959г.) Лауреат международной премии «Хумай», в 1999 году награждён юбилейной Пушкинской медалью. Кавалер ордена «Знак почёта», заслуженный деятель искусств Азербайджана. Книги: «Стихи» (1965), «Плеск весла» (1970), «Последнее признание» (1977), «Встречный выстрел» (!980), «Сегодня ещё не поздно» (1987), «Лирика», «Море моё» (2006), «Стихи разных лет и столетий» (2007).

31 декабря 2006 года я вижу во сне пишущего Мансура. Заглядываю через его плечо в бумажный лист: сплошные математические формулы. Утром осознаю: алгоритм поэзии! Сон ему нравится, в ответ делится сокровенным: «Пришёл умерший товарищ. – Как тебе удалось? Оттуда не возвращаются. – Потом расскажу». Этот сон я вставил в свой рассказ. Мансур прочёл, ухмыльнулся и напечатал.

Умер 21 октября 2008 года.

Начало октября 2008 года – у Мансура дома.

«Обещайте, – говорю я, – к семидесятилетию… такое интервью сварганим, утрём всем нос».

Перед тем как сказать, Мансур причмокивал губами, будто пробовал слова на вкус, поэтому паузы были длинными (только стихи писал стремительно). Но здесь пауза особенно затянулась. Наконец: «Поглядим». Теперь я понимаю это молчание, в уме он прикинул: стоит ли ему тянуть ещё год ради такого пустяка.

Мансур однажды с горечью признался, что был плохим сыном. Наверное, сознательное кельничество Мансура в последние годы жизни, отказ от любой помощи и было в его представлении искуплением той давней вины. Что меня поразило при последней с ним встрече (Союз писателей закрыли на ремонт, и он приглашал авторов с рукописями на дом; квартира в дальнем 4-ом микрорайоне выглядела на удивление бедно – *«С прибыточною славою/ Мне в жизни не везло./ Но разве это главное? –/ И пусто – да светло!»*) – зачерствелый, покрывшийся плесенью хлеб. Нет, он не бедствовал (получал президентскую пенсию), холодильник был упакован по полному – имелся даже балык. Он просто не замечал: ел он сегодня или нет. Смотрел телевизор, не пропускал ни одного документального фильма. Но при всём этом кажущемся любопытстве к новой информации, интерес к жизни в нём иссяк.

Статья Алины, заканчивающаяся: *«Прощайте, Мансур муаллим»*.

Анар знает нечто большее: *«Прощай и здравствуй»*.

P. S. 28 февраля 2009: из его мраморного надгробия сделано десять чёрных блестящих отполированных пепельниц в виде черепа и вручаются на собрании писателям. Всё мимо и мимо. И вздох радости: последний экземпляр – мне. Дурацкий сон. Но хорошо бы, чтобы поэтическая Премия имени Мансура Векилова стала явью.

И мой запоздалый, увы, уже ненужный ему ответ:

«Как соберусь – так дождь, / грязь непролазная кладбища».

«А если нет, мне хватит и дождя», – сказал.

Ну вот он дождь. А нам тебя так не хватает.

У меня в руках раритет – тонюсенькая брошюрка 1965 года, несколько вытянутая по горизонтали (тираж 3000, цена 10 коп.) Первая его книга. Сразу натыкаюсь на стихотворение «Мой капитан». И здесь же поэма «Звёздные люди» (апрель 1961 года): *«Как становятся капитанами,/ Как становятся великанами,/ Как становятся космонавтами –/ Разве знают об этом люди?»* Значит, и я угадал с названием этой статьи.

АИДА ФЕЙЗУЛЛАЕВА

ТАЙНЫ ГЕНИЯ

(К изучению творчества Ф.М.Достоевского в Азербайджане)

Достоевский принадлежит к числу тех гениев, которые, преодолев пределы национальной культуры, становятся писателями мирового значения и принадлежат всем народам мира.

М.Г.Годжаев

В Азербайджане творчество Ф.М.Достоевского (1821–1881) всегда привлекало к себе пристальное внимание литературоведов и историков литературы. Своеобразна история зарождения достоевсковедения в нашей стране.

В азербайджанской литературной среде первые общие сведения о художественном наследии и творчестве Достоевского исходили от представителей прогрессивной азербайджанской интеллигенции, в статьях Фиридун бека Кочарли, Гусейна Джавида, Мамед Эмина Расулзаде, Алекпер Гариба Нахчыванлы, Юсиф Везира Чеменземинли и др., впервые заговоривших о русских поэтах и писателях XIX века.

В 1909 году на страницах газеты «Tərəqqi» («Прогресс») Ф.Кочарли наряду с Пушкиным, Гоголем, Некрасовым, Тургеневым, Гончаровым, Л.Толстым, Чеховым упоминает и Достоевского, называя их яркими представителями русского реализма, высвечивающими все тёмные и мрачные стороны социально-общественной жизни.

В 1915 году на страницах газеты «Açıq söz» («Открытое слово») Гусейн Джавид в статье «Война и литература», характеризуя Ф.Достоевского как «носителя глубокой мысли», с присущим для него «смелым стилем» письма, назвал его гением и духоведом, опередившим Ф.Ницше (1844–1900) своими философскими идеями. В дальнейшем, как известно, великий драматург творчески обогащался, учась у Достоевского. А своим студентам рассказывал о трудном и мучительном жизненном пути, богатом и глубоком творчестве русского писателя.

Одним из поклонников творчества Достоевского был и Мамед Эмин Расулзаде, который впервые в Азербайджане осуществил перевод из произведения Достоевского «Записки из мёртвого дома» (часть «Орёл» из главы «Каторжные животные»), заложив тем самым основу первого исторического этапа перевода произведений Достоевского на азербайджанский язык. Не оставаясь равнодушным к событиям, происходящим в начале XX века в Азербайджане, этот прогрессивный мыслитель в своих статьях не раз заводил разговор о Достоевском, оценивал его как национального и одновременно как мирового писателя. Он возвышал русского писателя-реалиста до Сервантеса и Гёте, считая их носителями общечеловеческих идей.

Ценные сведения о Достоевском сообщал в своих статьях и известный азербайджанский писатель Ю.В.Чеменземинли. «В начале XX века вся интеллигенция в Азербайджане, хорошо владеющая русским языком, с большим интересом читала, можно сказать, всех видных мастеров слова России – Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Чехова и др.».

В 70–80-е годы XX века, с наступлением нового этапа в изучении и исследовании творчества Достоевского, возрастает интерес и внимание к творческой личности сложного и противоречивого писателя.

Эти годы ознаменовались содержательными и ценными статьями и высказываниями Бекира Набиева, Мамед Джафара, Мамед Арифа, Гусейна Шарифа, Тамиллы Халиловой, Ахада Гусейнова, Юсифа Азимзаде, Мехти Мамедова, Шихали Курбанова, Сократа Мусаева и др. Большой резонанс вызвала публикация статьи Мамед Джафара «Знаток человеческой души» в журнале «Азербайджан» в 1971 году. Автор статьи психологизм Достоевского воспринимает как составную часть реализма писателя, обосновывая это тем, что то или иное психологическое состояние зарождается в определённых реальных условиях, в определённой среде, при определённых жизненных обстоятельствах и отношениях, что и находит своё реалистическое отражение в художественном произведении. «Я не психолог, – пишет о себе Достоевский, – я реалист в истинном смысле слова, так как изображаю глубину души человека».

Внимание азербайджанского учёного наиболее привлекает отношение русского писателя к русскому дворянству и к религии, его мысли о религиозных деятелях и их отражение в художественном творчестве писателя. В особенности, как считает автор, Достоевскому близки простые люди, представители петербургских городских низов. По мнению азербайджанского исследователя, неудачны в основном дворянские типы и образы «отцов народа» – религиозных деятелей и служителей церкви.

Зачастую требования советской идеологии не давали возможность раскрыть корни противоречивых идей и характеров героев Достоевского, но, тем не менее, азербайджанскому учёному удалось высказать своё мнение о мастерстве писателя, создавшего свой неповторимый мир сложных и противоречивых образов.

Исследователи пытались разобраться в идеях, действиях и страстях героев. В частности, Сократ Мусаев усматривал причину преступления Раскольникова в стремлении к обогащению. Страсть к деньгам, присущая героям Достоевского, – Р.Раскольникову, Ф.Карамазову, Свидригайлову, Настасье Филипповне, наиболее связана с духовно-нравственной, внутренней борьбой, и не связана с социальным фактором.

Идентичной позиции придерживался и автор статьи под заглавием «Фёдор Михайлович Достоевский», представленной в Азербайджанской советской энциклопедии, М.Г.Годжаев, известный к тому времени достоевсковед, усматривающий путь к спасению у Достоевского не в социально-общественном устройстве, а в духовном усовершенствовании. Автор статьи называет Достоевского прогрессивным и гуманным писателем, в творчестве которого нашли художественное отражение философские, общественные и духовные поиски, противоречия эпохи, связанные с глубокими преобразованиями общественных отношений в России и Западной Европе. В этой энциклопедической статье заложена основа, корни и ростки дальнейших поисков начинающего учёного, новых идей и проектов, научных свершений в развитии достоевсковедения в Азербайджане.

Один из азербайджанских поклонников Достоевского, с любовью читающий его произведения и занимающийся их переводом на азербайджанский язык, Гусейн Шариф с восхищением отзывался о тонкостях индивидуального стиля писателя, с глубоким психологическим проникновением создающего неповторимые образы, и призывал читателей к верному восприятию борьбы бешеных страстей и необузданных характеров, державших всех своих читателей в напряжении. По мнению Гусейна Шарифа, ценность произведений, идей и характеров, созданных Достоевским, заключается в том, что писатель взял их из реальной жизни.

Гусейн Шариф отмечает, что, будучи очень общительным человеком, Достоевский принимал у себя дома людей, терпеливо выслушивал их и давал советы, указывал выход из положения. Писателю было очень важно общение с людьми, что давало ему возможность познать их жизнь, бытовые условия, образ мыслей для создания художественных портретов своих будущих героев. Будучи за рубежом во многих городах Европы, он также проявлял большой интерес не только к историческим местам, памятникам и очагам культуры, но и познавал европейского человека. Его поездка в Европу нашла своё отражение в путевых набросках «Зимние заметки о летних впечатлениях». В них русский

писатель, по выражению Гусейна Шарифа, «подверг обстрелу буржуазный мир и серьёзной критике его дикие обычаи». «Бессмертные творения великого мастера, – как считал Гусейн Шариф, – неисчерпаемый клад для исследователей во все времена и эпохи».

Новым этапом в изучении творчества Достоевского в Азербайджане считаются 70–90-е годы, когда кроме отдельных статей, посвящённых творчеству Достоевского, появились и более обширные труды, посвящённые изучению литературного наследия русского классика, в частности, учебник Мамеда Джафара «Русская литература XIX века», где целая глава посвящена жизни и творчеству Достоевского, даны точные автобиографические сведения, в хронологической последовательности разобраны произведения писателя, начиная с романа «Бедные люди» и завершая романом «Братья Карамазовы», рассмотрены реализм и противоречия Ф.М.Достоевского.

Определённый интерес вызывают суждения и тезисы азербайджанского учёного в сфере характерологии в творчестве Достоевского. В произведениях писателя, написанных в 40-е годы, несколько противоречивы и неустойчивы, по мнению ученого, определения идей писателя то в аспекте социалистического реализма, то в психологическом уклоне изображения героев. Основную цель писателя в романе «Бедные люди» учёный-исследователь усматривает в выдвижении на первый план высоких духовных ценностей живущих в бедности людей. Для человека, живущего в бедности и умеющего сохранить своё духовное богатство, это большое достоинство. Основную причину преступления Раскольникова учёный видит в глубокой социальной неустроенности, и в то же время определяет главного героя как чрезвычайного человека, совершившего преступление на основе теории «сильной личности», обосновывая её исторически. Вкратце высказывая своё мнение о духовной красоте князя Мышкина в романе «Идиот», уважаемый Мамед Джафар-муаллим, однако, не затрагивает идею Достоевского о том, что «красота спасёт мир». Тут уместно было бы отметить, что в произведениях Достоевского революция происходит не в общественной жизни, а в самом человеке. Эту истину высказывает и сам писатель.

Уровень развития современного достоевсковедения в Азербайджане нацеливает нас на соответствующую корректировку научных взглядов азербайджанского учёного, склонного к трактовке образов и идей Достоевского в ракурсе требований советской идеологии и соблюдения принципов социалистического реализма. Вопрос об отношении Достоевского к православной религии русского народа усматривается им в противовес революционно-демократическим идеям, или же, анализируя роман «Преступление и наказание», исследователь отмечает, что, как и в других своих произведениях, реализм Достоевского брал верх над реакционными религиозными взглядами. В то время как именно благодаря вере и религии писатель-гуманист вошёл в историю. Сила реализма Достоевского в том и состоит, что, будучи против революционного развития общества, он с глубоким психологическим проникновением во внутренний мир своих главных героев, взятых из реальной жизни, создавал классические образы и характеры – носителей и выразителей своих концептуальных взглядов и идей. В этом ракурсе и следовало бы, очевидно, рассматривать концепцию человека Достоевского, в основе которой лежат два важных фактора, заложенных в людях как носителях добра и зла, Бога и Дьявола.

Одним из таких героев является Николай Ставрогин, в которого «вселились бесовские силы», как метко определяет такого человека Мамед Джафар, причисляя его к ряду подобных ему друзей – таких же героев однопланового романа Достоевского «Бесы». Однако азербайджанскому учёному – пытливому исследователю, глубоко изучающему творчество такого противоречивого и сложного писателя, как Достоевский, не всегда удаётся определить главного героя в произведении Достоевского, в особенности в романах «Бесы» и «Братья Карамазовы».

Многие советские учёные предположительно склонялись к идее о воздействии западничества на умы русской дворянской интеллигенции. Такой позиции придерживался и азербайджанский исследователь Мамед Джафар.

Согласно теории почвенности, присутствующей в мировоззрении Достоевского в 60-е годы, оторванную от своей национальной основы, почвы и национального духа личность всегда ожидает трагическая участь.

Субъективные, а иногда и противоречивые размышления исследователя мешают ему определить истинного главного героя и в романе «Подросток». Но, как выясняется из трудов и обобщений более поздних исследователей-достоевсковедов, в период написания романа «Подросток», в 70-е годы XIX века Достоевский всё больше размышлял над судьбой будущей России и был твёрдо уверен в том, что она во власти нового поколения, таких как юный Аркадий – герой романа «Подросток», и молодой Алёша – один из братьев Карамазовых.

И тем не менее как достопримечательный факт в истории изучения Достоевского в Азербайджане следует воспринимать научно-исследовательский труд академика Мамед Джафара Джафарова, написанный им на основе глубокого интереса к творчеству Достоевского, нацеливающего азербайджанских учёных на широкое изучение дневниковых записей, мировоззренческих уклонов и тенденций, основных теоретических идей, нашедших своё практическое решение в актуальных во все времена творениях великого писателя, посвящённых изучению человека, от развития и усовершенствования которого зависит будущее общество.

Вместе с тем азербайджанский исследователь творчества Достоевского изучал и отношение русских писателей и критиков, в особенности Белинского, к творческой деятельности, загадочному миру идей и образов Достоевского. Как известно, в России отношение к Достоевскому всегда было неоднозначное. Наравне с высокой оценкой литературно-художественного таланта писателя, подвергались критике и серьёзные ошибки, наиболее связанные с непримиримыми мировоззренческими идеями русского писателя-«пессимиста». На противоречивые и утопические, «априорные» ошибки и идейные колебания Достоевского указывал и азербайджанский учёный. Вместе с тем он тонко подмечал и сходство учения Достоевского о божественном начале в человеке и о его усовершенствовании с известной на Востоке средневековой философской теорией «вахдати-вуджуд», что означает «слияние человека, дошедшего до совершенства, с божеством – Аллахом».

Всё вышеизложенное об изучении творчества Ф.М.Достоевского на азербайджанском языке в XX веке, и в основном в исследованиях академика Мамед Джафара Джафарова, воспринимается нами как цельный научно-исследовательский труд выдающегося азербайджанского учёного. Он заслуживает определённого внимания как незаменимый источник познаний начального этапа изучения творчества Достоевского в Азербайджане, заложившего тем самым основу достоевсковедения в нём.

В начале XXI века обращение к творческому наследию великого писателя, переполненного мировыми темами и идеями, и рассмотрение его в новом ракурсе видения воспринимается как факт, дающий толчок для развития азербайджанской литературоведческой науки в этой сфере. Человек, постижение человека, поиски человека в человеке, тайны человеческой души, скрытых и глубинных, сознательных и подсознательных идей неисчерпаемы, как неисчерпаемо «человековедение», воссозданное гением Достоевского. А разгадыванием идей, заключённых в творениях мастера, долгие годы занимаются учёные-достоевсковеды. Велики заслуги одного из них – основателя школы достоевсковедения в Азербайджане профессора М.Г.Годжаева, взрастившего целую плеяду исследователей творчества Достоевского, продолжающих традиции своего наставника.

В 2005 году впервые на азербайджанском языке в Бакинском славянском университете состоялась защита кандидатской диссертации Я.Мустафаевой на тему «Творчество Ф.М.Достоевского в азербайджанских исследованиях и переводах» под руководством проф. М.Г.Годжаева. В данной научно-исследовательской работе с широким охватом материала в строгой хронологической последовательности представлялись все предыдущие

исследования азербайджанских учёных, изучающих творчество Достоевского в Азербайджане на русском языке, среди которых кандидатская диссертация (1986 год) С.Ш.Нуриева на тему «Поэтика повести «Двойник» Ф.М.Достоевского (теоретико-литературный анализ повести)». В 1991 году состоялась защита его докторской диссертации на тему «Поэтика творчества Ф.М.Достоевского в 1840-е годы». Изданы книги С.Ш.Нуриева «Творчество Ф.М.Достоевского 1840-х годов (системно-структурный анализ)», «Проблема поэтики раннего Достоевского». Особое внимание роману «Бесы» уделяет К.А.Умудова, защитившая в 1997 году кандидатскую диссертацию на тему «Идеи и характеры в романе Ф.М.Достоевского «Бесы». В 2003 году кандидатскую диссертацию на тему «Проблема характера в романе Ф.М.Достоевского «Подросток» защитила М.М.Тагиева.

Знаменательным событием в сфере достоевсковедения в Азербайджане является издание на азербайджанском языке чрезвычайно актуальных книг Махрух Тагиевой (доцента кафедры «История русской литературы» БСУ). Это монография «История изучения творчества Ф.М.Достоевского в Азербайджане» и книга «Ф.Достоевский на азербайджанском языке», изданные в 2020 году. Изучению новых граней видения в трёх крупных романах Достоевского «Преступление и наказание», «Бесы» и «Братья Карамазовы» и сохранению поэтики при адекватном переводе их на азербайджанский язык посвящается вторая книга. Из трёх выявленных этапов изучения творчества Достоевского в Азербайджане самым значительным представляется третий этап (период независимости Азербайджана), вызвавший большой резонанс в связи с переводом на азербайджанский язык «Братьев Карамазовых» (перевод Т.Велиханлы), а также вторичного перевода того же романа Н.Годжабейли и повести «Двойник» в переводе А.Рзазаде.

Титанический труд совершил с 2003 по 2016 годы М.Г.Годжаев – основатель школы достоевсковедения в Азербайджане, посвятивший всю свою сознательную жизнь изучению творчества Достоевского. В указанные годы независимости учёный-исследователь продолжает свою творческую деятельность в новом амплуа, успешно переводит на азербайджанский язык главу «Великий инквизитор» из романа «Братья Карамазовы», романы «Бесы», «Подросток», «Бедные люди», а также повести и рассказы Достоевского, в том числе «Записки из мёртвого дома» и «Дневник» писателя.

Как известно, в 90-е годы прошлого столетия М.Годжаев защищал докторскую диссертацию на тему «Концепция характера в творчестве Ф.М.Достоевского (1866–1872)». Позже была издана фундаментальная монография азербайджанского учёного «Характеры и идеи Ф.М.Достоевского». В ней на основе принципов характерологии изучаются образы ведущих героев трёх романов писателя с идейно-эстетических позиций и понятий («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы»).

В 2009 году была издана широкоохватная книга статей «Образы и характеры в литературе» доктора филологических наук, профессора М.Г.Годжаева, написанных им в разное время. Они посвящены исследованию методологии научного поиска и характеристике отдельных явлений азербайджанской, русской и зарубежной литератур. Центральной в творчестве учёного-литературоведа является проблема человека в литературе, концепция человека. Достоевский чётко разграничивает антропологическое и социальное начала в человеке, что составляет отличительную особенность его характерологии. Об этом свидетельствуют и образы-двойники в произведениях Достоевского. Дуализм его философского воззрения на человека определяет своеобразие художественного видения писателя.

«Противоборство социального и нравственного начал в душе человека не разрешено Достоевским до конца», пишет проф. М.Годжаев и, пользуясь терминологией Бахтина, отмечает, что «творчество Достоевского – это «великий диалог» между антропологическим и социологическим началами в душе человека».

С целью обоснования теории «полифонического» романа азербайджанский учёный не только глубоко изучает капитальный труд М.М.Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», но и переводит его на азербайджанский язык. Если выдающийся русский учёный

XX века М.М.Бахтин двумя произведениями «Проблемы поэтики Достоевского» и «Творчество Рабле и культура народа в средние века и эпоху Ренессанса» совершил переворот в науке, то выдающийся азербайджанский учёный XXI века М.Г.Годжаев высококвалифицированным переводом капитального труда своего предшественника заложил начало большого пути, ведущего к открытию и постижению нового мира – творческому освоению богатого и неповторимого художественно-эстетического опыта «другой» культуры в целях воссоздания «своей».

В 20-е годы прошлого столетия, в связи с ужесточением советского режима, заключения мыслящих людей в идеологические рамки, Бахтин выдвигает такие эстетические формы в мировой литературе, которые были бы открыты во времени и среде, могли бы служить толчком к будущему развитию художественно-эстетической мысли и в противовес советской идеологии не убивали бы содержание жизни. Такая эстетическая модель должна была предопределить равноправные отношения между автором и его героями, чтобы никто из них не навязывал бы свою позицию или же не оказывался под воздействием другого персонажа или автора, а полностью высказывал бы свои индивидуальные идеи, открыто выражая личную мировоззренческую позицию. Именно такими личностями являются герои Достоевского. Они раскрываются через свои мировоззренческие взгляды. «Полифонический» роман Достоевского создаётся на основе архитектонического установления связи таких героев с автором или между ними самими.

«Диалог в сущности требует от человека активной жизненной позиции, раскрывает его отношение к миру, инспирирует к действию», – как отмечает известный азербайджанский учёный-литературовед проф. Горхмаз Гулиев. Двуединство антропологического и социологического принципов рассматриваются Достоевским как следствие двойного – социального и антропологического бытия человека. В художественной системе раннего Достоевского, в произведениях 40-х годов изображаются разные соотношения этих двух жизненно важных начал. В «Бедных людях» в характере «маленького человека» доминирует нравственный фактор над социальным. Однако Макар Девушкин, поняв свою социальную обречённость, лишается возможности осуществить свои добрые замыслы.

Достоевский, верующий в природу человека, противопоставлял социальной безысходности духовную силу человеческой натуры. Почти во всех произведениях Достоевский доказывает идею неистребимости нравственного начала в человеке.

С большой верой в человека он создаёт и образ своего любимого героя князя Мышкина в романе «Идиот». Достоевский всегда мечтал об идеале «положительно-прекрасного». Характер «положительно-прекрасного» человека князя Мышкина Достоевский создаёт по образцу Христа, считая, что Прекрасное есть идеал, который ещё не выработался ни в России, ни в Европе. Характер Мышкина свободен от социальной обусловленности. В нём доминирует нравственное начало.

В образ главного героя романа «Идиот» вложено много лично пережитого, в той или иной мере автобиографического. Мышкина писатель наделил своей тяжёлой болезнью – эпилепсией. Состояние князя перед припадком соответствует тому, что, по рассказам Достоевского, испытывал он сам в подобные минуты. Страдания, пережитые Мышкиным, который в детстве к тому же остался сиротой, заброшенным ребёнком, отдалили его от дворянской среды и вместе с тем обострили его чуткость к чужому горю, его способность понимать муки других людей. Эта отзывчивость Мышкина, его бескорыстное, братское отношение ко всем людям, независимо от сословных и имущественных различий, составляют его нравственную силу. С первых страниц романа князь Мышкин заявляет себя горячим противником смертной казни, выступает против несправедливого отношения к угнетённому и униженному, к «падшей женщине», к калеке, к ребёнку.

Образ Мышкина, как отмечено в примечаниях к роману, создавался Достоевским в Швейцарии, в Женеве, на родине Руссо. Личные впечатления швейцарской жизни повлияли на отдельные детали биографии Мышкина до его приезда в Россию. В рассказе

князя о его жизни в Швейцарии отчётливо и ясно прослеживается мотив, который делает Мышкина антиподом образа «естественного» человека, что в представлении Руссо, как и других просветителей XVIII века, было неразлучно с представлением о здоровье. В Мышкине же представление о «естественном» человеке противоречиво сочетается с представлением о болезни, о мучительных физических и нравственных страданиях, пережитых им.

Призыв к подавлению личного бунта во имя утверждения идеала всеобщей любви и братского отношения людей друг к другу отделяют нравственные идеалы Мышкина от идеалов просветителей, сближая их с христианской нравственностью. Духовно сформировавшийся в Швейцарии, в горах, среди патриархального пастушеского народа, в общении с детьми и природой, Мышкин, на которого автор романа возлагал большие надежды, уже сложившимся человеком возвращается в Россию, и это позволяет Достоевскому обрисовать в романе русское общество второй половины 1860-х годов со свойственными социальными и моральными противоречиями.

Как известно, роман «Идиот» был задуман и написан в первые годы четырёхлетнего пребывания Достоевского за границей (1867–1871). Выехав из России вместе с женой в апреле 1867 г., Достоевский в течение весны и лета побывал в Берлине, Дрездене, Гамбурге, Баден-Бадене и здесь обдумывал будущий роман, за который им уже был получен аванс в редакции «Русского вестника». 16(28) августа 1867 г. писатель сообщал А.Н.Майкову из Швейцарии: «Теперь я приехал в Женеву с идеями в голове. Роман есть, и, если бог поможет, выйдет вещь большая и, может быть, недурная. Люблю я её ужасно и писать буду с наслаждением и тревогой». В том же письме очерчен круг идей, волновавших Достоевского в начальный период его работы над романом. Как и во время первой заграничной поездки 1862 г., итоги которой он подвёл в «Зимних заметках о летних впечатлениях», у Достоевского, по собственному признанию, «материалу накопилось на целую статью об отношении России к Европе и об русском верхнем слое» (*имеется в виду дворянство* – **А.Ф.**). Сравнивая русскую и западноевропейскую жизнь, Достоевский размышлял о будущих судьбах родины… Западной цивилизации, с её моралью буржуазного комфорта, Достоевский противопоставлял идею самобытного пути России, а оторвавшемуся от почвы «верхнему слою» – её народ, в натуре которого, как он полагал, были заложены начала подлинного общечеловеческого братства.

Достоевский уехал из России с ощущением глубоких внутренних сдвигов, происходящих в ней во второй половине 1860-х годов... Он ожидал новых значительных поворотов в жизни России, её «великого обновления». Чаяниями этими, потребностью дать свои ответы на тревожившие его вопросы, выдвинутые переходной эпохой, Достоевский руководствовался в своих художественных исканиях». Позже, в 70-е годы XIX века Достоевский всё больше размышляет над судьбой будущей России с твёрдой уверенностью в том, что она во власти нового поколения, таких, как Аркадий, герой романа «Подросток», и молодой Алёша, один из братьев Карамазовых.

Если роман «Идиот» – это великая надежда на дальнейшее нравственное перерождение мира на началах добра и красоты, то романом «Бесы» Достоевский доказывает, что любая общественная деятельность, направленная на благо народа, обречена на неудачу, если она не опирается на нравственные потребности человеческой натуры. Абсолютная свобода от нравственных принципов приводит героев «Бесов» к полному краху». В «Бесах» подвергается критике нравственное разложение, идейные шатания и беспочвенность дворянской интеллигенции 70-х годов.

Как принято считать в достоевсковедении, романы «Бесы» и «Подросток» явились подступами к главному роману великого реалиста «Братья Карамазовы», который стал вершиной творчества Достоевского – роман-«синтез» по определению М.Годжаева. В отличие от предыдущих романов писателя, в нём шире и глубже охвачен жизненный материал с глубоким философским решением важных проблем и вечных вопросов человеческого бытия – добра и зла, жизни и смерти.

Однако наибольшее признание как в России, так и за рубежом получил роман «Идиот», как лучшее произведение Достоевского.

В России отношение к «Идиоту» было неоднозначное, в основном критическое, а к середине 1870-х годов Достоевский располагал уже фактами, свидетельствующими о широком признании, которое получил «Идиот» в читательской среде. Об этом говорит дневниковая заметка в тетради 1876–1887 гг.: «Меня всегда поддерживала не критика, а публика; кто из критики знает конец «Идиота» – сцену такой силы, которая не повторялась в литературе? Ну а публика её знает… – Книга же каждый год покупается, и даже с каждым годом всё больше. Я про «Идиота» потому сказал теперь, что все говорившие мне о нём, как о лучшем моём произведении, имеют нечто особое в складе своего ума, очень меня всегда поражавшее и мне нравившееся».

О том, насколько замысел «Идиота» глубоко волновал самого Достоевского и какое значение он придавал способности других проникнуть в него, можно понять по ответу писателю А.Г.Ковнеру, выделившему «Идиота» как шедевр из всего созданного Достоевским: «Представьте, что это суждение я не раз слушал уже 50, если не более, – писал Достоевский 2(14) февраля 1877 г. – А если у Вас такой склад ума, то для меня тем лучше».

В Европе, вопреки России, зародился большой интерес к роману русского писателя. Всеобщее признание за рубежом получил «Идиот» в 1880–1890 годы. Первые переводы романа на иностранные языки появились уже во второй половине 1880-х годов. В Европе роман почти одновременно был издан на английском, французском, датском и немецком языках. Интерес к роману «Идиот» в Германии 1880–1890-х годов определяли социальная проблематика и психологизм романа. Всеобщее признание завоевал в Германии роман Достоевского «Идиот» и в первые десятилетия XX века. Восторженный отзыв дал о нём Карл Либкнехт: «Я читал Достоевского, – писал он из тюрьмы в 1917 году, – и вновь впечатление чего-то совершенно неповторимого».

Титаническая сила в изображении запутанных, самых несхожих судеб, характеров и социальных элементов, связанных в одно единое целое, проступает в этой книге ещё сильнее, чем в «Раскольникове» или в «Братьях Карамазовых».

Во Франции роман «Идиот» вызвал большой интерес у французских писателей, воспринимающих его как «произведение первозданной силы, превосходящей над всеми другими романами». В чём же заключается эта «первозданная сила, превосходящая над всеми другими романами»? Ясность привносится самим автором романа «Идиот» в отмеченной нами выше его записной тетради, – это конец «Идиота» – «сцена такой силы, которая не повторялась в литературе».

Примечания к роману «Идиот» помогают нам определить философско-символический смысл описания в нем состояния князя Мышкина перед припадком, когда силы готовы покинуть князя, как бы носящего в своей груди и весь тот «хаос», всё то «безобразие», которыми больны окружающие его люди, в нём с удвоенной силой оживает мысль о гармонии, о всеобщем примирении и братстве людей. Это состояние главного героя романа в символической форме выражает идею Достоевского о том, что самый страшный хаос и дисгармония в жизни общества и судьбе отдельного человека лишь обостряют извечную потребность человечества в стремлении к гармонии бытия. Именно в финальной сцене и неповторимая сила воздействия непревзойдённого мастерства писателя. Очевидно, в ней и заключается то «великое обновление», о чём с тревогой сообщал писатель А.Н.Майкову в своём письме из Женевы. Таков вечный путь постижения тайн и загадок Гения.

В Европе нет такой страны, где бы не был переведён роман Достоевского «Идиот» на их родной язык. В этом сила и слава Гения, принадлежащего всем народам мира.

ЛЯМАН БАГИРОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

В прошлом те, кого любишь, не умирают!

Когда теряет равновесие
твоё сознание усталое...
*****
Лучше поклоняться данности
с убогими её мерилами,
которые потом до крайности,
послужат для тебя перилами...
И.Бродский

Не знаю, как другие, а я сама себе все чаще напоминаю старичка-хранителя музея из фильма «Белое солнце пустыни». Того самого, что с пеной у рта доказывал, что охраняет народное достояние и исторические ценности, и которого быстро застрелил Абдулла. Ну, чтобы не мешал серьезным людям своей болтовней.

К печальному исходу хранителя музея я совершенно не стремлюсь. Но события последнего времени больше удручают, чем окрыляют. Коронавирус, (кажется, он на какое-то время станет неизменным спутником нашей жизни. Не скажу, что навсегда, этого никто не знает, но несколько лет – скорее всего), вопли о вакцинации, потопы, пожары, нестабильная обстановка в мире и удушающая липкая жара. Засыпаешь с мыслью: «День прожит, и слава Богу», и просыпаешься с ней же: «Дай Бог прожить тихо и мирно». Боишься порой и компьютер открыть, новостную ленту прочитать: то этот умер, то тот при смерти, то там что-то взорвали, то сям что-то захватили. Негатив парализует волю и разум, оставляя царствовать страх. Обыкновенный животный страх, глубинный и безразмерный, с помощью которого так легко управлять людьми. То есть сознательно ограничивать взрослых совершеннолетних, разумных и порядочных людей в свободе. За что?.. Во имя чего?

Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Так и хочется воскликнуть вслед за Пушкиным: «Это про меня! Я тоже хочу в побег! В обитель дальнюю и желательно прохладную!»

Но побег по нынешним временам возможен в основном лишь виртуальный. Да и в память. Там хоть не надо надевать маску, предъявлять справку о вакцинации и делать ПЦР-тесты. Там ты свободен той единственной тонкой душевной свободой, из которой ткется счастье. Жаль только, что ты оцениваешь выделку, прочность и краски этой ткани уже после готовности. Хорошо бы ценить ее еще на ткацком станке.

Имя моего нынешнего героя вспомнят сейчас разве только, когда заговорят о поэтах-лицеистах. Того самого знаменитого первого пушкинского выпуска, о котором поэт писал в стихотворении «19 октября»:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.

Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

К другу Пушкина – Антону Дельвигу, слова *«как душа, неразделим и вечен»* относились более чем к кому-либо другому. Именно о нем, белокуром увальне, которого из-за неторопливости и нерасторопности дразнили почему-то прозвищем «Лень-Тоси», Пушкин написал потом, полные тоски и боли строки:

«Никто на свете не был мне ближе Дельвига». «Помимо его прекрасного таланта, это была отлично устроенная голова и душа склада необычного. Он был лучший из нас».

Антон Антонович Дельвиг – представитель старинного, но вконец обедневшего рода. Его предки были баронами, перебравшимися в Россию из Прибалтики. Антон родился в Москве 6 августа (по старому стилю) и 17 августа (по новому) 1798 года. Жалованья отца, отставного генерал-майора, с трудом хватало на жизнь. Мать Любовь Красильникова была внучкой астронома Андрея Красильникова.

Родители отдали мальчика на обучение в частный пансион. И там маленький Антон обратил на себя внимание любовью и незаурядными способностями к древним языкам и литературе. Учителя в один голос советовали родителям отправить ребенка в недавно открывшийся Царскосельский лицей.

Антону было 13 лет. На фоне своих порывистых и субтильных сверстников он был неуклюжим, полным, рыхлым, да к тому же тугодумом в точных науках. От педагогов ему немало доставалось за его медлительность.

Но как только доходило до литературы, подросток волшебным образом преображался! Он даже становился выше ростом, вдохновенным, порывистым! Цитировал классиков на языке оригинала, еще не вполне зная его, и, конечно, писал стихи. А рассказы его завораживали богатой фантазией. Но как только вдохновение слетало с него, он превращался в прежнего тугодума-увальня. Валялся в постели, бродил по парку вблизи лицея, читал запоем любимые книги.

После окончания лицея Дельвиг поступил служащим в департамент горных и соляных дел, а спустя некоторое время оказался сотрудником канцелярии министерства финансов. Трудно было придумать более неподходящую должность для наперсника муз, вечно витающего в облаках Антона. Не то что любви, а даже малейшей тяги он к работе не питал. А поручения начальства исполнял так медленно, что нередко получал нагоняй от начальства. Но его, кажется, это не очень волновало. Ум и душа его были заняты поэзией. Ею он был богат и счастлив:

Когда я в хижине моей
Согрет под стеганым халатом,
Не только графов и князей –
Султана не признаю братом! (*«Моя хижина»,* 1818)

Дельвиг мечтал о переводе на другую службу, посылал прошение за прошением на имя Алексея Николаевича Оленина, директора Императорской публичной библиотеки. В 1820-м его просьбы были услышаны: поэта приняли на службу помощником библиотекаря. Но и здесь Антон относился к службе своеобразно. В типичном дельвиговском духе. Вместо того, чтобы составлять описание книг и заносить их в каталог, поэт вдумчиво читал их от корки до корки. Предлог для увольнения нашли быстро. Дельвиг навестил в Михайловском своего лицейского друга, опального Пушкина. Увольнение последовало незамедлительно.

В судьбу я верю с юных лет.
Ее внушениям покорный,
Не выбрал я стези придворной,
Не полюбил я эполет
(Наряда юности задорной),
Но увлечен был мыслью вздорной,
Мне объявившей: ты поэт.

Дельвиг сменил несколько ведомств, но везде пришелся не ко двору. «Мысль вздорная» (а может, божественный глас), объявившая ему: ты – поэт, мешала сделать блестящую карьеру и стать респектабельным обычным человеком.

Антон Антонович Дельвиг не оставил большого литературного наследия – оно насчитывает около 170 стихотворений, но некоторые его стихи обрели бессмертие. Изумительный романс Алябьева «Соловей» написан на стихи Антона Дельвига. А песня, которая давно считается народной «Ах, ты, ночь ли, ноченька», на самом деле романс Михаила Глинки на стихи Дельвига.

Но, помимо литературного, у барона Дельвига был истинный дар книгоиздателя. В 1819 году с друзьями Александром Пушкиным, Вильгельмом Кюхельбекером и Евгением Баратынским он создал дружеское объединение «Союз поэтов».

Потом начал издавать альманах «Северные цветы». Проявлял недюжинные организаторские способности, привлекая к сотрудничеству авторов из двух столиц. Дельвиг обладал какой-то особенной деликатностью души и удивительным чутьем на таланты. «Пусть добрым будет ум у вас, а сердце умным будет», – эти слова словно были произнесены феями над колыбелью Дельвига, и он полностью оправдал их своей короткой жизнью.

Следующим альманахом, выпускаемым Дельвигом, стал «Подснежник». Но все это были подступы к главному делу его жизни – «Литературной газете». Она была основана в 1830 году при поддержке Пушкина и Петра Вяземского.

Газета пользовалась огромным спросом, но в 1831 году отношения Дельвига с цензурой накалились до предела, и издание газеты было приостановлено. Возобновлено оно было лишь после смерти Антона Антоновича, но газета просуществовала считанные месяцы. С 1840 года под таким же названием выходила другая газета под редакцией А.Краевского.

Есть хорошее определение – «нешумной славы человек». Дельвиг был именно таким. Нешумным. Деликатным. Мягким, участливым. Но при этом ясно оценивающим собственные возможности и следующим своей дорогой. Он дружил со многими декабристами, его живо интересовала судьба альманаха «Полярная звезда».

Но при этом предпочитал оставаться на расстоянии от бурных событий. Каждому своя доля и свой путь.

Звезды были благосклонны к нему. Личная жизнь сложилась удачно. Ну, или ее можно было считать удачной…

Его женой стала очаровательная Софья Салтыкова, дочь тайного советника. В Софью был влюблен и сватался к ней декабрист Петр Каховский, но получил отказ.

Осенью 1825 года Софья Михайловна вышла замуж за барона Антона Дельвига. Жениху было 27, невесте 19 лет.

Оба были молоды, хороши собой, оба любили литературу и искусство. Их дом вскоре стал литературным салоном, гостями которого были многие известные люди того времени. Привлекали их радушие и талант хозяина и очаровательность хозяйки. Она играла на фортепиано, исполняла современные романсы и была, по общему мнению, украшением дома.

Но при всем своем очаровании Софья Михайловна была отчаянной ветреницей и нередко давала мужу повод для ревности.

Злые языки поговаривали, что она вышла замуж за Дельвига только из-за его титула, что вообще не умела любить, была так же холодна, как и красива, и что ни казнь Петра Каховского, ни трогательные письма и стихи будущего мужа не вызывали в ней никакого чувства.

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность уповает,
Ей в жертву счастье отдает.

«Завтра, надеюсь, увидеть вас и поблагодарить за драгоценное внимание ваше к человеку, для которого вы все и который называется обожающим вас Дельвигом» (из письма Дельвига к невесте).

Он очень любил жену. В их союзе появилась единственная дочь Елизавета Антоновна, обожаемая отцом.

Но дни Антона Дельвига, «милого увальня, засони» и чрезвычайно доброго, талантливого и деликатного человека, были уже сочтены.

На закрытие «Литературной газеты» повлияли доносы писателя и журналиста Фаддея Булгарина. Шеф жандармов Александр Бенкендорф грозил ссылкой в Сибирь: в газете публиковались стихи опальных литераторов: Пушкина, Кюхельбекера, Бестужева.

Дельвиг начал часто болеть. Как сказали бы сейчас – впал в депрессию. И тиф или, как говорили раньше, гнилая горячка свела его в могилу в 32 года.

Софья Михайловна недолго носила траурные плерезы, через полгода вышла замуж за брата поэта Баратынского – врача Сергея Баратынского. И во втором браке было то же самое – кокетство, измены, ранняя смерть мужа.

«Это прямо-таки какая-то роковая женщина – все, кто любил ее, умирали», – так характеризовал Софью Салтыкову один из современников.

Умерла она по тем временам глубокой старухой в 1888 году, пережив и единственного сына (от второго брака), и третьего мужа.

За что страдать?
Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?
Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

Кончина друга потрясла его друзей, в особенности Пушкина. В его письмах, стихах и прозе звучит крик боли: *«...Вот первая смерть, мною оплаканная... Никто на свете не был мне ближе Дельвига...», «Он был лучший из нас...», «Он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле!», «Дельвиг... говаривал: Чем ближе к небу, тем холоднее...», «Доброго Дельвига нет...»*.

Но поэты не случайно наделены тоскливым даром предчувствия. В 1831 году, через 9 месяцев после ухода Дельвига, Пушкин пишет стихотворение:

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,

Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Пророчество сбылось. Следующим после Дельвига в обитель «без слез и страданий» ушел Александр Пушкин.

В окончательной редакции этих строк после слов «за мной» было многоточие. *«И мнится, очередь за мной…».*

Поэт будто взял паузу перед тем, как посмотреть в глаза вечности. Но в последующих академических изданиях многоточие было заменено на более оптимистичную запятую.

А Вечность запомнила паузу многоточия и поманила Пушкина к себе ровно через 6 лет после его лицейского друга.

Могила барона Антона Антоновича Дельвига находится на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры в Некрополе мастеров искусств. Светлым июльским днем 2019 года я с дочерью и подругой стояли у мраморного пилона, увенчанного фигурой ангела. Ангел был грустный, да и странно было бы ожидать чего-то радостного в таком месте.

Но, видит Бог, сейчас даже эти задумчивые прогулки вспоминаются с умилением, с тихой нежностью. Как много изменилось всего лишь за два года, как много стало недоступно. Или труднодоступно.

И все же я благодарна Судьбе, что, прежде чем обрушить на голову человечества глобальную беду под названием карантин и коронавирус, она позволила побывать в Питере. И запечатлеть его в своем сердце. Хорошо, когда можно путешествовать в памяти. Ее-то хоть не ограничить. Надеюсь…

Комплекс Антигоны или волны Фонтанного дома

Мне от бабушки-татарки
Были редкостью подарки;
И зачем я крещена,
Горько гневалась она.
А пред смертью подобрела
И впервые пожалела
И вздохнула: «Ах, года!
Вот и внучка молода».
И, простивши нрав мой вздорный,
Завещала перстень черный.
Так сказала: «Он по ней,
С ним ей будет веселей».

А.Ахматова

Ни для кого не секрет, что у вещей и домов, как и у людей, есть энергетика.

Дом-музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме в Петербурге произвел на меня неоднозначное впечатление. Дом словно колыхался в волнах неведомого моря. И так же плыл, колыхался в его стенах густой низкий голос Ахматовой. Запись ее голоса раздавалась из динамиков, установленных по периметру дома. Но ощущение было

гипнотическим и немного страшным. Волны моря под названием «Былое» расступались, и все отчетливее выступал сквозь них царственный облик Хозяйки…

Говорили, что эта женщина владела трагическим даром предвидения. Она предсказала расстрел первого мужа, гибель второго, годы заключения в лагерях единственного сына и суд, на котором ее саму уничтожат как поэта.

Второй муж называл ее Акумой. В переводе с японского это означает «нечистая сила».

Анна Ахматова. Загадочная муза российской поэзии. На пальце она всегда носила крупный бабушкин перстень, верила, что он оберегает ее от несчастий. Но однажды она сняла его. Это случилось в 1916 году. В том же году перстень вывезли из России, и жизнь Анны Ахматовой коренным образом изменилась.

В детстве она считала себя русалкой и ведьмой. Называла потомком Чингисхана по линии предка хана Ахмата. А в 15 лет напророчила себе вечное одиночество. А, может, и навлекла его.

Прошли годы, и пророчество сбылось. Она прожила долгих 77 лет, и всех, кто осмеливался любить эту женщину, ожидали несчастья и преждевременная смерть.

В 15 лет одесситка по рождению Аня Горенко впервые влюбилась. И когда не получила ответа, хотела покончить с собой. Тогда она с семьей жила в Царском Селе и именно там познакомилась со своим будущим мужем Николаем Гумилевым.

Он влюбился сразу, впервые увидев ее хрупкую, с огромными глазами. В то время Аня Горенко писала сентиментальные стихи и страдала от неразделенной любви, поэтому влюбленного Гумилева просто не замечала.

Гумилев меланхолично вздыхал и заглядывал в глаза. Ее это только раздражало. Четыре предложения руки и сердца, шесть долгих лет ожидания. Тщетно...

Все эти годы ее избранником был студент Петербургского университета, который преподавал Ане французский язык. Молчаливый, неулыбчивый парень, который был старше нее на семь лет. Он не обращал никакого внимания на влюбленную девушку.

Она росла в очень недружной семье. Была одной из шести детей инженера морского флота, инженера Андрея Горенко.

Она всегда, с самого раннего детства была предоставлена самой себе. Недаром Ахматова говорила о себе «дикая девочка».

«Я получила прозвище «дикая девочка», потому что ходила босиком, бродила без шляпы и т.д., бросалась с лодки в открытое море, купалась во время шторма и загорала до того, что сходила кожа, и всем этим шокировала провинциальных севастопольских барышень».

Но именно отцу, который был для нее идеалом, эта *«дикая девочка»* однажды решилась показать свои первые стихи. Она так хотела его одобрения.

Но Андрей Горенко был категоричен. Сказал Ане: «Никому больше не показывай эти стихи. Не позорь семью. Поэтесса из тебя не получится».

Обиду на отца она сохранила на всю жизнь. А вот писать стихи не перестала. Только спряталась за псевдонимом. Взяла себе фамилию прабабушки княжны Ахматовой, прославила ее на весь мир, но под ней и погубила свою жизнь.

О ком шла речь в стихах дочери, Андрей Горенко догадался сразу, и преподавателя французского языка уволили от греха подальше. Она хотела наложить на себя руки. Но остановило известие. От безвыходности Николай Гумилев сам решил покончить с собой. После очередного отказа поэт решил, что его жизнь потеряла смысл. Две попытки самоубийства. К счастью, безуспешные. Горе-самоубийцу каждый раз спасали.

Но все без толку. Аня была слишком занята собой и тосковала по учителю. К несчастному Гумилеву она чувствовала нечто вроде уважения и нежности. И неизвестно, как бы дальше развертывались отношения.

Неожиданно для всех Андрей Горенко бросил жену и детей. Вскоре он женился на любовнице. И пораженная Аня узнала: ее отец всю жизнь изменял матери. Он дарил свою любовь многим женщинам. Лишены ее были только его жена и дети.

Именно тогда Аня Горенко, для которой в одночасье рухнул мир, надела на палец черный бабушкин перстень. Отныне он будет защищать ее, как оберег. Тогда же, в миг отчаяния, Аня написала письмо Гумилеву.

Они не виделись четыре года, но Гумилев, бросив буквально все, примчался на это письмо, потому что Аня вдруг согласилась стать его женой. Она сказала ему: «Не люблю, но замуж пойду. Пусть будет, как будет».

Словно уже дала себе установку: эти отношения не будут легкими и уж, конечно, не будут счастливыми.

«Из логова змиева, из города Киева /Я взял не жену, а колдунью/ А думал – забавницу...» – так писал Гумилев после свадьбы. А она колко ответила ему в стихах:

На руке его много блестящих колец,
Покоренных им девичьих нежных сердец,
Но на бледной руке нет кольца моего:
Никому, никогда не отдам я его.

Гумилев с трудом сдержал себя, а жене сказал:

«Может, тебе лучше танцевать? Ты гибкая».

Это оскорбило ее сильнее слов, брошенных отцом. Гумилев не хотел, чтобы она писала. Ее реакция была страшной, она перевернула все вверх дном в доме.

С тех пор жизнь Ахматовой и Гумилева превратилась в поле битвы. В этой борьбе они уничтожили и без того хрупкие чувства, объединявшие их союз.

Это случилось в одном из парижских кафе. Гумилев отвел Аню за столик и отошел на несколько минут.

За столиком напротив ее дерзко рассматривал незнакомец. Взгляд был гипнотическим, манящим. И вдруг Аня, не обращая внимания на приличия и запреты, сама подсела за столик к незнакомцу.

В кафе воцарилась тишина. Бедный Гумилев не верил своим глазам. Отказывался верить.

Этот случай вскоре обсуждал весь Париж. Потому что вскоре незнакомец из кафе стал первым любовником молодой Ахматовой. Его звали Амедео Модильяни.

Сегодня картины этого художника оценивают в десятки миллионов евро. При жизни же Модильяни едва сводил концы с концами. Денег у него никогда не было. Но это не помешало ему в любви. Женщины обожали его: дамы из высшего общества и простолюдинки. Любовницы часто становились его натурщицами. Анна Ахматова не стала исключением.

Он рисовал ее увлеченно. Египетская царевна, танцовщица с тяжелыми африканскими бусинами на шее, которые едва прикрывают грудь, – такой осталась Ахматова на картинах Модильяни.

Они разошлись без ссор и скандалов и больше никогда не виделись. Но Аня помнила его всю жизнь. Она всегда искала сложные, драматические, даже тупиковые отношения, которые, как правило, не могли окончиться ничем хорошим, и этими отношениями питала себя, свою поэзию.

Как говорится:

Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.

Она вернулась в Петербург другой. Уверенной в своем успехе.

В петербургском кафе «Бродячая собака» собирался весь литературный бомонд. Она бывала здесь десятки раз, как жена известного поэта Николая Гумилева. Но один из вечеров стал для нее особенным.

Именно тогда Ахматова впервые прочитала свои стихи на публике.

Никто в зале не понял, что произошло. Эта женщина обладала магической властью над людьми. И вправду – колдунья!

С бурными аплодисментами жизнь никому не известной жены Николая Гумилева изменилась навсегда. Теперь именно она стала звездой литературного Петербурга. У нее появились пылкие поклонники. Теперь ее уже не называли женой Гумилева. Наоборот, о ней стали говорить: муж той самой Ахматовой.

Николай пытался привязать ее к себе, вернуть. Но тщетно. Анна расправила крылья и набирала высоту. Не помогло даже рождение сына Льва. Гумилев надеялся, что появление ребенка все изменит, что Анна почувствует себя матерью и успокоится. Но она рассудила иначе: сын не заставит ее отказаться от поэзии. А еще она не хотела отказываться от признания, к которому стремилась с детства.

Тридцать лет спустя Ахматова напишет: *«Ты сын и ужас мой»*. Всю жизнь этот мальчик будет страдать из-за своих родителей. Он проведет 13 лет в лагерях и заключении только из-за фамилии Гумилев. Впоследствии он не без иронии писал о себе: *«Первую половину жизни я сидел за папу, вторую половину – за маму»*. А в детстве он больше всего будет ждать нечастых приездов матери, потому что Ахматова сделала свой выбор: не материнство, а поэзия. И отдала малыша свекрови.

Когда мальчика отвезли к матери Гумилева в Бежецк, Ахматова вернулась к прежней жизни. Но отношения с мужем больше напоминали военные действия.

В конце концов Гумилев устал.. У него появились женщины, дававшие ему то, чего он не имел дома – любовь и уважение, преклонение перед его талантом.

Именно тогда Ахматова написала знаменитые строки:

Муж стегал меня узорчатым
Вдвое сложенным ремнем.

В Петербурге все решили: Николай Гумилев – садист. Позже он написал: *«Мне было не очень-то приятно гулять по Петербургу этаким ветвисторогим оленем. А после этих строк я прослыл еще и садистом. Обо мне прошел слух, что я, надев фрак, хлещу узорчатым, вдвое сложенным ремнем не только свою жену Ахматову, но и своих молодых поклонниц, предварительно раздев их донага»*.

От этих отношений его спасла Первая Мировая война. Он записался добровольцем и ушел на фронт одним из первых. Анна и тогда не отдала ему свой перстень-оберег, чтобы защитить от смерти.

Анна была уверена, что стихи ей диктует кто-то свыше. И когда в 1915 году записала строки нового стихотворения, содрогнулась. Это было стихотворение-пророчество «Молитва».

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар.

Все это сбудется – каждая строка. Но тогда напуганная Анна решила: она должна все изменить, отдалить близких людей, никогда не видеться с ними. От отчаяния ее спас мужчина ее мечты – художник Борис Анреп.

Борис Васильевич Анреп был человеком идеальным для Ахматовой. Он был похож на отца Анны Андреевны – Андрея Антоновича. А она всегда искала в мужчинах образ своего отца. Очень высокий, очень сильный, плотный и такой же ловелас.

Именно ему Ахматова посвятила рекордное количество своих стихов – около сорока. Хотя роман их длился всего несколько дней. Это был самый пылкий и самый короткий роман в жизни Ахматовой. Семь дней любви и вечная разлука.

Так она напишет в воспоминаниях. Он был женат, она замужем. Он хотел эмигрировать. Она осталась в России. Но перед его отъездом Анна неожиданно сняла с пальца кольцо, свой оберег. И пообещала: *«Оно защитит тебя»*. С утратой кольца вся ее жизнь изменилась. Ахматова верила – он вернется. Три года ждала от него письма. И постепенно поняла: ее, великую, царственную, – впервые бросил мужчина.

Николай Гумилев не был дома почти четыре года. Война изменила его. Он пережил кошмары, видел смерть, был ранен и понял, как сильно хочет жить. Анна встретила его холодно. Она больше не хотела врать. И сообщила сразу: любит другого и выходит за него замуж. Этим другим был историк Владимир Шилейко. Когда она объявила об этом Гумилеву, он побледнел, однако совладал с собой и ответил: *«Ну, что ж: раз ты решила, значит, мы должны расстаться»*.

На этот раз поэт потерял ее навсегда.

Литературный Петербург был потрясен. Что знаменитая поэтесса нашла в неприветливом, замкнутом Шилейко? Но именно эти черты и привлекли Анну. Ее всегда тянуло к людям, которые ее подавляли. Комплекс Антигоны…

Он называл ее Акумой. В переводе с японского – «нечистой силой». Был резким, насмешливым. После женитьбы жестко заявил: *«Я не понимаю и не люблю твои стихи»*. Анна терпела эти издевательства молча. Писала под диктовку его статьи, готовила для него, колола дрова. Он запрещал ей писать стихи. Ахматова этому подчинялась до поры до времени. Вырваться из этого круга Анне помогла трагедия. Она неожиданно узнала – ее пророчество сбылось: Николая Гумилева расстреляли.

Поэта Николая Гумилева обвинили в заговоре и подготовке вооруженного переворота. Только потом, когда рассекретили документы, стало известно: поэт Гумилев казнен за то, что не сообщил органам о предложении участвовать в заговоре, от которого он категорически отказался. Его расстреляли, как преступника, а вместе с ним и тот мир, в котором жила Ахматова.

После расстрела Гумилева Анна словно проснулась. Она бросила Шилейко и начала тщательно собирать работы Гумилева, публиковать его стихи, записывать воспоминания. Живой он был ей не нужен, перед мертвым она благоговела.

Тем временем по стране прокатились новые аресты, под репрессии попали лучшие поэты, ее друзья, и она понимала – это только начало. В то же время Ахматова впервые почувствовала: как это – быть нежеланным поэтом. Партия объявила жесткое предупреждение гражданке Ахматовой. А потом ей устроили литературный бойкот на целых 15 лет. Ее сборники не печатали. От одиночества и голода ее спас третий брак с искусствоведом Николаем Пуниным.

Ради Анны Пунин развелся с женой. Но жизнь заставила их делить одну квартиру. Ту самую в Фонтанном доме. В одной комнате жили Ахматова с мужем, в другой – его бывшая жена и дочь. Причем комнаты были проходными!

Постепенно эта жизнь превратилась в кошмар. И именно в это время Анна получала горькие письма от сына и свекрови. Леву исключили из школы, потому что его отец – предатель, враг народа. Она уговорила мужа поселить Леву, имевшего опасное клеймо сына врага народа, в той же квартире. Квартира была наполнена людьми, и Лева жил в маленьком уголочке в конце коридора, огороженном цветастой занавеской. (Честно говоря, у меня в голове не укладывалось, как в таком малюсеньком закутке может жить человек, тем более подрастающий, которому нужен простор.) Ситуация была не из легких. Отца, Николая Степановича, уже не было, у Николая Николаевича Пунина был тяжелый характер. Отчим даже не пытался наладить отношения с подростком. Он сразу дал ему понять: Лева – бездельник, зря проедающий чужие деньги. Это унижение Лев Гумилев запомнил на всю жизнь.

«Жить мне, надо сказать, было довольно скверно, потому что ночевал я в коридоре на сундуках. Коридор не отапливался, был холодный. А мама уделяла мне внимание только для того, чтобы заниматься французским языком», – писал Лев Гумилев впоследствии.

В 18 лет сын Ахматовой попытался поступить в Ленинградский государственный университет, но его даже не допустили к экзаменам. Парень не мог ничего поделать. В университете Гумилеву четко дали понять: у него неправильная фамилия...

Лева пытался искать поддержки у матери. Но единственное, что могла сделать Ахматова, – это ввести его в круг своих друзей, тех немногих, которые не попали под жернова репрессии. Они дали парню странный, но спасительный совет: *«Хочешь учиться – иди, трудись. Сын интеллигентов должен стать рабочим»*.

Он стал рабочим трамвайного депо. Настоящий пролетарий: укладывал рельсы и интересовался партийной жизнью. А вечером возвращался домой, где вместе с мамой переводил Шекспира. Три года такой двойной жизни, и Гумилев наконец-то поступил в университет.

Он заработал свое право на учение тяжелым трудом. Но не учел одного: в НКВД в те времена существовал план по уничтожению врагов народа. Студент Лев Гумилев еще не успел окончить первый курс, когда за ним пришли ночью. Вместе с ним забрали и отчима, Николая Пунина, за неосторожное высказывание о Сталине.

Ахматова осталась одна. И тогда гордая ведьма, Акума, богиня, написала ему письмо:

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! Я решаюсь обратиться к Вам с этим письмом. 23 октября в Ленинграде арестован мой муж, Николай Николаевич Пунин, и мой сын, Лев Николаевич Гумилев. Иосиф Виссарионович, я не знаю, в чем их обвиняют, но даю Вам честное слово, что они не фашисты, не шпионы, не участники контрреволюционных обществ. Я прошу Вас, Иосиф Виссарионович, вернуть мне мужа и сына, уверенная, что никто никогда об этом не пожалеет».

Написать это письмо ей помог Михаил Булгаков. Он верил, что Сталин спасет Ахматову, как однажды спас самого Булгакова. И не ошибся.

Таких писем Сталину присылали сотни ежедневно. Но с этим посланием случилось невероятное. Сталин прочитал его и приказал освободить мужа и сына Ахматовой.

Она думала, что все ужасное, что могло с ней случиться, – уже в прошлом, и отныне все должно пойти своим добрым чередом. Но она ошибалась.

Начинался страшный 1938 год. Более двух миллионов невинных людей оказались в тюрьмах. Среди них и сын Ахматовой – Лев Гумилев.

Он получил пять лет лагерей. И на этот раз спасти его мать не смогла.

В 1939 году на ежегодное вручение литературных премий пришел особенный гость – Сталин. Разговаривая с поэтами и писателями, Иосиф Виссарионович неожиданно спросил:

– А где Ахматова? Почему ничего не пишет?

Все испуганно замолчали. Почему он вдруг вспомнил о ней? Милость?..

Уже через год в Ленинграде вышел сборник ее стихов после 15 лет забвения.

Оказалось, Ахматову спасла дочь Сталина Светлана Аллилуева. Она увлекалась опальной поэтессой и упросила отца вернуть ее стихи. Сталин отказать не мог, и сборник опубликовали. С тех пор книгу в партийных кругах так и называли: подарок отца Светлане.

Выход сборника вернул Ахматову к жизни. Ее снова приняли в Союз писателей, выделили льготы. Появились деньги. Но Анна чувствовала зыбкость этого положения и очень тревожилась. Обострилась болезнь детства – хронический туберкулез. Развилась мания преследования. Ей казалось, что все вокруг шпионят и доносят на нее, что ее поклонники – агенты НКВД.

И все-таки даже такой она оставалась царственной. Такой ее застала война. Такой ее увидел человек, который спас ее от голодной смерти.

В 1941 году во время первой же бомбежки в Ленинграде сгорел огромный склад продуктов. В осажденном городе начался страшный голод. Больную, истощенную Ахматову спас врач Владимир Гаршин. Кормил с ложечки, уговаривал: нужно жить, нужно писать. Гаршин успел отдать распоряжение: вывезти поэтессу в эвакуацию, в Ташкент. А сам остался в блокаде. Но Ахматова не забыла о нем. Все годы войны они переписывались, и в конце концов Владимир Гаршин сделал ей предложение. Им тогда было за 50.

Но когда Анна вернулась в Ленинград, Гаршин сказал ей: «Нам нельзя быть вместе. Мне приснился плохой сон». Ахматова этого не простила.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

Снова одинокая. Но, слава Богу, вернулся сын. Он отсидел свой срок и пошел на фронт. Попал в штрафбат. Шансов выжить было немного.

Но он выжил. И вернулся героем. Жизнь начиналась сначала.

Теперь Лев наконец-то защитил диссертацию и стал кандидатом исторических наук. В этот период он редко виделся с матерью. Она снова признанная, популярная поэтесса. Ее выступления собирают полные залы, ею зачитываются. И тут, словно на радостях (или не замечая ничего от радости), она совершила страшную ошибку, за которую вновь расплатился ее сын.

«Вторую половину жизни я сидел за маму»...

Ахматова приняла у себя знаменитого публициста, посла Великобритании Исайю Берлина. В частной беседе она рассказала ему о терроре, репрессиях, расстреле мужа, арестах сына. Она просто жаловалась как доброму другу. А Берлин опубликовал этот разговор за границей как интервью. И Ахматовой этого не простили.

В 1946 году газеты напечатали знаменитое постановление ЦК, в тексте которого говорилось: *«Ахматова – поэт мертвых идеалов, мелкая буржуазная писака, то ли блудница, то ли монашка, которая тоскует по буржуазным отношениям и не несет просвещение в народ»*.

Это означало одно: поэтессы Анны Ахматовой больше не существует.

Но это было еще не самое страшное. За ошибку матери расплатился кандидат исторических наук и перспективный ученый Лев Гумилев. Он получил 10 лет лагерей.

Это был страшный удар и для него, и для Анны Андреевны, которая лежала несколько часов без сознания, а потом сожгла почти весь свой архив, сказав: *«Пусть горят стихи, раз они приносят столько зла людям, столько зла моему сыну»*.

Она попыталась спасти его. Снова обивала пороги кабинетов и унижалась. Но ей отказали. А сын навсегда отказался общаться с нею. И это было для нее страшнее репрессий…

Так прошло 10 лет. Освобождение им – Анне и сыну – принесла смерть Сталина. После нее Ахматова снова стала уважаемой и признанной поэтессой, а ее сын – выдающимся историком.

Ее номинировали на Нобелевскую премию, вручили диплом доктора Оксфордского университета, литературные премии. Ахматова вернула себе все, кроме прощения сына.

Она умерла одинокой, в санатории под Москвой. Это случилось 5 марта 1966 года, в 13-ю годовщину со дня смерти Сталина.

В тот день больницу посетил ее сын. Он приехал проведать мать, но не увидел ее. Врачи запретили ему беспокоить Ахматову. Спустя несколько часов ее не стало.

Сын всю оставшуюся жизнь жалел, что не увиделся с ней, не отпустил обиду. Он сам устроил похороны. Денег едва хватило на простой гроб и деревянный крест с табличкой вместо надгробия… Лев Гумилев вместе со своими студентами построил памятник матери самостоятельно, собрав камни, где смог, и выложив стену, как символ тюрьмы «Кресты», около которой стояла его мать с передачами сыну. Первоначально в стене была ниша, похожая на тюремное окно, в дальнейшем эту «амбразуру» закрыли барельефом с портретом поэтессы.

Я друзьям своим сказала:
«Горя много, счастья мало», –
И ушла, закрыв лицо;
Потеряла я кольцо.

Она предвидела смерти каждого из близких людей. Ей было суждено пережить всех, кто любил ее, и умереть в одиночестве. И обессмертить себя в стихах. И остаться невидимой колыхающейся тенью в Фонтанном доме, в море, под названием «Былое»…

Примечание: При написании эссе использовались воспоминания об Ахматовой, материалы из интернета об Анне Ахматовой и ее сыне, Льве Гумилеве, книга К.Чуковского «Современники» и больше всего – собственные записи о большой экскурсии в Фонтанном доме в Петербурге, где с 1924 года проживала Анна Андреевна.

Ассоциации

Большая стрелка нехотя переползла на цифру 12. Вслед за ней маленькая так же лениво остановилась на цифре 2. Внутри желтого циферблата что-то заурчало, вздохнуло и сипло гаркнуло два раза. Старые часы с римским циферблатом возвестили миру о двух часах дня.

Тишина была благостная. Впервые за долгие месяцы удалось вдохнуть ее полной грудью. Господи, неужели это еще возможно и ненаказуемо – вот так стоять босиком на прохладных половицах и блаженно вдыхать тишину?.. Просто вбирать в себя этот мир и наслаждаться каждым мгновением? Ни о чем не заботясь, ни о чем не печалясь?..

Нет, ну, конечно, это должно было случиться. Где это видано – долгоиграющее блаженство?.. Вначале тишину последовательно пронзили хрип, хлюп и шип, а вслед за ними, словно как из тумана, донеслось до боли знакомое:

Куда, ку-уда, ку-у-у да-а-а вы уда-алились
Весны моей зла-а-атые дни-и?..

Сомнений быть не могло. Этот сладкозвучный голос принадлежал только одному человеку в мире – Сергею Лемешеву.

Нет, я люблю оперу, и арии в исполнении Лемешева тоже. Но сейчас мне больше всего хотелось слушать тишину. Но что поделать – в доме напротив живет студентка консерватории, и время от времени воздух сотрясается то сонатами Бетховена, то руладами Шуберта, а теперь, видно, и до Чайковского дело дошло. Ладно, Ленский, так Ленский, пусть даже в такой хлюпающей, шипящей и хрипящей записи. Все равно, голос божественный. Мозг тихонько возвращается из блаженного бездумья в мир звуков, красок, страстей, волнений и мыслей. Пока еще зыбко и лениво создает связи, проводит аналогии. И в сознании сначала осторожно, а потом все на-

стойчивее возникает ассоциация: Лемешев и человек, преклонявшийся перед его талантом. Человек, из окон дачи которого чаще всего звучал голос Лемешева. Человек, написавший о певце прекрасное эссе. Писатель Юрий Нагибин.

Стоп! Мозг окончательно проснулся и включил все тумблеры! Лемешев и тишина сейчас побоку! Память, фантазия, знания устремлены к человеку, чьей литой сдержанной прозой я была очарована много лет назад. Юрий Маркович Нагибин – герой нынешнего эссе.

***

Его называли мастодонтом и бизнесменом от литературы, но за всю жизнь он не получил ни одной литературной награды. Фильмы по его сценариям были любимы народом, а он относился к этой работе презрительно и даже как-то брезгливо. Так откровенно и писал об этом в дневниках.

Он был одним из самых состоятельных людей в СССР, но при этом ухитрился даже не вступить в партию. Он писал изысканно и точно, но вел себя порою, как последний хулиган. Если что, мог и по морде заехать, и крепких слов не чурался.

Писатель, признанный при жизни классиком. Светский лев и завсегдатай московских ресторанов. Казалось, он идет по жизни, как таран, ничего не замечая, ничего не боясь. И даже самые близкие друзья не подозревали, что было на самом деле у него на душе. И какие горькие до боли и порой постыдные тайны хранит его дневник – исповедь писателя, которую он тщательно скрывал от посторонних глаз.

День был холодным и солнечным. Лопата легко резала податливую глину. Нагибин утрамбовал ногами землю. Ни одна живая душа не должна знать, что спрятано в металлическом ящике в укромном уголке писательской дачи.

Но еще не раз он будет откапывать эту жестяную коробку, перепечатывать страницы хранящейся в ней рукописи, тронутой плесенью, и снова зарывать в землю труд, который впоследствии назовут вершиной его таланта – мучительной исповедью, диалогом с самим собой и с властью, которая обласкала его, и которую он люто ненавидел. Бывают такие парадоксы…

Выживать, то есть вести себя, как надо, Нагибин умел. Он никогда не был диссидентом, не готов был добровольно принять этот крест. Но так же не мог и простить власти то, что отняла у него отца.

Отчима Юрия Нагибина звали Марк Левенталь. Настоящий отец будущего прозаика Кирилл Александрович Нагибин погиб в 1920 году незадолго до рождения сына. Но именно отчиму, которому, как писал Нагибин, *«я обязан очень многим»*, и была посвящена рукопись, закопанная в укромном уголке дачного участка. Юрий получил отчество Маркович и всегда с теплотой вспоминал об отчиме. Марка Левенталя в 1937 году арестовали, долго держали в тюрьме, а затем сослали. С семьей он больше не встретился, умер в ссылке в 1952 году.

Юрий Нагибин с отличием окончил школу и сразу же поступил на сценарный факультет ВГИКа. Со стороны казалось: щеголь, бонвиван, московский озорной гуляка. Человек, обласканный властью и судьбой и никаких проблем не знающий. Нагибин делал все, чтобы это мнение поддержать.

В дневниках он как-то написал про себя: *«Размашистая же сволочь такая!»* И заграницу любил, и ездил, и книги хорошие, и дом у него был лучше всех писательских домов. Любил и гульнуть, причем делал это со знанием дела. И охоту любил до самозабвения. И футбол! Одним словом, жизнелюб, пивший жизнь полными горстями!

Первый по-настоящему взрослый рассказ Нагибин написал в 1940 году. Отчим (это был уже третий брак матери), литератор Яков Рыкачев отнес произведение пасынка в «Новый мир». Рассказ приняли, сказали, что все замечательно, и пригласили Рыкачева подписать верстку, как положено. И попросили исправить одну опечатку, мол, фамилия другая. Рыкачев на это гордо заметил, что ничего исправлять не будет,

все правильно: *«Это мой пасынок написал!»* И рассказ напечатали под фамилией Юрий Нагибин. Начался путь в литературу.

Он не мог в прямом смысле слова прожить ни дня без строчки. Когда ему вдруг не о чем было писать, он писал рассказ, который потом назвал «Немота». О том, что ему не о чем писать.

Ему от Бога было дано потрясающее чувство русского языка. Легкое, музыкальное, но в то же время и степенное, величественное. Завораживающее каждой строчкой.

Первый писательский опыт был настолько хорош, что 20-летнего студента сценарного факультета ВГИКа приняли в Союз писателей. В том же году он женился на дочери профессора Литературного института Марии Асмус. Красавица, окруженная толпой небедных и влиятельных поклонников, почему-то выбрала его – тощего, почти нищего мальчишку с неясными планами на жизнь. Но рядом с ним все остальные меркли. Он был очень галантен, обольстителен и, что немаловажно, – очень хороший рассказчик. Он умел увлечь разговором, чувствовать его нерв и ритм, а это редкий дар. Настоящий златоуст. Когда он говорил, его *«слова лились потоком, как золотой дождь, и каждое слово было невероятно точно и прекрасно»*. (В.Токарева)

Год спустя началась война. Молодой писатель Нагибин пришел в райвоенкомат добровольцем и вскоре оказался на Волховском фронте.

Он вернулся домой в 1943-м после сильнейшей контузии. И тут выяснилось, что жена, любимая его Маша, не очень-то этому и рада. Не осталось ни всепоглощающей любви, ни даже сострадания. Она сухо предложила развестись. Мир распадался на глазах. И как вновь собрать его, было неясно.

Но надо было продолжать жить. Нагибин устроился в газету «Труд» обычным репортером. И вскоре снова женился. Второй супругой писателя стала дочь Ивана Лихачева, легендарного директора автомобильного завода, человека, входившего в ближайшее окружение Сталина.

Пять лет Нагибин фактически жил в условиях победившего коммунизма. В этой семье было принято с размахом есть, безудержно пить и веселиться.

Через пять лет Нагибин вдруг развелся. Чуть ли не сбежал. Причина столь решительного поступка стала понятна много лет спустя, когда вышла повесть «Моя золотая теща». Оказалось, что молодой писатель все это время не слишком-то много времени уделял жене, зато целенаправленно и настойчиво искал близости с ее матерью и в конце концов нашел. Об этом ненароком узнал всесильный тесть. В общем, писатель еще легко отделался…

Поступок более чем безнравственный и омерзительный. Ну, неприлично, мягко говоря, приставать к теще, и тем более неприлично выносить это на страницы художественного произведения. Нагибин сделал и то, и другое. Да, уж…Орлам случается и ниже кур спускаться…

Но ведь и «курам никогда до облак не подняться…».

Скоропалительные свадьбы и поспешные разводы. Нагибин будто мчался куда-то, проживая несколько жизней, и Бог знает, в какой он был настоящим. Скорее всего, в той, которую он тщательно прятал от чужих глаз – в жизни на страницах дневника-исповеди.

Он вскоре снова женится. И опять разводится. Снова идет в загс и снова неудачно. Впрочем, сердечная кутерьма никак не мешала, а может, и помогала творческому росту. Любовные приключения и переживания давали богатый материал для рассказов и повестей. Литературная карьера Нагибина стремительно шла в гору, а о его работоспособности и вовсе ходили легенды. Была даже поговорка: «Работает, как Нагибин».

Произведения его были так изысканны и хороши, что власть смотрела сквозь пальцы на его беспартийность. Окружающие считали это еще одним проявлением

везучести. А он был уверен: все дело в чутье, как человеческом, так и писательском. Он был бесстрашен, но при этом очень осторожен и внимателен. Любил подразнить судьбу, но старался удержаться на грани.

У него была цель: попытаться каким-то чудом спасти отчима – Марка Левенталя. Нагибин навещал его раз в два-три месяца, прикрываясь удостоверением газеты «Труд». Разумеется, те, кому положено, об этом знали, но помалкивали. И сам писатель об этом молчал. А потом что-то как будто надломилось. Марк Левенталь попал в больницу. Но Нагибин не приехал, не смог заставить себя. Бог его знает, почему…

«Утром пришла телеграмма: «Ваш отец умер сегодня ночью. …Если бы я поехал, если бы он знал, что я его люблю, какие-то неведомые силы удержали бы его в жизни… Я его предал. Он это почувствовал – и отказался от жизни. И в этом смысле мое второе предательство – то, что я не поехал его хоронить, – уже не имеет значения» (из дневника Ю.Нагибина).

Через год после смерти Марка Левенталя Нагибин написал повесть – покаяние сына, которого власть заставила предать отца. В повести были боль и ярость против бесчеловечной системы и горечь безысходности.

Но, может быть, корень зла был не во власти, а в нем самом?.. Молодом, энергичном, ярком и тщеславном…

Нагибин отнес рукопись повести в журнал «Знамя». Старший редактор отдела прозы, друг Марка Левенталя прочитал ее и вернул со словами: *«Больше никому не показывай. Сожги и забудь»*.

Но уничтожить свой труд, свою боль писатель не мог. Тогда и появились в его жизни жестяной ящик и небольшой холмик в углу дачного участка.

А жизнь тем временем шла своим чередом. В 1959 году Нагибин встречается с Беллой Ахмадулиной. Ей 22, она уже побывала замужем за Евгением Евтушенко и рассталась с ним. Ее только что отчислили из Литинститута за проваленный экзамен по марксизму-ленинизму. Хотя истинная причина была в другом. Юная поэтесса, уже ставшая звездой, отказалась участвовать в травле Бориса Пастернака.

«Она обрушилась на меня как судьба. Было то, что я понял лишь потом, – стремительно и неудержимо надвигающийся мир другого человека, и я был так же беспомощен перед этим миром, как обитатели Курильского островка перед десятиметровой волной, слизнувшей их вместе с островком» (из дневника Ю.Нагибина).

Нагибину было под сорок. И он так же, как и прежде, был внешне предельно лоялен к власти. Но любовь между этими двумя, столь различными по духу и душевной организации людьми вспыхнула мгновенно.

Белла не была красавицей, но была необыкновенно утонченной, словно статуэтка из дорогого фарфора. А еще и манера говорить – голос, словно серебряная дудочка, навевавшая сны о неведомых мирах и очарованных далях.

Нагибин в то время тоже производил на всех ошеломляющее впечатление. Сейчас это называют харизмой… Раньше – более милым словом «обаяние». Непоколебимая, невозмутимая уверенность в себе в сочетании с львиной мужской притягательностью. Стареющий лев. Это определение более всего подходило ему. Он мог позволить себе выбирать. И выбрал – взбалмошную, экзальтированную, но очень талантливую девочку с татарским разрезом горящих глаз.

Безупречным казался этот союз. Нагибин помог жене написать два киносценария по его новеллам – «Стюардессу» и «Чистые пруды». Причем сделал это так, чтобы она имела возможность прочитать за кадром свои стихи.

В кинематографе Нагибин чувствовал себя, как рыба в воде. В конце 50-х один за другим вышли фильмы, снятые по его рассказам и сценариям – «Трудное счастье», «Самый медленный поезд» и «Ночной гость» с неподражаемым И.Смоктуновским в главной роли.

Такая удачливость еще сильнее раздражала завистников. Пока другие или диссидентствовали, ведя на кухне запрещенные разговоры против власти, или, наоборот, смирялись, он каким-то чудесным образом умудрялся быть в фаворе, не особо скрывая своих потаенных мыслей. И при этом греб деньги не просто лопатой, а ковшом экскаватора.

«Председатель» – легендарный фильм по его сценарию. Но посмотрели его «люди сверху» и возмутились, мол, что это такое, это клевета на действительность. Сценариста публично обвинили в том, что он оболгал и очернил образ колхозника.

Нагибин нервничал. Он понимал: власть, которая дала ему все, может все и отнять. Например, закрыть ему дверь в кинематограф. А это пробило бы серьезную брешь в доходах.

Нагибина склоняли и в прессе, и на заседаниях СП. Напряжение нарастало. В какой-то момент сердце не выдержало. Инфаркт.

Он справился. Нагибин вышел из больницы в тот момент, когда «Председатель» с неподражаемым М.Ульяновым уже триумфально шествовал по экранам. Зрительные залы были неизменно переполнены, и критики вынуждены были замолчать.

А дальше – шаг вперед. Мировой кинематографический уровень. В «Красной палатке» снимаются Клаудиа Кардинале и Шон Коннери. Фильм «Девочка и эхо» получает призы на фестивале в Локарно и Каннах. «Бабье царство» (да, тот самый, где сыграла великолепная Римма Маркова) – специальный диплом на фестивале в Сан-Себастьяне. И вершина: «Дерсу Узала» Акиро Куросавы по сценарию Ю.Нагибина становится лауреатом «Оскара».

И тут, когда удача не просто вновь улыбалась ему, а была словно в зените своей солнечной улыбки, в писателя будто вселился неудержимый бес. Ежедневные застолья становятся многодневными. Алкоголь льется рекой. Не щадил ни себя, ни официантов – они просто не успевали подносить горячительные напитки.

Возвышенный и утонченный брак с Беллой становится жалкой пародией на семейную жизнь. Они сразу договорились, что их союз будет, так сказать, свободным, то, что метко называют *«высоки-ие отношения!»* Но даже для них есть какой-то предел, какое-то табу…. И это табу было нарушено.

«Если сходятся люди, которые любят друг друга, то у них все должно быть на жизнь и смерть, и нет такой вещи, которой нельзя было бы простить. Я чувствовал ее как часть самого себя, вернее, как продолжение себя. Совершенно естественно, что это продолжение должно быть наделено всеми моими отвратительными качествами: распутством, склонностью к пьянству, особой бытовой лживостью при какой-то глубинной правдивости натуры, неумением быть счастливым» (из дневника Ю.Нагибина).

Нагибин был на грани срыва, и друзья страшились за него. Даже Василий Шукшин, не отличавшийся робостью характера, попадает под нагибинскую горячую руку.

В творчестве тоже все было беспорядочно. Вслед за мытарствами фильма «Председатель» начались новые мучения с фильмом «Директор».

Нагибин писал сценарий к этому фильму, взяв за основу свою жизнь в семье главного строителя автомобилей – Ивана Лихачева. По мнению кинематографистов, образ Лихачева на экране мог воплотить только один актер – Евгений Урбанский.

Нагибин, чтобы хоть как-то отвлечься от закулисных игр и интриг по поводу фильма, отправился на съемки в Каракумы. Там они встретились с Урбанским и тут же схлестнулись так, что посыпались искры! Неудивительно, они были из одной породы победителей, а двух победителей на одном месте, как известно, быть не может. Каждый доказывал свою бойцовскую харизму или, если угодно, свою *«самость»* любыми способами. Урбанский заявил, что сцену гонок по пустыне он будет играть сам, без каскадеров. Первый дубль отсняли неплохо, но режиссер А.Салтыков попросил сделать второй.

Автомобиль взлетел над барханом и перевернулся. Евгений Урбанский скончался от полученных ран по пути в больницу. Молва тут же обвинила в его смерти режиссера с его злосчастной просьбой о втором дубле. Ну и заодно, оказавшегося рядом сценариста.

Нагибин вернулся в Москву, обескураженный, притихший. Он с его чутьем и острым чувством сопричастности к боли ел себя поедом, мучительно корил за трагедию с актером. За то, что не настоял на каскадерах, за то, что спорил с Урбанским на съемках, за то, что вообще поехал в Каракумы.

Московский дом был пуст и неуютен. Белла бывала там теперь редко. Нагибин бежал от тоски пустого дома в рестораны. Они по-прежнему услужливо перед ним открывались, по-прежнему алкоголь лился рекой.

«И водка, и эти мои нынешние дела – явления одного порядка: только бы спрятаться от действительности, от себя. А писать даже мои жалкие рассказы – это иметь дело с жизнью, а значит, и смертью» (из дневника Ю.Нагибина).

В ноябре 1968 года Нагибин и Ахмадулина окончательно расстались. На прощание Белла назвала мужа *«паршивой советской сволочью»* и этим ранила больше, чем супружеской неверностью.

Боли уже не было. Только зияющая черная пустота и усталость. От нее было два лекарства, причем одно – крепкое – уже не помогало. Оставалось второе – работа. Тем более, что она продолжала оплачиваться.

Новую любовь Нагибин встретил в Ленинграде. Алла была переводчиком и была замужем. Они увидели друг друга в каких-то гостях. Перед обаянием стареющего льва-златоуста могли пасть любые бастионы. Не устоял и этот.

Молодая женщина с глазами косули. Нагибин решил, что это его последний шанс. Так и случилось. Цветы охапками, прогулки, долгие беседы. В Ленинград он теперь ездил каждую неделю. А потом Алла перебралась в Москву. До конца своих дней Нагибин прожил с нею.

«10 января Алла переехала окончательно. Два дня у меня такое чувство, будто мое сердце закутали в мех. Помилуй меня Бог» (из дневника Ю.Нагибина).

Нагибин успокоился, остепенился. Но ритм его жизни оставался неизменным. Каждое утро – обязательные четыре страницы текста. Вечером – отдых. Из окон его кабинета по всему писательскому поселку раздавалась изумительная классическая музыка: Рахманинов, Чайковский, Вагнер. И особенно громко – его любимый Лемешев. Жизнь упорядочилась, вошла в колею хлебосольного открытого писателя-барина. Друзья, застолья, разговоры обо всем. Пир души.

Но оставалась еще одна тайна, которую он тщательно хранил в дальнем углу сада в жестяной коробке. И в один из дней он вытащил попорченные плесенью листы рукописи, перепечатал на машинке и уже не стал прятать. Оставил на столе как знак для жены: «Прочти».

«Благодаря отцу я узнал столько всяческой боли, сколько не причинила мне вся моя остальная жизнь. Это единственная основа моего душевного опыта, остальное все дрянь и грубость. Маленькая фигурка за колючей проволокой лагеря… и взгляд мне вослед, взгляд, который я физически чувствовал, даже скрывшись из виду, – это неизмеримо больше того, что способен дать сыну самый лучший отец» (Ю.Нагибин «Встань и иди»).

В самом конце 80-х Нагибин надолго уехал в Италию. Алла осталась дома. Она перепечатала рукопись и отнесла ее главному редактору журнала «Юность» Андрею Дементьеву. На свой страх и риск. Реакция Нагибина была не известна, а в гневе он был страшен.

Но писатель по приезду ругать жену не стал. Он просто позвонил в редакцию «Юности» и узнал, что повесть «Встань и иди» готовится к печати. Она увидела свет в 1989 году.

Все, кто знал Нагибина, были потрясены. Оказывается, этот утонченный сноб и бизнесмен от литературы 30 лет хранил в себе и в жестянке на даче такую боль.

Но это было лишь начало. Другую тайну писателя узнали лишь после его смерти, когда была опубликована повесть «Тьма в конце туннеля». И она тоже была связана с его отцом: настоящим, которого он не знал – Кириллом Нагибиным, и тем, кто стал для него всем – Марком Левенталем.

И самое беспощадное и безжалостное его произведение – «Дневники».

«Что бы я ни делал: писал, пил, развратничал, читал – я все делал на пределе своих сил, все делал страстно. Я не выпивал, а пил мертвую, я блудил каким-то первородным грехом, я работал, как фанатик. Меня всегда надо было удерживать: от работы, от водки, даже от покупки туфель. На каком повороте выронил я лучшее в себе?» (из дневника Ю.Нагибина).

17 июня 1994 года Алла привезла в дом совсем маленького щеночка эрдельтерьера. Нагибин был вне себя от восторга и счастья. Это была его любимая порода. Он играл с щенком, гладил его, ласкал и вдруг заплакал.

– Ты знаешь, я не увижу, как он вырастет, – ответил он на испуганный вопрос жены. Потом помолчал и добавил: – Ни Нобелевская премия, ни богатство, ни литературное признание я не променял бы на годы, прожитые с тобой.

Потом поцеловал ей руку и сказал, что немного поспит перед обедом.

Он ушел во сне. Ему было 74 года. Столько же, сколько его любимому певцу, чью жизнь он своеобразно отзеркалил. Такой же баловень судьбы, такой же сладкопевец-златоуст, те же толпы поклонников, тоже шесть браков и счастье лишь в последнем.

Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.
Нет нужды; прав судьбы закон.
Паду ли я, стрелой пронзённый,
Иль мимо пролетит она,
Всё благо: бдения и сна
Приходит час определённый;
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!

Дневники были изданы после смерти и стали вершиной творчества писателя. Он, пивший жизнь полной чашей и знавший горечь ее бессмертного напитка, выразил всего себя в «Дневниках» – такого как есть, без прикрас. Перед собой он был честен и трогательно-беззащитен. И хочется верить (действительно хочется), что день грядущий приготовил Юрию Нагибину не забвение, а долгую память.

Примечание: При написании эссе были использованы произведения Ю.М.Нагибина («Квасник и Буженинова», «Дафнис и Хлоя», «Белая сирень», «Певучий голос Росси» (о С.Лемешеве) и др., отрывки из его выступлений на творческих вечерах, отрывки из его дневников, статья Юрия Кувалдина «Книга, а не человек» (о Нагибине), воспоминания друзей и материалы из интернета. Автор приносит сердечную благодарность за предоставленные материалы.

ЗАУР МЕХТИЕВ

1990-2021

ПОЭТ – ЭТО КАСТА…

«И понял я, что путь недолог,
Опасен, скользок, словно ртуть…»
З.Мехтиев

Еще одной утратой уходящего года стал скоропостижный уход молодого поэта Заура Мехтиева. Впервые он предстал мне серьезным 12-летним школьником в солидных очках, когда на заре нулевых состоялся Первый Бакинский поэтический фестиваль, организованный обществом «Содружество», где я председательствовала в жюри. Тогда же в ходе фестиваля мы придумали номинацию «Муза за школьной партой», чтобы стимулировать юных поэтов и приобщить их к «взрослому» литературному процессу. Стихи Заура, заслуженно ставшего одним из призеров фестиваля, уже тогда были достаточно громкой заявкой на поэтическое будущее.

Участник нескольких бакинских литобъединений, он благополучно миновал период ученичества, «переболев» влиянием нескольких ярких поэтов (например, Экрама Меликова, который в начале пути опекал молодого поэта, видя в Зауре преемника своей творческой интонации в поэзии). Но в итоге к десятым годам нового века Заур обрел собственный узнаваемый голос, став сложившимся автором со своей стилистикой, неординарным и предельно образным строем мышления – концентрация метафор на квадратный сантиметр его стихов так высока, что порой стих оказывался даже перенасыщен ими... Выпускник исторического факультета, увлекавшийся древними языками, он смело населял свои стихи героями давно ушедших веков и цивилизаций, вызывая их из «глубокой тьмы исчезнувших времен»: Зороастр и «рыжий Сет», Цезарь и Магомед, «Великий Сфинкс, смотрящий в никуда», цари, воины, художники и пророки были полноправными действующими лицами в создаваемой им поэтической реальности, помогая автору соотносить прошлое с настоящим, а настоящее с будущим, как звенья единой вечной цепи. Вместе с тем в его стихах ясно слышался голос нашего соотечественника и современника с его личными раздумьями, переживаниями, уникальным опытом взросления и осознания себя в этом мире.

Все эти годы я с отрадным чувством следила за взрослением и мужанием его музы, приглашая на свои вечера, включая его тексты в подборки наших авторов, которые отсылала в зарубежные издания… В 2012-м в Грузии состоялся Первый конкурс молодых поэтов Южного Кавказа, на котором мне довелось быть куратором от Азербайджана – естественно, Заур оказался также в числе наших участников и, хотя не стал лауреатом, вошел в пятерку отмеченных международным жюри. По возвращении с фестиваля состоялась его первая публикация в «Литературном Азербайджане».

В последние годы Заур работал журналистом, делал серьезные обзоры и интервью, обращаясь к поэзии не слишком часто… На каком-то этапе судьба дала сбой, навалились жизненные неурядицы, что не замедлило сказаться на его творческом и жизненном самочувствии. Мы можем только догадываться, что происходило в душе поэта, но в итоге его сердце остановилось в нынешнем сентябре. А нам с вами остались его стихи…

Алина ТАЛЫБОВА

Метаморфозы

Вы видели, как плачут в рощах сосны?
Их слезы так прозрачны и тягучи.
Они текут из раненных созвучий,
Таящихся в стволах, прямых как посох.

Их ветви – это руки. Утром россыпь
Росинок в них сверкает; каждый лучик
В них преломлён, как в строфах наилучших
Античных зодчих стройные колоссы.

Простерты эти руки надо мной.
В слезах чистейших, как в стихах Назона –
Вся Ойкумена, то есть Шар Земной.

Но лишь едва их тел коснется солнце,
Как предо мной уже совсем не сосны –
А новый Фидий строит Парфенон.

****

Небеса нависали, как тяжкий кулак,
Над домами, втянувшими головы в плечи.
Дождь, искавший отечество там, в облаках,
Обещал тополям возвратиться под вечер.

И они отверзали покорно уста,
Подставляя зеленые яркие губы.
Только их поцелуи насильно срывал
Жесткий норд,
мускулистый и яростно грубый!

Он валил их, безвольных, на серый асфальт
Чтобы снова и снова терзать и ласкать их.
Я шел мимо, как нити отбирая слова,
Чтоб поэмы соткать разноцветную скатерть.

Но я понял, что Воину Слова не быть
Всем законам послушным ткачом или пряхой,
Если образ отточенней стали блестит,
Если рифмы остры, словно профили Гракхов!

Отступайте вельможи!.. Ваш Рим устарел!
Новым словом построятся новые грады!
И из павших стихов окровавленных тел
Возведу я на вашем пути баррикады!..

Сонет

Повисли звезды на небесной арке,
как связка четок в пальцах пилигрима.
И ночь, пропахшая табачным дымом,
в песок ложится, как усталый Хатхи.

В аду простынь мой разум лег золой,
покрывшей слоем след дневных безумий,
и череп мой, как огненный Везувий,
во мраке тлел потухшею звездой.

И мысли застревали в волосах
комками мокрой и холодной глины –
я возводил из них лачугу сна.

В которой жаждал обрести уют...
Но о тебе, которую любил я,
вонзилось сожаленье в плоть мою...

****

Ночь темна, как кофе
или лицо эфиопа,
убитого ударом ножа
в арбатских подворотнях.
Это – час апофеоза
тьмы, рождающей пьяниц и оборотней.
Меж частичками мрака,
зажатых в моих кулаках
грохочет ритм моего пульса,
будя заржавелые колокола.

И я знаю, когда-нибудь придет минута,
и эти колокола ударят в набат.
И тогда не наступит привычное утро
после ночи,
покорной,
как закованный раб.
И движенья людей будут так же усталы,
и слова, обращенные к проблескам алым,
будут, что очевидно, одними и те ж.
Только сердце –
налитая кровью пиала,
говорит, что давно уже здесь побывала
та звезда,
что несет за собою мятеж.

Монолог в подражание Есенину

Дорогая, просто больно...
Видишь –
будто по пустыне,
Гонят по зеленым волнам
Айсберг ветры-бедуины.

Дорогая, просто грустно
Знать, что после весен – зимы.
После солнца – серый студень
Неба, мокнущего ливнем.

Дорогая, просто скучно
Жить, себя забравши в руки,
Средь уныло-равнодушных
И похожих друг на друга.

Дорогая, в этом мире
Кровью харкаю в душе я.
Как глаза у бога в Бирме
Неба голубая шея.

Кто поймет язык акаций?..
Все считают –
просто за́пах.
Для тебя был их акафист,
Исполняемый на память.

Дорогая, просто люди
Не привыкли видеть краски.
Им по вкусу – серость будней,
А влюбленный –
это каста!..

Полет

Небосклон наверху ощетинился, мрачен
И сквозь черную шерсть проблескнула звезда.
Я прошел по земле, как и все изначала,
Чтоб себя на распнение ордам отдать.

Я рванулся отсюда в небесные выси,
Душу хрупкую освобождая от пут,
Напрямую в по небу разлитую известь,
Что земляне созвездьями чудно зовут.

Хорошо мне!.. Одетый в галактик лохмотья,
Я иду по Вселенной, не согнувший колен.
Млечный Путь, словно шарф,
согревает мне глотку,
Что никак я сберечь не умел на Земле.

И космический ветер нависшие лохмы
Отдувает назад, овевая лицо.
Я еще не нашел здесь обители Бога,
Здесь, где нет ни начал и не видно концов.

В этот час по планете проносятся тени,
Из дымящихся туч прорывается дождь.
Я иду по Вселенной, не согнувший коленей,
Оставляя следы загрубелых подошв.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Законопослушание

Законы созданы людьми для людей. 10 заповедей, продиктованных Всевышнем Моисею на горе Синай, о которых любят вспоминать обыватели – законы, которые легко выучить. Выполнять эти, вроде, простые законы, сложнее. Если сравнить современное законодательство любой страны, даже самой отсталой, с заповедями Моисея, то выяснится, что масштабы современного законодательства совершенно другие. И если вы не являетесь профессиональным юристом, желательно в отдельно взятой области, то разобраться в бесчисленных, беспрерывно меняющихся законах просто невозможно. Вчера еще было записано одно положение, сегодня его поменяли на противоположное. И как в подобном случае выживать обывателю? Ведь каждый день, каждый час, он рискует нарушить закон, сам того не ведая.

В наше время Конституция является основным Законом государства, которому должны соответствовать и все действующие законодательные кодексы: гражданский, уголовный, трудовой, семейный и т.д. То есть действующее законодательство должно быть в гармонии с нормами Конституции, не нарушать главный Закон страны. Это в теории.

А что получается на практике? В некоторых развивающихся странах, где Конституция так же прекрасна, как у самой демократичной и продвинутой страны, реалии очень далеки от ее норм. Текст прекрасный, а то, что мы видим в реальности, далеко от идеала. Не просто нарушаются нормы Конституции, а нарушаются злостным образом вновь созданными государственными структурами, которые считают своей прямой обязанностью придумать свои новые правила и объявить на государственном уровне, что отныне эти правила, которые, кстати, откровенно противоречат положениям Конституции, и являются законными. А для тех, кто их нарушает, предусмотрены разного рода наказания. Штрафы, дискриминация и т.д.

Недавно в Афганистане к власти пришли талибы и заявили о том, что теперь в стране главным законом, по которому будет жить население, является шариат, свод законов для арабских племен VII века нашей эры. Кто-то скажет: хорошо, что нашей эры, а могли бы вспомнить закон Хаммурапи 1790 года до нашей эры. Затем, видимо, подумав, талибы решили, что поторопились объявить шариат основным законом страны; международное сообщество, как всегда, все не так истолкует, и постановили использовать законы последнего шаха. «В Афганистане будет применяться конституция времен последнего короля страны Захир-Шаха, за исключением положений, которые противоречат шариату, заявил и.о. главы минюста Абдул Хаким Шариа» (*цитирую по* ***haqqin.az***). Теперь афганцам необходимо раздобыть текст конституции шаха и сверять свое поведение с ее положениями. И еще не забыть проверить те законы, что противоречат положениям шариата. Непростая задача.

Почти такая же сложная задача у современных граждан нашей страны, а также большинства стран мира, где в связи с пандемией и повсеместной неустанной заботой правительства о здоровье и моральном духе граждан, почти ежедневно вводятся новые правила, ограничения, либо, наоборот, послабления, строгие инструкции, новые документы, в виде Ковид паспортов или сертификатов об антителах. Те, кто на какое-то время выпал, по тем или иным причинам, из информационного поля, вернувшись, с интересом и некоторым ужасом обнаружат, что за прошедший, не такой уж большой временной отрезок появились новые правила. По-новому носят маски, перчатки вышли из моды окончательно. Вместе с новыми правилами появились и

новые термины. «Бустерная» доза, звучит красиво. При ближайшем рассмотрении не такая уж и приятная эта доза.

Граждан поделили на две категории: законопослушные и вольнодумцы. Законопослушные – те, кто согласились с тем, что государству виднее, как заботиться о гражданах. Если уж оно решило заботиться о населении, почему бы не согласиться, даже если у некоторых возникают сомнения. Некоторые из граждан согласились еще и потому, что не хотят попасть в разряд вольнодумцев – кто-то их ласково называет «ковид идиотами» – и превратиться в неприкасаемых, которым запрещен доступ прежде всего на рабочие места. Сказать, что они представляют бо́льшую опасность, чем вакцинированные граждане, не рискнут даже самые популярные светила медицины. Нет, переносчиками заболевания могут являться обе категории граждан. И законопослушные, то есть вакцинированные, и вольнодумцы, отказавшиеся от вакцины. Почему же произошла столь откровенная сегрегация? Ответ компетентных органов – забота, забота и еще раз забота о гражданах. То есть граждан высокие руководящие инстанции рассматривают в качестве детей неразумных, независимо от возраста, которым необходимо установить правильный режим.

Господин Песков заявил на днях: «непривитым жить будет менее удобно, чем привитым».

Пандемия диктует свои законы, которым подчиняются не только правительство нашей страны, но и правительства других стран. Гражданам остается либо подчиниться, либо…

Если вы не согласны с предложенными правилами, вы можете начать открытую борьбу. Мы видим проявления такой борьбы во Франции, США, где некоторые штаты заявили, что они не собираются принимать ограничения, вводимые федеральным правительством; в Германии, в Швеции, в Канаде, список можно продолжить. В странах, где граждане привыкли к тому, что к их мнению прислушиваются, они не будут покорно следовать правилам, которые покажутся им лишенными смысла. Они выйдут на улицы и будут протестовать. Право на протест записано в Конституции многих демократических стран. Только этим правом можно воспользоваться не во всех странах, к сожалению.

А какой вариант выбирают в тех странах, где Закон, если он не устраивает, привыкли обходить? Все знают, даже малые дети, как это работает. Коррупция. Да, та самая коррупция. Нет Ковид паспорта, а работа нужна, потому что нет авуаров в офшорах, пожалуйста, плати по прейскуранту и получай заветный документ. Есть, конечно, определенный риск. «Но кто не рискует, тот не пьет шампанское». Бороться с коррупцией можно и нужно. Талибы предлагают руки отрубать. Однако, опираясь на мировой опыт, можно предположить, что борьба будет успешной только в случае разумных и действенных законов, которые не будут бесконечно меняться в зависимости от структуры моменты. Тогда, возможно, не придется прибегать к радикальным мерам.

А пока, Ковид паспорт в помощь….